

Вопросы истории и этимологии славянских языков

Семантическая «рокировка» как отражение отношений восточнославянской и южнославянской языковых стихий

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Восточнославянские и южнославянские элементы в русском языке

Аннотация. В статье излагаются основные результаты исследования механизмов взаимодействия и отбора восточнославянских и южнославянских по происхождению элементов на материале важной для атрибуции природы русского литературного языка группы «отдельных слов». История семантических и словообразовательных потенций коррелятов типа *нужда – нужа* данной группы свидетельствует о своеобразной семантической «рокировке», определяющей современный облик гетерогенности русского литературного языка.

В настоящее время постулат о роли старославянского языка в становлении и развитии восточнославянского и русского литературных языков требует перенесения акцентов с констатации преобладания тех или иных генетически соотносительных явлений в памятниках древнерусской письменности на исследование механизмов организации генетически неоднородной системы русского языка.

Столкновение восточнославянской и южнославянской языковых стихий привело к появлению морфонологических дублетов, требующих определенной дифференциации, т. е. в развитии языка последовательно реализуется тенденция к устранению структурного, семантического и функционального тождества лексем путем специализации или утраты одного из вариантов. Наиболее изученной в этом плане является судьба полногласных / неполногласных пар, поэтому их отношения, рассматриваемые как типичный и традиционный пример дифференциации корреляций, нередко механически переносятся на рефлексы *tj и *dj, которые также большинством исследователей объединяются как явления одного порядка. При этом игнорируется тот факт, что еще Ф. И. Булаев отметил размежевание слов с полногласием / неполногласием от слов с рефлексом *dj, *tj по «значению и употреблению», а А. А. Шахматов среди последних выделил группу «отдельных слов».

Данная группа не имела полной парадигмы морфонологических чередований, характеризовалась немногочисленностью и высокой гетерогенностью в памятниках древнерусской письменности, что в совокупности с позиционной независимостью сближало их со словами типа *град / город*. Однако в данной группе наблюдается сходство и с реализацией рефлексов *tj, *dj в системных глагольных и отглагольных образованиях. Это проявляется не только в количественном преобладании (в 4 раза) пар с рефлексом *dj над соответствующими коррелятами с рефлексом *tj, обусловленном длительной адаптацией южнославянского альтернанта *dj, но и в их качественной представленности. Все это требует особого рассмотрения феномена группы «отдельных слов», явившегося причиной заблуждений многих исследователей, тем более недопустимых, что пары типа *нужда / нужда* – традиционный атрибут построенной гипотез генетической природы русского литературного языка, а сохранность южнославянских по происхождению коррелятов в современном русском языке порождает миф о семантическом превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка.

Обстоятельное рассмотрение механизмов сосуществования и отбора определенных по происхождению коррелятов в данной группе показывает, что при равенстве значений или семантическом превосходстве исконного члена наблюдается более высокая словообразовательная активность корней с восточнославянским по происхождению рефлексом. Такого рода отношения характеризуют пары *надежда – надежа, нужда – нужа, одежда – одежа, вождь – вожь*, т. е. около половины всех имевшихся в русском литературном языке соотносительных «отдельных слов». Нередко при

функциональном, временном и в основном семантическом равенстве коррелятов исконный член мог также иметь более высокий семантический диапазон.

Группа «отдельных слов» ярко свидетельствует о внедрении южнославянских по происхождению рефлексов в уже имеющуюся систему и дальнейших процессах дифференциации сосуществующих пар, специализации их значений и словообразовательных потенций. Как правило, это приводит или к полной изоляции морфонологических коррелятов, или к их органическому сплаву с элементами семантического, стилистического или словообразовательного расхождения. При этом фоном всегда являются образования с исконным альтернантом, тогда как слова с южнославянским по происхождению рефлексом занимают соответствующую нишу вследствие необходимости выбора, который, как правило, является простой «рокировкой», сопровождающейся присвоением значений генетически соотносительного члена пары. В частности, семантически тождественная структура дублетов *вождь – вожь*, сопровождающаяся высоким словообразовательным потенциалом исконно оформленной корневой морфемы, с XVII–XVIII в. усложняется и вступает в отношения с новыми близкочастотными словами с исконным рефлексом, которые «перетянули» на себя значения, свойственные указанной паре. В результате в современном языке семантическое размежевание пошло по линии *вождь / вожак, вожатый*, т. е. судьба пары сводилась не столько к утрате исконного члена, сколько к его замене и перераспределению семантических характеристик, в результате чего *вождь* попадает в разряд производных слов, большинство из которых представляет пассивную, периферийную лексику.

Особенность русского языка «претворять в свою собственность все, что ни входит в него извне» (Ф. И. Булаев), приводит к гетерогенности его системы, при этом образований с исконными элементами не только количественно больше, чем образований с южнославянскими по происхождению элементами, но они обладают более высоким словообразовательным, семантическим и стилистическим потенциалом, в результате чего южнославянские по происхождению рефлекс, обогатив возможности литературного языка, находятся на периферии его системы. Такая способность русского языка к присвоению инославянских элементов сообразно особенностям его системы и страт определила специфику в том числе и русского литературного языка, которая отмечена многими исследователями как «сожительство», «культурные преемства и наследия», «радиация», «прививка» (Н. С. Трубецкой), «двумерность (a two-dimensional languages)» (Б. О. Унбегаун), «симбиоз, сращение, органическое слияние, смешение» (В. В. Виноградов), «амальгама» (Г. О. Винокур), «сплав», «трансплантация», «импортирование», «инкрустирование» (В. В. Колесов, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский), и обусловила, по утверждению Н. С. Трубецкого, его исключительные преимущества не только среди славянских, но и других литературных языков.

К вопросу о формах и видах проявления славянского сознания в древнесербской картине мира: константы и актуальные коннотации

М. Ж. Бошков

Университет в г. Нови-Сад (Нови-Сад, Сербия)

«Повесть временных лет», сербский хронограф, общеславянское сознание

Аннотация. В работе прослеживаются элементы проявления славянского сознания в древнесербском рукописном наследии. Исследуется, в частности, в какой мере высказывание летописца, положенное в основу хронографической интерпретации происхождения славян и создания их письменности, которая распространена в рукописях сербского извода, свидетельствует об актуализации представлений, касающихся общности славян, а на фоне учения о Москве – третьем Риме и о парадигматическом проявлении слагаемых славянской идеи.

Вопрос о славянстве сталкивает нас с недостаточно определенным и нечетко разграниченным употреблением терминов, таковых как *славянская идея*, *славянское сознание*, *славянская взаимность*... В настоящее время в силу распада многонациональных славянских государств этот вопрос актуализирован, и налицо процесс переосмысления традиционных положений и понятий, который требует изучения с учетом новых обстоятельств. Сопоставление исходных и впоследствии неоднократно реинтерпретированных значений представляется одним из возможных методов исследования: ретроспективный взгляд поможет выявить исторические условия, при которых порождаются или отрицаются те или иные элементы общественного сознания, и выяснить каким образом вообще сформулировалась идея славянства, как она проявлялась и изменялась. Автор полагает, что процессу этих видоизменений присущи определенные константы, которые наблюдаются на различных уровнях, в синхронических и диахронических проекциях.

Славянское средневековье вследствие позднего принятия христианства с его уже сформированным миропониманием обладает в типологическом смысле определенной целостностью и исходной законченностью своих основополагающих установок. Тем не менее различные сдвиги и переломы, порой коренные изменения исторических судеб славянских народов, а также и всего окружающего их мира вызывали в восприятии самих установок различные переосмысления, оказывающиеся нередко лишь реафирмацией первоначальных пониманий славянской идеи, которая, по словам А. М. Панченко, «существует как исторически меняющийся комплекс идеологем, артефактов, реалий, мифов» [Панченко 1988: 146]. Средневековье представляет фон, на котором довольно четко выделяются разные виды восприятия славянства и парадигмы славянских взаимоотношений. Цель данной работы проследить за отдельными проявлениями славянского сознания в древнесербской картине мира. Выводы исследований основаны на комплексном подходе к памятникам сербского извода, среди которых находятся и неопубликованные сербские списки, и структурные редакции произведений, изучаемые прежде всего в связи с сербской рецепцией русского хронографа.

Хорошо известно, что с самого начала письменности наблюдаются слагаемые славянской идеи. Помимо сведений об этносе *славяне*, особенно значимы ранние сообщения о христианизации отдельных славянских народов, нередко сопровождаемые свидетельствами об их якобы особой роли, предназначенной им как «новым народам» в христианском мире (в этом смысле нельзя переоценить данные о знакомстве Доментиана с *Словом о законе и благодати!*). Вопреки довольно стабильной рукописной традиции первоначальных сочинений о кирилло-мефодиевской деятельности, изобретение славянской письменности воспринимается порой исключительно в национальном ракурсе, и тогда речь идет не о **славянских** словесах или письменах, а о **сербских** или **наших**. Тем не менее в самом факте создания славянского письма заложена возможность в иных обстоятельствах заново выявлять исходное общеславянское значение. Показательно, что в сербской традиции почитания Кирилла и Мефодия, культ которых тесно связан со славянской письменностью, во второй половине XIV – XV в. наблюдается снижение, хотя и отмечается, что память о них сохранилась во внелитургической сфере [Турилов. 1995: 164–165]. На этом фоне особую значимость приобретает проявление интереса к их деятельности в течение рецепции русского хронографа.

Можно даже утверждать, что памятники сербского извода XVI–XVII вв. с более подробными сведениями о происхождении славянского письма (последний обзор в [Трифунувий 1994: 145–178]; в настоящий момент можно уточнить данные о статьях на тему столпотворения, рассматриваемых на с. 148 и 152 приведенной книги: на самом же деле это списки сербского хронографа) нередко являются вторичными по отношению к русскому хронографу. Оказывается вполне объяснимым, даже парадигматическим то, что в данных исторических обстоятельствах, когда Русское государство было на подъеме, а славянский юг переживал турецкое иго, распространение получает именно интерпретация славянства, связанная с влиянием памятника из сферы учения о Москве – третьем Риме. Показательность приведенного примера усиливается с обращением внимания на то, что в русский хронограф, а вслед за ним и в сербский, включен текст, восходящий к известным высказываниям о происхождении и расселении славян, об изобретении славянской грамоты и переложении книг, зафиксированным еще в *Повести временных лет* (публикация соответствующих статей сербского хронографа в [Бошков 1997]; [Бошков 2002]). Эти сведения в летописи и хронографе преследовали разные цели. Изначально употребление этнонима *славяне* было связано с стремлением летописца (Нестора?) на всемирном, в частности, библейском фоне обосновать представление об общности славян (в смысле древнейшего происхождения макроэтноса) и подчеркнуть общность их языка и письма, а на примере хронографа налицо вторичная актуализация идеи славянской общности, на этот раз в силу уже на новый лад идеологизированного контекста. В картине мира русского и сербского хронографов на первый план выступает идея единства не всех славян, а этноконфессионального единства православных славян. Тогда же на фоне проникающей на славянский юг концепции Москва – третий Рим усматривается и парадигматическое проявление соответствующих элементов славянской идеи, т. е. выявляются определенные константы восприятия славянства, по крайней мере в том смысле, в каком с этим универсалистским учением перекликаются и более поздние подходы к славянскому вопросу и некоторые дожившие до наших дней интерпретации славянской идеи с явно православным уклоном и с полемическим, прежде всего «антилатинским» (антизападническим), направлением. Исключением в известной мере является картина мира в *Верхобрезницком хронографе*, которая, помимо характерных для *Slavia Orthodoxa* представлений о Вселенной, содержит и известия об иноконфессиональных странах и народах, восходящие через *Западнорусский хронограф* к польской *Хронике* Мартина Бельского. Об этом более подробно в [Бошков 1996].

Литература

- Бошков М. О српској рецепцији «Хронике света» Мартина Бельског // Сто године полонистике у Србији. Београд, 1996. С. 147–167.
- Бошков М. Руски хронограф и српски Тројадик // Зборник Матице српске за славиистику. Нови Сад, 1997. № 53. С. 51–71.
- Бошков М. Листићи српског хронографа у Григоровичевој збирци // Словенско средњовековно наслеђе. Београд, 2002. С. 77–90.
- Панченко А. М. Петр I и славянская идея // Русская литература. 1988. № 3. С. 146.
- Трифунувий Ђорђе. Стара српска књижевност. Основе. Београд, 1994. С. 145–178.
- Турилов А. А. Этническое и культурное самосознание сербов в конце XIV – XV века // Этническое и культурное самосознание славян в XV столетии. М., 1995.

Этимология и реконструкция народной духовной культуры

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Этимология, первичная мотивация, взаимодействие языка и культуры

Аннотация. Определение первичной мотивации слова, являющееся обязательной составляющей его этимологического толкования и включающееся в реконструкцию культуры этноса, должно учитывать не только комплекс этнокультурных и исторических фактов, но также и реальность внутриязыковых взаимодействий, и возможность воздействия языка на культуру.

Реконструируемая этимологией (в качестве одной из обязательных составляющих этимологического толкования) первичная мотивация наименования предмета или понятия отражает восприятие, осознание этносом этого предмета / понятия, его отношений, связей с другими предметами / понятиями окружающего мира. Таким образом, реконструкция первичной мотивации включается в реконструкцию материальной и духовной культуры этноса и оказывается необходимой для полноты последней.

Внелингвистическим основанием для этимологизации являются исторические и этнокультурные сведения, от самого наличия которых, степени их надежности, тщательности их сбора зависит в значительной степени гипотетичность этимологической реконструкции. Однако отражение истории этноса и его культуры в лексике находится во взаимодействии с внутриязыковыми факторами (влияние этимологиче-

ских гнезд, лексико-семантических полей, морфосемантических полей), которое затемняет историю лексем. О подобных осложнениях этимологической реконструкции можно судить по этимологизации рус. *пелька* (в которой следует считаться с множественностью источников заимствования) и опытам толкования (до сих пор явно незавершенным) рус. (со славянскими соответствиями) *kozyрь* и *kozyрек* (в этом случае очевидно взаимодействие исконной и заимствованной лексики).

Необходимым аспектом реконструкции первичной мотивации с опорой на этнолингвистические сведения должна быть всесторонняя оценка весомости и соотношения собственно лингвистических и этнокультурных аргументов с учетом возможности влияния языковых фактов на формирование этнокультурных. Примером такого влияния представляется связь слова *кунка* и образа куницы в русском фольклоре.

Значимость памятников древнерусской письменности для построения диахронной лингвистической географии

Е. А. Галинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Памятники древней письменности, лингвогеография, изоглоссы

Аннотация. Исследование памятников письменности XVII в. позволяет восстановить изоглоссы фонетических явлений этого периода и сравнить их с современными изоглоссами.

Перед русской лингвогеографией стоит задача соединить топоизоглоссы, выстраиваемые для современного периода, с хроноизоглоссами, которые восстанавливают историки языка, в результате чего должны получиться двумерные хронотопоизоглоссы. Однако для того, чтобы это стало возможным, необходимо построить одномерные топоизоглоссы применительно к синхронным срезам предшествующих эпох. И здесь материал черпается из памятников древней письменности. Изоглоссная реконструкция достигается путем изучения рукописных источников, которые датируются примерно одним периодом, но локализируются на различных территориях распространения русского языка. При этом есть фонетические особенности, которые абсолютно надежно восстанавливаются по рукописным источникам, т. е. практически не требуют обращения к данным современной диалектологии для подтверждения реальности предлагаемой реконструкции. И диахронные лингвистические карты, построенные применительно к таким явлениям, после сравнения с современными картами дают сведения о том, изменилась та или иная изоглосса во времени или нет.

К числу надежно свидетельствуемых памятниками письменности явлений относится произношение долгих или сложных шипящих согласных. Покажем, как восстанавливаются фрагменты соответствующей изоглоссы на примере рукописей, отражающих говоры русской западной диалектной зоны конца XVI – перв. пол. XVII в.

В **новгородском** диалекте этого периода, судя по показаниям рукописных источников (РГАДА, ф. 1209, оп. 1243 – ст. 23458, 23459, 23460, оп. 1245 – ст. 42757, 42768, 42777а, 42788, оп. 1246 – ст. 34280, 43363, 4331), долгий глухой шипящий мог произноситься двояко: как [шш] и [ш'ш']. Указание на твердое произношение: с *товарыщи*, *сыщи* (imprgat.). Мягкое же произношение доказывается наличием в рукописях мены букв **ш** и **щ** (*новокреше*^и, *путощи*), за которой должна стоять близость в произношении краткого и долгого шипящего, а в новгородском диалекте краткие шипящие были еще мягкими (*пожядуи*, *мужю*). Что касается звонкого шипящего, то о его долготе свидетельствуют орфограммы *поро^жжие*, *поро^жжи*^х, а о твердости говорят написания *поро^жжы*^х, в *порожы*^х. Т. е. можно думать, что за всеми приведенными орфограммами стоит произношение [жж].

Но были другой вариант – [ж'д'] или [жд'] (*в поро^жди*^х). За последние 400 лет ситуация не изменилась. В новгородских говорах повсеместно представлено произношение [шш], хотя местами звучит и [ш'ш'], а также [шч], [ш'ч'] и [шч'] [ДАРЯ, к. 48]. Для звонкого шипящего преобладает произношение [жж], тогда как на западном побережье озера Ильмень имеется ареал, где в сосуществовании с [жж] можно услышать [ж'д'] или [жд'] [ДАРЯ, к. 52].

На основании данных псковских отказных и отдельных книг (РГАДА, ф. 1209, оп. 2 – № 8455 и № 8461) мы можем заключить, что в перв. пол. XVII в. и в **псковском** диалекте глухой шипящий был долгим (*к Мости^ицям*) и твердым: (<пустошь> *Чепеницыно*). Однородным долгим был и звонкий шипящий: *сожжена*, *порожжи*^х, *приежжа*^т. Его твердость может быть реконструирована на основании того, что твердым был долгий глухой, а долгий глухой шипящий никогда не опережает в своем развитии долгий звонкий (см. [Аванесов 1948: 26]). Современные псковские говоры знают преимущественное произношение [шш] и [жж] с редкими вкраплениями других вариантов произношения (см. [ДАРЯ, кк. 48, 52]).

По-иному обстоит дело с рядом других говоров западной диалектной зоны.

В **смоленском** диалекте начала XVII в. глухой долгий (или сложный) шипящий звучал как [ш'ш']. Ср. следующие написания из «Памятников обороны Смоленска 1609–1611 гг.» [Памятники... 1912]: *вмецяти*, *Верещягин*, *Гаврилиця*, *Сушишов*, *ямшик* (буква **ш** ассоциировалась с мягким согласным: *упрашял*, *Жюкову*). Возможно, было и произношение [ш'ч']: из *Чучья* (село *Шучье*). Долгий звонкий шипящий имел реализацию [ж'ж']: *приѣжжяют*, *Дрожжяны*.

В современных смоленских говорах картина другая: основными, повсеместно распространенными типами произношения являются [шш] и [жж] [см. ДАРЯ, кк. 48, 52]. Таким образом, долгие шипящие имели в начале XVII в. в смоленских говорах другую реализацию, чем сейчас, и были мягкими. Нынешнее повсеместно распространенное их твердое произношение, следовательно, возникло не ранее середины XVII в.

В **великолукском** диалекте перв. пол. XVII в. (исследована великолукская отказная книга 1616–1637 гг. – РГАДА,

фонд 1209, оп. 2, № 8367) звонкий шипящий мог быть долгим (*со^жжено*) и сложным: как мягким (*и^з съе^жжде^т и^бе*), так и твердым (*въ съе^ждую избу*). Сейчас произношение [жд] в ближайших окрестностях Великих Лук отсутствует [ДАРЯ, к. 52].

Информативны написания, извлеченные из рукописей, отражающих близкие друг к другу **тверской, торжковский и ржевский** говоры.

В тверском диалекте (исследована тверская отказная книга 1627–1643 гг. – РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 16061) глухой шипящий произносился как [ш'ш'] (*нащи, Данилиша*) при мягкости <ш> (*Проко^шя*), [ш'ч'] (*прика^шчика*) и [ш'т'] (*во щи пустоша^х* – 190 об., – т. е. «во шти» – нормальная форма местного падежа от числительного *шесть*). Подобное написание свидетельствует о том, что буква **щ** могла ассоциироваться с произношением [ш'т']. Если первые два варианта ([ш'ш'] и [ш'ч']) фиксируются в тверском диалекте и сейчас, то третий ([ш'т']) ныне уже отсутствует [ДАРЯ, к. 48].

Произношение [ш'т'] отражается и в новоторжской отказной книге 1611–1628 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11463): *ко щидеся^т четвертя^т*, а также в книге сбора кабацкой при-

были Ржевского кабака 1629–1630 г. (РГАДА, ф. 137, оп. 1, Ржев, № 1): *с ваццинами, с товарищити*. В современных говорах соответствующих регионов такое произношение больше не фиксируется [ДАРЯ, к. 48].

Итак, конфигурация интересующих нас изоглосс 400 лет назад была сходной с их конфигурацией в нынешнее время, но не идентичной ей: в смоленском диалекте перв. пол. XVII в. долгие (или сложные) шипящие были мягкими – теперь же они преимущественно тверды. В районе Великих Лук ныне отсутствует вариант произношения [жд], восстанавливаемый для перв. пол. XVII в. Не представлены сейчас и варианты [шт'], [ш'т'], которые реконструируются для тверских, торжковских и ржевских говоров в том их состоянии, в котором они существовали четыре столетия назад.

Литература

- Аванесов Р. И. О долгих шипящих в русском языке // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948. Вып. 6. С. 9–14. Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986 (= ДАРЯ). Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. действительного члена Ю. В. Готье. М., 1912.

Адъективные производные от восточных заимствованных основ в русском языке XV–XVII вв.

Г. Х. Гилазетдинова

Казанский государственный университет (Казань, Россия)

Восточные заимствования, словообразовательная активность

Аннотация. В статье рассматриваются словообразовательные возможности восточных слов в языке старорусского периода. Представлены продуктивные словообразовательные типы производных адъективов от заимствованных основ.

Восточные слова, образующие особый пласт в лексической системе русского языка XV–XVII вв., адаптируясь в системе языка-рецептора, проявляют в той или иной степени способность к словопроизводству. Имена прилагательные от восточных заимствованных основ представляют собой в языке исследуемого периода довольно многочисленную группу. Самым распространенным средством образования адъективных производных в привлекаемых к исследованию источниках (разножанровых памятниках, деловой и бытовой письменности, исторических словарях и др.) является суффикс *-н(ый)*, один из продуктивных суффиксов как в современном русском языке, так и в языке XV–XVII вв. При помощи суффикса *-н(ый)* и его варианта *-ин(ый)* на базе заимствованных основ образовывались прилагательные, характеризующие различные виды отношений к предмету: 1) сделанный из чего-либо: *изумрудный, кумачный, сафьянный*; 2) предназначенный для чего-либо: *вьючный, лошадиный*; 3) относящийся к чему-либо: *колымажный, фетильный*. Ср.: *колымажные ворота тройные* 1682 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7, с. 255), *Толко велми кормом лошадиным изпроелся* (Грамотки, 122), *кафтаны... кумачные и кутняные* (Х. Котова, с. 54), *одеяла... загрювокъ насытнню объаринноу* (МДБП, с. 190) и др. Любопытно, что наименования разнообразных сортов «восточных» тканей стали самой многочисленной лексико-тематической группой в ряду существительных с предметным значением, послуживших основой для образования прилагательных: *зубь* 'шерстяная ткань' – *зубный, кармазинь* 'тонкое сукно красного цвета' – *кармазинный, обьярь* 'плотная шелковая ткань' – *обьяринный* и др.

Не менее продуктивными в исследуемый период являются адъективные производные, образованные при помощи форманта *-ск-* от заимствованных существительных преимущественно со значением лица: *атаман* – *атаманский, бобьль* – *бобьльский, боярин* – *боярский, хан* – *ханский*, редко – от наименований животных: *обезьяна* – *обезьянский* и др. Мотивирующими существительными при производстве прилагательных с формантом *-ск-* могут выступать и этнические наименования: *бесермен(ин)* – *бесерменский, магметан(ин)* – *магметанский*. В этой связи Э. А. Балалыкина, рассматривая историю русского адъективного словообразования, утверждает: «Способность суффикса *-ск-* обуславливать значение лица чрезвычайно показательна, по-

скольку является отголоском древних отношений, связанных с первоначальной недифференцированностью имени и признака» [Балалыкина 2007: 127].

Отмечаются адъективные дериваты с суффиксом *-ов-*, который, как известно, искони выражал притяжательное значение и присоединялся к наименованиям лица (*нуредын* 'член правящей династии в Крымском ханстве' – *нуредынов, палач* – *палачев, салтан* – *салтанов*) и животных (*барсовый, слоновый*). Ср.: *В султанов же дворь 7-ры ворота* (Х. Афан. Никит., с. 17), *съ нуредыновыхъ и царевыхъ ближнихъ людей* (Переп. Мих. Фед., с. 30). Любопытно, что адъективное производное *слоновый* выступает в двух значениях – 'относящийся к слону, как у слона': *а носъ слоновъ* (Х. Афан. Никит., с. 18) или 'сделанный из слоновой кости или украшенный слоновой костью': *Фунт гребеней слоновых* (Сл. Мангаз. пам., с. 464), *не на одрѣхъ слоновыхъ почивати ученикомъ своимъ приказаль* (Ав. Кн. бес., с. 255). Довольно редки дериваты с суффиксом *-ов-* с предметной семантикой – *алмазовый*: *камьшики алмазовые* (Кн. прих.-расх. каз. пр., 43. 1614 г. – СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 30), *байберековый* 'сделанный из шелковой ткани': *кафтан... байберековой* (МДБП, с. 214), *пеньковый*: *да пеньковая веревка ему во мзду дана будетъ* (Юдифь, с. 106) и др.

Выделяется особая группа притяжательных прилагательных на *-ов-*, образованных от суффиксальных существительных при наименовании лица, обозначающих носителя предметного признака: *армячник* – *армячников, барышник* – *барышников, колпачник* – *колпачников* и др. Например: *М<бсто> Харинское барышничково* (Новг. лав. кн., 185. 1583 г. – СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 76).

Встречаются прилагательные с суффиксом *-чат-* с общим значением 'относящийся к предмету, названный мотивирующим словом', образованные от заимствованных существительных конкретно-предметной семантики: *камка* 'шелковая ткань' – *камчатый* 'сделанный из камки', *мерлушка* – *мерлушчатый* и др.

Довольно редки адъективные производные с формантом *-ий-* от наименований лиц: *казачий*; животных: *аргамачий, обезьяний, сазаний*. Ср.: *кобыла темносѣрая молодая аргамачья* (Переп. Хован., с. 310).

Таким образом, исследуемый материал демонстрирует особенности словообразовательной адаптации восточных заимствований в лексической системе русского языка XV–

XVII вв. В соответствии с законами языка-рецептора восточные слова включались в наиболее продуктивные словообразовательные типы, активно используя средства заимствующего языка.

Литература

Балалыкина Э. А. Русское адъективное словообразование на балтославянском фоне. Казань, 2007.

Источники

Аввакум. Книга бесед // Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. I. Вып. I. Л., 1927. Стлб. 241–424 [1669–1675 гг.] (= Ав. Кн. бес.).
Грамотки XVII – начала XVIII века / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969 [1629–1709 гг.] (= Грамотки).
Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешникова, И. С. Филиппова. М., 1968 [1617–1698 гг.] (= МДБП).

Переписка царя Михаила Феодоровича // Письма русских государей и других особо царского семейства. Т. 1. М., 1848. С. 9–298 [1619–1631 гг.] (= Переп. Мих. Фед.).
Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. 10. М., 1905. С. 283–462 [XVII в.] (= Переп. Хован.).
Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. / Сост. Н. А. Цомакион. Красноярск, 1971 (= Сл. Манг. пам.).
Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1–27. М., 1975–2006 (= СлРЯ XI–XVII вв.).
Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. М.; Л., 1958 (= Х. Афан. Никит.).
Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 25–60 [1624 г.] (= Х. Котова).
Иудифь // Тихонравов Н. Русские драматические произведения 1672–1725 гг. Т. I. СПб., 1874. С. 76–203 [1674 г.] (= Юдифь).

Объектный предикатив

в преднациональный период развития восточнославянских языков

Л. А. Глинкина

Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск, Россия)

Восточнославянские языки, эволюция и трансформация, объектный предикатив

Аннотация. Единые для древнерусского языка модели объектного предикатива трансформируются в образовавшихся позже трех восточнославянских языках. Основная модель оказалась для них одинаковой: это замена вторых падежей творительным предикативным, но в украинском и белорусском в этой функции параллельно развились предложно-именные сочетания.

1. В научной литературе эта тема рассматривается как звено в обобщенном грамматическом варьировании типа *второй падеж // Творительный предикативный*. В составе оборотов с двойными падежами в старославянском и древнерусском четко выделялись три синтаксемы: глагол (V), первый косвенный (N¹_{вин.} или W¹_{дат.}) и второй косвенный падеж (N²_{вин.} или N²_{дат.}). Процесс вытеснения вторых падежей творительным предикативным у восточных славян протекал самобытно и независимо друг от друга, хотя, возможно, не без влияния литовского и польского языков на юго-западе.

2. В каждом этапе развития участвовала сложная комбинация пяти значимых компонентов оборота.

1) Семантика и валентностная структура коммуникативно недостаточного глагола-связки, которым определялся выбор первого, а также второго падежа объекта – предикативного объекта;

2) падежное и частеречное выражение синтаксемы в функции дополнительного предикативного признака: В. п. (N²_{дат.}), Род.² п. (N²_{род.}), Дат. (N²_{дат.}), Тв. (N²_{тв.});

3) морфологическое выражение второго падежа (существительным, прилагательным, причастием, местоимением);

4) морфологическое выражение первого косвенного падежа N¹_{вин.}–N¹_{дат.};

5) порядок следования синтаксем в триаде: V–N¹–N² / N¹–V–N² и др.

В этой совокупности признаков значимость каждого последующего иерархически определяется предыдущими.

3. Рассмотрим модель: V–N¹–N², оттолкнувшись от генетически общего для всех восточнославянских языков древнерусского этапа (X–XIV вв.), и проследим ее эволюцию на стадии трех языков народностей: старорусской, староукраинской, старобелорусской (XV–XVII вв.). В древнерусский период наиболее частотны при втором субстантивном семантические связи со значением **называния, назначения, принятия и владения**.

В старорусском – глаголы **речи, называния, прошения**; в старобелорусском – глаголы **мысли**, в староукраинском – глаголы **речи, назначения, принятия**; при втором адъективном (N²_{вин. прил., прич.}) состав знаменательных глаголов еще шире: это глаголы **активного действия**, вызывающие появление определенного признака в объекте, глаголы **движения, состояния**.

В старорусских памятниках расширился круг названных глаголов, особенно физического действия: *и тою горою выскою хотели нас живых накрыть* (Пов. об азов. взятии, с. 73).

В старобелорусском N²_{вин. прил., прич.} наблюдается при глаголах **чувства, мысли, речи**: *сам знаю верна его к собѣ* (Пов. о витязях, с. 88).

В староукраинской письменности это глаголы **речи, чувства, мысли, активного действия** (*мовити, рачити, прагнути* и др.).

При партиципном N² в старорусских, старобелорусских и староукраинских текстах преобладают, как и в древнерусском, глаголы чувственного восприятия.

Таким образом, круг управляющих глаголов остался семантически в тех же границах, что и в древнерусских, старорусских, старобелорусских памятниках, хотя лексически некоторые из них характеризуются как юго-западные: *мовити, показати мели, розумѣно*.

Семантика глаголов в моделях N²_{сущ., прил., прич.} позволяет сделать выводы о варьировании первого компонента:

– грамматическая форма глагольных связей ограничена переходными глаголами; наклонение, время, спряжение или склонение глагольных форм этой синтаксемы, по-видимому, не влияют на структуру оборота.

– специфика каждой разновидности оборота определяется не столько морфологическим выражением именной части сказуемого, сколько характером преобладающих в каждом типе семантических групп управляющих глаголов.

Обобщая квалификацию оборотов с двойными падежами, отметим, что глагол, как показала древнерусская и вся более поздняя восточнославянская письменность, не только имел особый семантико-синтаксическим потенциалом, стимулировал синтаксическое функционирование других слов, формируя их ограниченную грамматическую сочетаемость.

4. N² – второй винительный существительных и прилагательных в **древнерусский период** был выражен сравнительно ограниченным семантическим кругом имен. Общая тенденция, проявившаяся в восточнославянских языках (XV–XVII вв.), состояла в значительном расширении этого круга.

Национальное своеобразие выражения функционирования N² наиболее показательно в следующем:

а) в преимущественном использовании в старобелорусской письменности в качестве второго падежа полных форм причастий (полные формы составляют около 70%, краткие – около 30%);

б) только **старобелорусскому** письменному языку, в отличие от древнерусского и старорусского, свойственно использование в качестве второго винительного полных форм бывших действительных причастий прошедшего времени на -л, перешедших позже в прилагательные. Например: *...видечи... пана осиротелого...* (Дневн. Евлаш., с. 135);

в) в **западнорусских** памятниках сравнительно часто встречается двойной винительный с инфинитивом от глаго-

ла быть: *есмы слышали аеѣа^ндра, бы^м мудростю приовдобенного* (Александря, с. 53).

5. История всех вариантов оборота с двойным винительным имеет много общего в восточнославянских языках: второй согласуемый падеж вытесняется творительным предикативным и предложно-именными сочетаниями. Однако характер и активность вытеснения различны по языкам и в зависимости от морфологического выражения второго винительного. Наиболее интенсивно процесс синонимической замены и сосуществования оборотов с $N_{\text{вин.}}-N_{\text{тв.}}$ протекал при субстантивном втором винительном (с XIII по XV в.), наименее – при партиципном (с XVI–XVII вв.). Развитие творительного предикативного на месте второго винительного при-

лагательных и причастий связано с появлением предикативного употребления их полных форм (с конца XV в.). Вытеснение второго винительного существительных, прилагательных и причастий происходило в старобелорусских и староукраинских памятниках более активно, чем в старорусских.

Тенденция замены вторых падежей творительным предикативным стала закономерностью не только восточнославянского, но и всеславянского синтаксиса (Потебня, Шахматов, Пешковский, Патокова, Мразек, Ломтев, Карский, Борковский, Граннес). Так параллельно складывались основы и сохранялись традиции в одном из звеньев синтаксиса генетически родственных русского, украинского и белорусского языков.

Эпистолярные деловые тексты конца XVIII – начала XIX века в историко-лингвистическом и культурологическом аспекте

Н. В. Глухих

ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» (Челябинск, Россия)

Эпистолярный деловой текст, антропоцентризм, текстовые категории

Аннотация. Эпистолярные деловые тексты – важнейшая часть документации заводской провинциальной канцелярии конца XVIII – начала XIX в. Система эпистолярной коммуникации включает письма информативного, императивного, сопроводительного характера, отражает эпистолярный этикет своего времени. Одним из главных признаков делового эпистолярия является антропоцентризм.

История Урала XVIII–XIX вв. неразрывно связана с развитием промышленности, прежде всего металлургии. Среди заводчиков, живших в Москве, Санкт-Петербурге, путешествовавших по Европе, было популярным дистантное руководство предприятиями. Так контролировали и направляли свои уральские заводские конторы Демидовы, Расторгуевы, Кнауф, Мосоловы, Лугинины. Руководство, контроль, координация деятельности осуществлялись посредством **эпистолярной коммуникации**. Заводские конторы отправляли свои отчеты, прошения, доношения и другие послания в вышестоящую заводскую контору или в соответствующее Управление горными заводами, далее – в Горное начальство, Канцелярию Главного заводов правления.

Картины жизни заводов того времени можно ярко и достоверно представить лишь благодаря работе исследователей в исторических архивах нашей страны. Именно в них сохранились беспристрастные свидетели прошлых эпох, обращаясь к которым мы сегодня уточняем известные факты, обогащаем нашу историю, вводим в научный оборот новые памятники. Лингвистическая публикация исторических документов не менее важна, чем фактологический пересказ, поскольку позволяет максимально точно воссоздать (а значит, сохранить) рукописный источник, его языковые особенности, представить язык как культурную реалию эпохи, а сам документ осознать как цельный текст в системе языка своего времени.

Материалом исследования являются документы пяти исторических фондов Объединенного государственного архива Челябинской области: И–169, И–170, И–172, И–225, И–227. Архивы южноуральских заводских контор, хранящиеся в данных фондах, содержат различные документы: купчие крепости, ведомости, дела о земельных спорах, топографические карты, планы заводов и рудников и т. д., но подавляющее количество заводских памятников относится к **эпистолярным**: донесения, рапорты, письма, распорядительные предписания, запросы, объяснения и т. д.

Как исторический документ деловой письменности XVIII – начала XIX в., деловой эпистолярный текст обладает археографической характеристикой, отражающей общерусскую скорописную традицию. Специфика исследуемых документов проявляется в варьировании на графико-орфографическом уровне, что является следствием влияния живого произношения. Региональные отклонения от общерусской языковой нормы представлены незначительно, деловой эпистолярный, как и делопроизводство провинциальной канцелярии в целом, ориентирован на государственные требования документооборота.

Одним из главных свойств, а также одной из основных характеристик эпистолярия является антропоцентризм, проявляющийся на всех этапах создания и функционирования делового письма. Антропоцентричность делового эпистоля-

рия влияет на тональность текста, отражается в выборе высказываний разной степени категоричности. Это свойство исследуемых текстов обуславливается системой целенаправленных речевых действий коммуникантов, имеющих результатами определенные речевые произведения, реализующие интенции конкретных адресантов.

Специфику делового эпистолярия определяет система классификационных признаков и текстовых категорий (типологических признаков). Классификационными признаками являются тематический, функциональный, векторный и социолингвистический. Большая часть текстов с точки зрения тематического признака относится к политематичным. Функциональная классификация позволила выделить различные виды писем: рапорт, информация, сопровождение, подтверждение, предписание, просьба. Такая система развилась уже к исследуемому периоду и большей частью существует в современной документации.

Деловому эпистолярному свойственны текстовые категории информативности, диалогичности, времени и пространства, текстового хронотопа, текстовой модальности, цельности и связности, которые в целом организуют содержание и оформление текста письма.

Коммуникативные смыслы и намерения реализуются на всех уровнях текста: высказывание, структурные части, языковое оформление, содержание. В первую очередь, это информативно наполненный, в достаточной степени стандартизованный текст, рассчитанный на понимание адресата, специалиста в данной области профессиональной коммуникации.

Деловой эпистолярный текст содержит стандартные элементы, проявляющиеся на структурном и функциональном уровнях. Они отражают эпистолярный этикет своего времени, включаясь в деловое общение, вносят традиционность в структуру делового документа. В то же время распространенные в конце XVIII – начале XIX в. формулы делового этикета наполняются специфическим содержанием, трансформируются под влиянием личности адресанта и ассимилируются в среде письменного общения разных с социально-имущественной точки зрения респондентов.

Каждый вид текста, в свою очередь, специфичен и отличается от других языковыми текстообразующими единицами, проявлением образа автора, использованием определенной коммуникативной тактики.

Каждому типу высказываний отводится своя роль в организации монодиалога, в отражении влияния социального фактора, в обеспечении понимания адресатом намерений адресанта и адекватного восприятия передаваемой информации. Необходимыми и традиционными компонентами эпистолярия являются фатические высказывания. Синкретичность высказываний способствует более интенсивному воздействию на адресата.

Коммуниканты деловой переписки представлены системой целенаправленных речевых действий: реакции, иллюкуции, служение этикету. На формирование номенклатуры высказываний и арсенала языковых текстообразующих средств существенное влияние оказывают производственная деятельность и социальное положение. Деловое письмо характеризуется неоднородностью состава коммуникантов, разнообразием способов их репрезентации. В основе переписки – официальные

отношения, имущественная асимметрия, при этом – общая заинтересованность в поддержании диалога и достижении конкретных результатов производственной деятельности.

Исследование истории деловой документации на региональном уровне – перспективное направление в развитии ряда наук гуманитарного цикла: лингвистического краеведения, исторической стилистики, лингвокультурологии, документоведения.

Старобългарският като език на държавността в Славия Ортодокса

Б. Даскалова

Софийски университет «Свети Климент Охридски» (София, България) /
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Старобългарският и старославянският език, «лингва франка», средновековни държавни документи

Анотация. Старобългарският литературен език в православни държави в Средновековието – это не только сакрален език на богослужението, но и език на държавните документи и светската литература. Названите паметници на писмеността са ценни източници за различни области на историческите науки и демонстрират тесна взаимосвязь на историята, филологията, етнографията и т. д.

Книжният език от ранното средновековие на Българската държава е езикът, на който се превеждат произведенията на древните философи и писатели, на отците на Източната църква и се създава оригинална българска литература. На този език също така се издават всички документи в Средновековна България и се извършва богослужението в църквата. По своята същност той е официалният български държавен език за всички етноси, които живеят в границите на твърде обширната по територия българска държава от VIII–X и XII–XIV век.

По-късно многобройните преписи на преводни и оригинални творби от българските скриптории се разпространяват в целия източноправославен свят и започват на свой ред да се приписват в страни като Сърбия, Хърватия и Русия, придобивайки някои изменения, повлияни от особеностите на местните говори. Така се получават текстове с така наречената сръбска и руска редакция. Но граматичният строй на езика, на който са написани всички тези книги, е един и същ и това довежда до едно унифициране на този книжовен език, превръщайки го в общоупотребим език за всички православни славяни, в общославянски книжовен език. Ако хипотетично обединим цялата тази средновековна книжнина в едно, бихме могли да кажем, че тя е написана на този общ «старославянски» език. Реалната литературна продукция обаче се осъществява конкретно в отделните страни със своите лексикални и фонетични особености. Но ако приемем този термин – «старославянски» език, то тогава той би трябвало да обединява всички тези особености на различните местни редакции. В този случай «старославянският» език в Средновековна Европа се явява като алтернатива на старогръцкия и латинския езици. Както латинският език е общият език на държавността, богослужението и държавната администрация за страните в Западна Европа, така и старославянският език изпълнява същата функция за страните от Източноправославния славянски свят.

Нещо повече, той продължава да съществува като официален език в страни като Влахия и Молдова, в които не преобладава славянско население и които по-късно се откъсват от Средновековна България и заживяват свой самостоятелен, държавно-политически живот. Но във Влахия и Молдова продължава да се преписва българската религиозна литература и канцелариите на влашките и молдовските воеводи продължават да издават своите документи на езика на несъществуващата вече българска държава. Този език продължава да изпълнява своята функция в богослужението и светската книжнина благодарение на своето високо развитие като културен феномен и той е официалният държавен език за двете княжества почти до средата на XVII век.

В исторически план изучаването на стария славянски език се извършва на основата на писмените исторически извори, запазени в различни славянски страни. Но не трябва да оставаме без внимание богатото книжовно наследство, запазено в една неславянска страна каквато е Румъния. Средновековните княжества Влахия и Молдова започват да създават своята книжовност и култура напълно в ареала на Славия Ортодокса.

Изключителен интерес за историята на българския книжовен език представляват грамотите, издадени на север от Дунава. Именно тези влашки и молдовски държавни документи са най-богатите източници за изучаване на развитието на старобългарският език към неговия «среднобългарски» вариант и представляват прекрасна илюстрация на този процес, когато падежните морфемни започват да се заместват една с друга и синтактично-падежните отношения в именната система не са така последователни, както беше през XIV век по времето на патриарх Евтимий. Моите наблюдения са върху грамотите на влашките воеводи от 1375 до 1450 година, т. е. от края на XIV до средата на XV век. Смя да твърдя, че езикът на тези документи е български, много жив, отличаващ се с демократичните форми на разговорния език. Освен това тези писмени документи са ценни исторически извори, без които е немислимо да се постави историографията на обективно-научен анализ, да се проследи стопанската и политическата история на съответните държави. Тези документи дават богат изворен материал за изследване на историческата топонимия, ономастика и различните етнически общности.

За топонимията са безценни данните на различни села, местности, реки, свети места и манастири, описани в дарствените и имуществените грамоти. Съответно топонимите, хидронимите, етнонимите и други подобни названия са убедително доказателство за етническия състав на хората, населявали различни области. Богатата терминология в областта на икономиката и социалния живот на средновековието, срещаща се в тези грамоти, е от важно значение за изучаване на етимологията на много архаизми, регионализми и редки думи в славянските езици, които се появяват най-неочаквано в раздалечени райони от различни славянски страни, но които носят духа на един общ културен живот. В страни като Влахия и Молдова тези думи са запазени в един остарял законсервиран вид, останали встрани от общото развитие на езика на съответната страна, но илюстриращи един по-ранен етап от нейното културно развитие. В това отношение Влахия и Молдова преминават пътя на една уникална метаморфоза но това развитие – започнало в света на Славия Ортодокса изцяло на старославянски език и преминало в свършено друга сфера, каквато е латинската култура.

И така, с превръщането на стария български книжовен език в «лингва франка» за православния славянски свят, а както видяхме и за страни като Влахия и Молдова, които трудно бихме могли да наречем славянски, този език излиза от своята сакрална роля в богослужението и съвсем естествено става и език на държавността. Но точно като такъв той започва да изразява реалитите на обществения живот и става важен източник на сведения за езиковеди и историци. Именно езикът на държавността и съдържанието на всички държавни, светски, юридически, епистолярни и пр. документи представляват живата връзка между различните хуманитарни науки и в частност между филологията и историята. Ето защо изучаването на нашия общ старославянски език не бива да се приема като анахронизъм или отживелица, а като първостепенен източник за истински познания на миналото.

Взаимоотношение современных славянских языков с литературно-языковым наследием прошлого

А. Дерганц

Философский факультет в Любляне (Любляна, Словения)

Матей Сович – перевод грамматики Мелетия Смотрицкого на латинский язык

Аннотация. V Narodni in univerzitetni knjižnici v Ljubljani se hrani rokopis prevoda slovnice Meletija Smotrickega, ki ga je opravil osorski arhidiakon Matej Sovič (umrl 1774). Rokopis je pridobil mecen in sodelavec slovenskega preroditeljskega gibanja baron Žiga Zois od koprškega škofa Karla Camuzzija. Za rokopis se ve že dolgo časa, o njem je pisal Milčetič [Milčetič 1911: 497–503], omenjata ga Nimčuk in Horbatsch, sedaj ga analizira Vanda Babič [Babič 2007]; [Babič 2008]).

Gre za več map, v katerih se poleg prevoda slovnice nahajajo tudi latinski predgovor Slovnici ter pisma v italijanščini (korespondenca z Albertom Fortisom), nekateri krajši teksti in zapis Hasanaginice.

Sovičev prevod slovnice Smotrickega sodi na konec obdobja vzhodnoslovanizacije hrvaških glagolskih besedil v 17. in 18. stoletju. Gre za proces, ki je bil na začetku spodbujan iz Rima, kasneje pa je imel zagovornike tudi na Hrvaškem, med njimi barski in zadarski nadškof Vicko Zmajević (1690–1745) in zadarski nadškof Matej Karaman (umrl 1771), katerega sodelavec je bil Matej Sovič. Šlo je za prepričanje, da bi morali v glagolskih bogoslužnih knjigah uporabljati cerkveno slovanščino vzhodnoslovanke redakcije. To gibanje je zamrlo in Sovičev

prevod slovnice Smotrickega ni bil nikoli natisnjen. Vendar so v tej zvezi zanimiva tedanja razmišljanja in razprave o «knjižnem jeziku», ki na določen način sodijo k predzgodovini slavistike.

Bibliografija

Babič Vanda. Latinski prevod slovnice Meletija Smotrickega in dva fascikla s korespondenco Mateja Soviča // Slavistična revija. 55. 2007. 1–2. S. 147–169.

Babič Vanda. Matej Sovič in njegov prevod cerkvenoslovanke slovnice Meletija Smotrickega iz leta 1773 // Slavistična revija. 56. 2008. S. 31–49.

Milčetič Ivan. Hrvatska glagolska bibliografija. I. dio. Opisi rukopisa // Starine. XXXIII. Zagreb, 1911.

Думите в скоби в българския възрожденски текст – средство за познание, комуникация и езиково строителство

М. Димитрова

Институт за български език при БАН (София, България) / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Българският литературен език, Възрождение, лексика

Аннотация. В докладе обсъждается вопрос о «словах в скобках» в болгарских текстах Возрождения – разнообразные метатекстовые втаскивания пояснений слов и выражений. Исследование основано на электронных корпусах болгарских возрожденческих журналов «Любословие» и «Летоструй». Слова в скобках статистически редкое явление. Их употребление преследует прежде всего когнитивные цели и связано с коммуникативной функцией языка. Символическая функция языка и строительство лексической системы болгарского литературного языка осуществляются при выполнении этих прагматических целей.

Българските възрожденски книжовници активно и съзнателно строят лексикалната система на новобългарския книжовен език. Многопосочността на този процес се проявява в едно явление, много характерно за възрожденския текст, наречено «думи в скоби» (по въпроса са ми известни само две изследвания: [Александрова 2006] и [Иванова 1998]). Възрожденските книжовници поддържат практиката да използват думи в скоби през достатъчно дълъг период.

В настоящето изследване под «думи в скоби» се разбира разнообразни метаезикови вмъквания. Освен конкретно съотнасяне на две или повече лексеми пояснителни отношения се изразяват и чрез думите *тоест*, *сиреч*, и чрез словесните обяснения, в т. ч. и дефиниции на (предполагаемо) непознати за читателя обекти. Като цяло такива вмъквания представляват превод, съпоставка или обяснение на дума или израз с друга дума или израз.

В изследването се наблюдава езиковата практика на две периодични издания – «Любословие» от 1844–1846 и «Летоструй» или домашен календар за 1869 година. Списанията съдържат енциклопедични четива за масовия читател. Те принадлежат към различни (под)периоди от развитието на новобългарския книжовен език. «Любословие» е от втората четвърт на XIX век – период на начално изграждане, а «Летоструй» е от третата четвърт на XIX век – период на ускорено или разгърнато изграждане на новобългарския книжовен език (за периодизацията на новобългарския книжовен език вж. напр. [ИНКЕ 1989: 45]). Думите в скоби в двете издания отразяват процесите на стабилизация в лексиката на новобългарския книжовен език, а също и (в някаква степен) представата на книжовниците за тази стабилизация.

Изследването се основава на анотирани електронни корпуси за всяко издание. Представените количествени данни са извлечени от тези корпуси.

Формално думите в скоби са статистически рядко явление в изследваните текстове. В корпуса от «Любословие» има 132 такива случая, като в пояснителни отношения участват 2,73% от словоупотребите. В корпуса от «Летоструй» има 81 случая, като в пояснителни отношения участват 1,77% от словоупотребите.

Основната част от думите в скоби представляват лексикалните междуезикови преводи. Количеството на този вид

пояснения рязко намалява при сравнение на данните «Любословие» и за «Летоструй». Увеличава се относителният дял на поясненията с когнитивен характер. При «Любословие» такива вмъквания са много по-малко, а при по-късния паметник «Летоструй» преобладават.

Съдържателно думите в скоби от изследваните текстове могат да се класифицират по следния начин.

1. Съпоставяне на различни мерни системи:

1.1. За време (дати) и разстояние

Казуват, че това землетресение толкува стана силно, щото Цариградско море се оттръгна в разстояние три мля (един почти час), и многу корабли се изгубиха. (Лб)
[Примерите се дават с нормализирана графика. В скоби след всеки пример се посочва източникът: «Любословие» – Лб и «Летоструй» – Лс.]

1.2. За маса (тегло)

Тяжина-та на едно обыкновенно писмо е отъ 3 драма (10 грама). (Лс)

1.3. На празнични календари

Хаз-Хасевоутъ (Пятдесятница, Гюл-Байрам) празнува ся на 6 и 7 от месяц Сиван в память за даденый от Бога закон. (Лс)

1.4. На парични единици

(...) Галское правление (...) направи мостове и пътища, за които дава 65 милиона франги (около 300 мил. грош). (Лб)

2. Съотнасяне (езиково и културно) между названията на места, лица, явления

2.1. Места

Казуват че многу жито и друга таква житна храна докараха во Европа из Америка (Енидуна) (...) (Лб)

2.2. Лица

Имеуват се така от Леллиа Суина (Sozzini) благородна Сиенина (...) (Лб)

3. Въвеждане на дефиниции и пояснения

3.1. За празници

На 10 от месяц Зил-хыдже (...) празнуват вторый Байрам Курбан-Байрам или Иуд-и-Адха (празник за жрътвеноприношение), кой-то трае четыре дни. (Лс)

3.2. За места

Тя се именува така защото Германски-те Князове, кой-то приеха ново поУчение, засвидетелствоваха се в

Спайерско-то собиране (град у Бавар.) на 1529-то лето напротив на сека чрез законна власт во вероисповедание-то (...) (ЛБ)

3.3. За этноними

Арнаути-ти или както ся наричат по свой язык **Шкыптари-ти (планици)** са от **Иллирийско потекло**. (Лс)

3.4. За явления, в т. ч. терминология

За да направи да се развият скоро просвещения (...) реши ся и определи ся **Цар да построи въ К. град (...)** една **врачебна Академия, верховно сир. училище, в кое да се преподава и учи особно врачебна наука и Фармакопеа (за евицы)**. (ЛБ)

Жилы-ты, по кои-то тече кръвь-та камъ сръдце-то, наричатъ ся вены; а жилы-ты, по кои-то сръдце-то кара кръвь-та по сичко-то тяло, наричатъ ся артерии. (Лс)

4. Лексикални междуезикови паралели, в т. ч. словотворчество

ТоЯ зодчий (архитекторъ, маймарбаица) (...) **возвыси и по-высок направи оный свод около дваестъ още повече высок от каквото беше по-напреш**. (ЛБ)

Предавачъ-т на такова уздравено писмо (...) **требва да го покаже на пощанский служител, от кого-то и да приеме една исправа (тескере, билет)**. (Лс)

Употребата на думи в скоби в българския възрожденски текст има по-скоро когнитивен характер и е тясно свързана

с комуникативната функция на езика. Символната функция на езика, особено съществена през Възраждането, се проявява чрез прагматичните задачи, които преследват създателите на двете изследвани списания. Обслужвайки познанието и преследвайки разбирането, възрожденските книжовници изграждат, развиват, обогатяват и лексикалната система на националния българския книжовен език.

Литература

Александрова Т. Проблемът свое – чуждо и дебатът за българския книжовен език през Възраждането // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. София, 2006.

Босилков К. Кратка история на българския книжовен език. Сегед, 1986.

Димитрова М. Динамика на лексиката през Възраждането (Статистическо изследване с оглед към съществителните нарицателни имена) // Българите, книжовността, езикът – XIX–XX век (тематичен сборник). София, 2006. С. 163–227.

Иванова Д. Списание «Любословие» и книжовноезиковата ситуация през втората четвърт на XIX век. 1991.

Иванова Д. Езиковите въпроси в българския периодичен печат през Възраждането. Пловдив, 1998. С. 21–30.

История на новобългарския книжовен език. София, 1989 (= ИНКЕ).

Първев Хр. Възраждането на българския книжовен език. София, 1983.

Динамика семантических моделей выражения общей отрицательной оценки в истории русского и немецкого языков

Л. П. Дронова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Общая оценка, семантическая модель, лингвокультурологический и когнитивный аспект, сопоставительная типология

Аннотация. Типологическое сходжение в лексическом способе представления общей отрицательной оценки в истории русского и немецкого языков определяется начиная с уровня праславянского и прагерманского, хотя последовательность реализации определенных семантических моделей, будучи культурно детерминированной, различается глубиной их формирования.

Ко времени начала славянской письменности, к X–XI вв., в сознании древнерусского человека оппозиция «хороший – плохой» была представлена противочленами *добрый – злой* (*добро – зло*). Это установилось в той историко-культурной ситуации, где центральными, идейноформирующими и в борьбе повсеместно утверждаемыми были постулаты новой единой веры – христианства.

Генетические связи славянского *zъlъ обнаруживаются в индоиранских, греческом, латинском, балтийских языках, где в семантике однокорневых слов коррелируют значения 'косой, кривой'; 'идти вкривь' и его продолжения 'обманчивый, лживый / ложный', 'обманывать', 'наглый, дерзкий; грубый': авест. zūraḥ- 'несправедливость', др.-инд. hvár- 'идти вкривь', осет. zūllzōl 'косой, скошенный', zylunlzulun 'кривой, извилистый', 'неправый, виноватый', диал. ирон. ævzæg 'дурной, плохой' (из *zwaga-), литов. įžulnūs 'косой', pražulnūs 'косоугольный, косой' при однокорневых įžūlis 'наглый, дерзкий', atžūlis 'упрямый, грубый, бесчеловечный' и др., др.-греч. φολκός 'косой' и, возможно, сюда же φῶλος 'обманчивый, лживый', φλόω 'обманываю', а также лат. fallo, falsum 'обманываю' (< и.-е. *ǵhuel-: *ǵhuol-: *ǵhul- 'косой, кривой'; 'идти вкривь'). Как показывает анализ семантики внеславянских соответствий, слав. *zъlъ в частнооценочном значении (этическая оценка) 'жестокый, злой' перекликается с семантикой однокорневой лексики восточнобалтийских языков ('грубый, жестокий, дерзкий'). В общеоценочном и нормативнооценочном значении слав. *zъlъ сближается с иранскими соответствиями (при том, что иранские континуанты сохраняют и значения 'кривой', 'ложный', т. е. являют всю цепочку развития семантики однокорневых слов).

Почему именно лексема *злой / зло* смогла взять на себя обобщающую функцию и стать противочленом в основной оппозиции «хороший – плохой»? Видимо, потому, что общеслав. *līx исходной семантикой 'лишний', 'нечетный' оказалось связанным с языческой символикой ('нечетный', как и 'левый', соотносится с понятием 'плохой', 'плохое предзнаменование'). *Худой*, как и *слабый*, широко использовалось для обозначения недостатков физического характера ('малый, слабый; худой, тощий'). *Лютый*, исходно соотносимое с представлением о чрезмерном проявлении эмоций, прежде всего отрицательных, связывалось с поня-

тием 'гнева, ярости', не столь широко представлено в славянском ареале и не подошло для обобщения представления о плохом, недобром. *Дурной* – более позднее ареальное образование, сохраняющее полисемичность, поддерживаемую лексико-семантическими связями. Именно *злой* оказалось «в нужное время и в нужном месте», имея основанием для общей оценки этимологически обусловленное значение морально-нравственной, нормативной оценки, принципиально важной в христианском мировидении. По этой же причине *злой* осталось в зоне этической оценки (хотя ср.: *мировое зло*), а в функции общей отрицательной оценки закрепилось сравнительно поздно вошедшая в употребление лексема *плохой*, семантически однозначная, терминологичная.

Дальнейшим развитием символизированного в славянской культуре соотношения 'физически недостаточный' ~ 'нравственно ущербный' (*злой, худой, слабый*) является активная реализация семантической модели 'чрезмерный' / 'недостаточный' ('непарный, нечетный') → 'плохой' (*лихой, дурной*, диал. *благой*) в языковых средствах представления общей отрицательной оценки на протяжении от праславянского к великорусскому

Культурный сценарий, подобный представленному в языковых средствах экспликации общей отрицательной оценки в древнерусском языке (в значительной части – в целом в славянских языках), определяется и в германских языках: он нашел выражение в семантической структуре образований от прагерманской основы *ubila- 'плохой, дурной, злой, bad' (гот. ubils, ubilaba, др.-англ. ufel, др.-фриз. evel, др.-сакс. др.-в.-нем. ubil, ср.-н.-нем. ovel, англ. evil, нем. übel и т. п.), продолжившей и.-е. *upélo-, производное от и.-е. *upb-, *up-. В семантике образований от этого корня в разных индоевропейских языках сосуществуют значения 'выше' и 'ниже' (напр., лат. sub- super, исл. ofan 'сверху, на поверхности' и 'вниз по (с)' или нем. üppig 'пышный, роскошный, изобилующий' и др.-в.-нем. urpīg 'ничтожный, незначительный, пустой, напрасный' и др.), а в прагерманском этот признак был обобщен по отношению к норме, соотнесен с представлением о недостаточном / чрезмерном как о 'плохом'. Эта же семантическая модель вероятна для прагерм. *wers-, *werz- (< *werso- 'верхний, высший, upper') – гот. wairs (срав. ст. нареч.), wairsiza (срав. ст.

прилаг.) 'хуже, худший', англ. worse, worst, исл. verri, verstur и др.

Два других экспликатора общей отрицательной оценки – arg и böse – сформировались, вероятно, во франкских диалектах и в общеотрицательном значении являются семантической инновацией немецкого языка. Значение общей оценки появилось у arg в результате семантического изменения (*'трясущийся, дрожащий' → 'трусливый, малодушный' → 'плохой'). Со временем arg начинает выполнять функцию усиления при словах с отрицательной оценочностью (der ärgste Bösewicht 'величайший злодей'). Семантическое развитие böse определяется семантическим развитием 'надутый / яростный' → 'сердитый; злой, плохой'.

Все три лексемы образуют языковые формы, фиксирующие обобщенное представление о зле (Übel 'зло; беда', Übelat 'злодеяние, преступление', Böse 'дьявол, нечистая сила', Arg 'зло', Arge эвф. 'дьявол').

Подобного семантического развития не знают другие лексемы с общеотрицательным значением – schlecht, schlimm, schwach. И, вероятно, не только и не столько из-за относи-

тельно позднего получения этого значения (по текстам – XV и XVI вв.), сколько из-за предоченного лексического значения (schlecht < *slīhta 'гладкий, ровный' – семантическое изменение северогерманских диалектов, schlimm < *slīma 'слизь; скользкий', schwach 'слабый' и 'неустойчивый, колеблющийся'); mir ist schlecht 'мне плохо', er hat es schlecht 'ему жется плохо', schlecht und recht 'кое-как, на худой конец', sein schlimmster Feind 'его злейший враг', ihr wurde schlimm 'ей стало плохо', er ist schlimm daran 'его дела плохи', die Sache steht schlimm 'дело обстоит плохо'.

Смена ориентира в номинационном процессе для всего общенотрицательного историко-культурно детерминирована: в идеологических принципах общества начинает доминировать установка на «Ordnung» и ему соответствующие понятия – «устойчивость, стабильность».

Таким образом, übel, böse, schwach реализуют модели семантического развития, сходные с представленными в истории русского языка – в древнерусский и великорусский периоды (1-й этап для германских и 2-й этап для славянских).

Искусство письма и азбуки-прописи XVII века

В. В. Дубовик

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Азбуки-прописи XVII века, обучение письму

Аннотация. Процесс обучения искусству письма, каким он представляется в соответствии с составом скорописных азбук XVII в., был направлен не только и не столько на выработку сноровки в обращении с бумагой и чернилами, но, главным образом, на ознакомление ученика с окружающим миром и включение его в существующую систему мироустройства.

Скорописные азбуки-прописи сложились как единый комплекс в конце XVI – начале XVII в. и, при известном разнообразии входивших в них элементов, отличались достаточной устойчивостью своего состава. Обычно они включали в себя следующие части: 1) образцы написания букв, часто встречающихся буквосочетаний и наиболее употребительных слов; 2) изречения или поучительные тексты, которые могли заменяться историческими сочинениями, например «Александрией»; 3) вопросы-ответы и загадки; 4) молитвы; 5) титул правящего царя; 6) образцы написания деловых документов и частных писем.

Входившие в состав азбук-прописей элементы не являлись чем-то оригинальным, написанным специально для азбук, но собирались из уже существовавших текстов; эти части не претерпевали привычной для современного обучения адаптации. Указанные тексты могли включаться в состав нового комплекса целиком, как, например, толковые азбуки: «А – аз есмь бог всему миру свет, Б – бог есть прежде всех век, В – вижу всю тайну человеческую, Г – глаголю бо вам сыновом человеческим, Д – добро есть верующим во имя мое», и т. д. или другие варианты: «А – аз есмь прежде всех век и всему миру свет, Б – блажен муж бояся господи и верует во имя его, В – видит господь всю тайну человеческую и творение его, Г – глаголет господь сыновом человеческим в заповедех своих, Д – добро убо уповати на его создателя, нежели на человека» и т. д.; текст «Александрии», изменения в котором были связаны с необходимостью соблюдения азбучного порядка, т. е. каждый отрывок начинался с соответствующей буквы, подобная привязка, впрочем, соблюдалась не всегда, она могла носить и формальный характер, когда перед основным текстом вставлялось служебное слово, начинавшееся с нужной буквы; образцы написания деловых бумаг и частных писем.

Тексты могли входить в состав азбук-прописей частично, как, например, вопросы-ответы, загадки из «Беседы трех святителей»: «Стоит человек в воде по горло, просит пить, а напиток не может», «Вопрос: Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? Ответ: Отец, и сын, и святой дух», «Вопрос: Древян ключ, водян замок, заец убог, а ловец утопе. Ответ: Моисей, ударивый жезлом море, люди израильския проведи, а фараона потопи», «Вопрос: Стоит древо, цвету полно, на нем един голубь, а под ним стоит корыто, голубь же цвет рвет и в корыто мечет, цвету ж не убывает, а корыто не наполнится. Ответ: Древо есть земля, а цвет – весь мир, а голубь – смерть, а корыто – могила» и т. д.; изречения из «Пчелы»: «При

власти многи други обрящещи, а при напасти – ни единого, «Не стяжания добывают друга, но друг – стяжания», «Не тот есть благочестив, иже многи милует, но иже никого не приобидит», «Не ищи, человеце, мудрости, ищи кротости, аще обрящещи кротость, тогда одолеши и мудрость» и под.; а также титул правящего царя и молитвы: «За молитв пречистия твоея матере и святых отец наших, господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас, аминь», и прочие.

Приводимые в азбуках-прописях образцы оформления деловых бумаг имели практический характер и могли быть использованы в повседневной жизни, как, например, формуляры челобитных, заемных памятей, поручных записей и т. п.; иначе обстояло дело с включаемыми в состав прописей образцами написания частных писем. Последние помещались в азбуках-прописях не полностью, но состояли из пристойного обращения к адресату и, реже, формулы прощания. Например: «матере. милостивая государня моя матушка имярек в милости всещедраго бога благополучно в счастьеливо пребывании сынъ рождения вашего имярек желаю здравия купно и с любящими нашими и пад пред ногами вашего милосердаго родителскаго благословения прошу навеки» или «другу. премилостивы мои государь крайний другъ и приятель имярек желаю вамъ моему государю при всякомъ сщастливомъ благополучи здравия навеки купно и с любящими вашими». Наряду с адресатами, письменное сообщение с которыми было в реальной жизни вполне возможно: отец, мать, брат, сестра, приятель и т. д., предлагались образцы обращений к лицам, переписка с которыми была маловероятна: боярину («боярину. высокоблагородны и высокопочтеннейши государь мои имярек при всякой благополучности вас моего государя поздравляю купно и з дражайшею вашею сожителницею имярек и з детками имяреки»), генералу, адмиралу («генералу. адмиралу. его высокографскому сиятельству и высокоповелительному господину генералу адмиралу тайному действительному советнику сенатору и обоихъ российскихъ орденов и апостола андося и белаго орла ковалеру государю моему и патрону имярек высокородны сиятелнейши графъ высокопревосходителны господинъ генераль адмиралъ тайны действителны советникъ и сенаторъ и обоихъ российскихъ орденов ковалеръ и прочая мои премного милостивейши государь и благонадежнейши патронъ имярек вашего графского сиятельства неуравнительная прославимая всемъ онымъ в бедствии страждущимъ восприятнымъ прибежиши своего и сияниемъ правосудия неизреченно творимая благимъ вспоможение и милость и мене бедного

в нынешнем бедственно страдающем состоянии моем понуждает к подножию вашего графского сиятельства в глубочайшей высокой милости и пребываю всегда вашего высокографского сиятельства милостиваго государя всепокорнейши раб или раба имярек»), архиепископу, патрону и под. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с попыткой создать некое идеальное представление об обществе, обрисовать статус и социальную роль каждого составляющего его человека.

Отбор текстов для скорописных азбук-прописей не был случайным, зависящим от вкуса отдельного составителя, но соответствовал представлению о том, что обучение письму есть познание существующего мира, который имеет свою строгую организацию. Разные уровни бытия от-

ражались в азбуках-прописях определенным набором текстов: 1) тексты, рассказывавшие об устройстве мира, усвоенном Божественным промыслом о нем: изречения, вопросы-ответы, исторические сочинения; 2) тексты, относящиеся к земным порядкам, установленным людьми: образцы деловых документов и частных писем. Титул правителя царя занимал своего рода промежуточное положение, поскольку Божий промысел принимал в данном случае черты конкретного человека, нынешнего правителя. Впрочем, и земные установления не были отданы людскому произволу, не были отделены от Божественного усмотрения: образцы деловых документов и писем определяли место человека в Божьем мире, проясняли и закрепляли его социальную роль.

Русский язык в Венгрии во второй половине XIX века

А. Золтан

Университет им. Л. Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Русский язык, Австро-Венгрия, Закарпатье, языковые контакты

Аннотация. В докладе анализируется язык венгерских официальных изданий на русском языке, вышедших после образования в 1867 г. Австро-Венгрии и предназначенных для русин, проживавших в Венгерском королевстве («Газета для народных учителей»), Собрание государственных законов 1868 года). Выявляются фонетические, морфологические, синтаксические, лексические и фразеологические особенности, отличающие эти тексты от русских текстов, опубликованных в данный период в России, а также предпринимается попытка дать им объяснение в контексте контактирующих языков (украинского, церковнославянского, венгерского, немецкого).

После «усмирения венгерского бунта» в 1849 г. при помощи российских войск в качестве языка официальных документов (законов, распоряжений) для венгерских русин австрийскими властями был введен (велико)русский язык. В 1850–1859 гг. в Пеште-Будине (сегодняшнем Будапеште) официальный переводчик австрийского правительства Иван Раковский (1814–1885), родом из Ужанского комитата (совр. Закарпатская область Украины), переводил на этот язык законы и на нем же издавал газеты (Церковная газета – 1856–1858 гг., Церковный вѣстник – 1858 г.). Благодаря усилиям Адольфа Добрянского (1817–1901) в 1849–1850 гг. русский язык был введен в качестве языка местной администрации в 4-х комитатах Северо-Восточной Венгрии, в которых концентрировалось русинское население Венгерского королевства. После образования Австро-Венгрии в ее венгерской части официальные издания продолжали переводить на русский язык. Так, например, в феврале 1868 г. в Пеште-Будине Министерство народного просвещения начало выпускать еженедельную газету для учителей народных школ с целью их ознакомления с новыми достижениями педагогической науки. Учитывая многонациональность государства и осознавая необходимость обучения в нем на разных языках, министерство стало издавать газету одновременно в семи версиях: на венгерском («Néptanító Lapja»), немецком («Volksschullehrer-Blatt»), румынском («Foi'a invetiatoriloru poporului»), словацком («Listy národních učitelov»), хорватском («List za narodne učitelje»), сербском («Лист за народни учители») и – для венгерских русин – на русском языках («Газета для народных учителей»). (Издание, предназначенное для учителей русинских школ, начиная с номера 45 от 2 ноября 1872 г. и до конца 1873 г., выходило на украинском языке под названием «Газета для народных учителей»). В 1868 г. были также изданы в переводе на русский язык тексты законов, принятых в указанном году венгерским парламентом (см.: Собрание государственных законов 1868. года. Издаеть Угор[ское]. Кор[ольское]. Министерство правосудия. Въ Будинѣ 1868).

Кроме официальных изданий венгерского парламента и правительства для русин на русском языке издавались литературные журналы, редактировавшиеся, как правило, в г. Унгваре (совр. Ужгород) – «Свѣтъ» (1866–1871), «Новый Свѣтъ» (1871–1872), «Сова» (1871), «Листок» (1875–1903).

Деятели русинской культуры тогдашней Венгрии, естественно, не владели русским языком как родным, они, как правило, не бывали в России и русский язык усваивали обычно самостоятельно путем чтения книг и общения с русскими, пребывавшими в Венгрии и / или Австрии. Они владели своим родным восточнославянским диалектом, а также церковнославянским языком, поскольку большинство из них принадлежало к духовенству. Все это облегчало им изучение русского литературного языка, хотя в то же время недостаточное владение его нормами и отдаленность от естественной среды его бытования способствовали проявлениям разного рода интерференций как с родным диалектом, так и с другими языками Габсбургской империи (Австро-Венгрии), в многонациональной среде которой они осуществляли свою деятельность. В результате книжный русский язык подкарпатских москвофилов рядом специфических особенностей отличался от русского литературного языка того времени, которые частично совпадают с особенностями русского языка галицких москвофилов. Вследствие же более слабых контактов венгерских русин с Россией (к тому же часто опосредствованных галицкими москвофилами) и взаимодействия с иными языками русский язык печатных текстов венгерских русин заметно отличался от русского языка последних.

В докладе анализируется язык официальных изданий, предназначенных для венгерских русин («Газета для народных учителей», Собрание государственных законов 1868. года), и выявляются фонетические, морфологические, синтаксические, лексические и фразеологические особенности, отличающие эти тексты от текстов, опубликованных в данный период в России. Предпринимается попытка дать им объяснение в контексте контактирующих языков (украинского, церковнославянского, венгерского, немецкого).

Стандарт старославянского кириллического письма

Г. Йованович / G. Jovanović, З. Костич / Z. Kostić

Институт сербского языка (Белград, Сербия)

Основной причиной стандартизации старославянского кириллического письма явилась необходимость осуществления его нормализацию. Результатом является:

(а) максимальная полнота и достаточность инвентаря, удовлетворение потребностей всех местных редакций любого периода;

(б) практическая функциональность и простота использования системы, т. к. каждая единица четко определена как формально, так и функционально.

Таким образом, объективная ценность системы заключается в ее сопоставимости и совместимости, при отсутствии избыточности, во всех центрах славистики.

I. СТАНДАРТНЫЕ ТАБЛИЦЫ

Настоящий **Стандарт Старославянского Кириллического Письма** появился в результате пересмотра Первоначального предложения автора и Заключительного предложения согласно рекомендациям Белградской конференции (см. <http://www.sanu.ac.yu/Cirilica/Cirilica.aspx>). Он основан на следующих принципах.

1. Базовые элементы (буквы и специальные символы) разделены на **основные** и **функциональные единицы**. К этим и всем остальным единицам (надстрочным, строчным и маргинальным знакам) может быть добавлен ряд палеографических вариантов, определяемых как **глифы**. Глифы не являются стандартными элементами и не должны регистрироваться как особые единицы. Они могут быть использованы для специальных целей, например для палеографических описаний, и могут стать основой будущего инвентаря (отдельной базы данных) глифов.

2. **Основной перечень** включает в себя все единицы с самостоятельными и устойчивыми формальными и функциональными свойствами. Большая часть из них существовала на протяжении всей истории кирилловского алфавита, являясь наднациональной константой церковнославянской письменной традиции.

3. **Инвентарь функциональных знаков** включает в себя необходимые дополнительные символы, без которых было

бы сложно или даже невозможно использовать алфавит для решения всех научных задач. Этот набор включает редкие элементы, появившиеся в определенные периоды и / или в определенных регионах (например, знаки согласных с отдельным значком мягкости), различающиеся формально монофункциональные (в случае букв – омофонные) единицы высокой частотности, которые могут использоваться наряду с их основными вариантами в одном и том же тексте (например: *Есть* [№ 9] и *Он Широкий* [№ 35] vs. *Есть* [№ 8], *Он* [№ 34], и как исключения – диграф *Оник* [№ 45] vs. *Русский* *Ук* [№ 48] или *Шт* [№ 64] vs. *Ш* [№ 65] и *Еры4* [№ 70, 75] vs. *Еры1–3* [№ 67–69, 73–74]), а также другие знаки, необходимые для определенных задач, например для транслитерации глаголических текстов или исследования графики. Большинство функциональных единиц может рассматриваться как специфические аллографы основных знаков (графем).

4. Каждая буква – основная и функциональная – имеет свое **надстрочное** соответствие с титлом и без него.

5. Таблица **диакритических знаков** содержит надстрочные диакритические знаки и титла.

6. Таблица **знаков пунктуации** и **символов** содержит строчные знаки, части лигатур и специальные элементы, обычно используемые на полях.

7. Для **числовых знаков** была создана специальная таблица числовых букв и символов.

Проблемы нормирования русской орфографии на современном этапе

В. В. Каверина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Современная русская орфография, норма, кодификация

Аннотация. Доклад имеет целью привлечь внимание к нерешенным проблемам нормирования наиболее подвижных участков орфографической системы современного русского языка, таким, как правописание новейших заимствований, приставочных образований, сложных слов, употребление прописных букв и под. Исследование выявляет несогласованность рекомендаций современных словарей, действующих «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956) и нового «Полного академического справочника» (2006), а также намечает пути урегулирования правил.

Полагаем, что одной из причин орфографической нестабильности является сосуществование двух сводов правил русской орфографии и пунктуации – действующих «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956) и нового издания «Правил русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник», опубликованного в 2006 г. под ред. В. В. Лопатина. Последнее, не будучи законодательно принятым в качестве новой редакции Правил 1956 г., тем не менее оказывает серьезное влияние на орфографическую практику. В первую очередь, создавшаяся ситуация обусловила появление двух серий академических орфографических словарей, ориентированных, соответственно, на Правила 1956 г. (словари ИЛИ РАН) и на Правила 2006 г. (словари ИРЯ РАН). Кроме того, бесконтрольно выпускаются стереотипные издания устаревших словарей (например, «Большой орфографический словарь» (БОС), «Орфографический словарь» С. И. Ожегова), появляются т. н. «авторские» словари с неясными научными основаниями и правописными ориентирами (например, словари В. В. Бурцевой, Т. Ф. Ефремовой), а также многочисленные учебные и школьные словари и словарики. Как следствие, слова с неустойчивой орфографией, в первую очередь новейшие заимствования, некоторые приставочные образования, сложные слова, слова с прописными буквами, фиксируются в разных кодифицирующих изданиях с различным правописанием.

Одним из наиболее подвижных участков орфографической системы является правописание сложных прилагательных, до сих пор не урегулированное ни сводами правил, ни словарями. В основу правила, сформулированного в действующем поныне орфографическом своде 1956 г., был положен так называемый семантико-синтаксический принцип, который, впрочем, сразу же был нарушен в написаниях типа *жилищно-кооперативный* (жилищный кооператив), *народно-поэтический* (народная поэзия), *парашютно-десантный* (парашютный десант), *уголовно-процессуальный* (уголовный процесс) и многих других, рекомендованных авторами свода правил в «Орфографическом словаре русского языка» (ОСРЯ) того же 1956 г. Справедливости ради надо отметить, что в пятом, исправленном и дополненном,

издании ОСРЯ (1963) данные противоречия были устранены, однако практика письма и печати продолжала демонстрировать разноречивость.

Другое основание для разграничения подобных написаний (т. н. формально-грамматический принцип) предложили Б. З. Букчина и Л. П. Калакуцкая, подметив, что нередко прилагательные с подчинительными отношениями компонентов пишутся слитно вопреки правилу, если имеют в первой части суффикс как показатель грамматической самостоятельности (например, *жилищно-кооперативный*). Однако данный критерий не стал общепринятым, что привело к фиксации взаимоисключающих написаний в двух самых авторитетных словарях того времени – академическом ОСРЯ и словаре-справочнике «Слитно или раздельно?» (1972). Попытка преодолеть данные противоречия была сделана в проекте свода правил русского правописания 2000 г., унифицировавшем орфограмму на основе формально-грамматического принципа. Однако проект, вызвав бурную реакцию общественности, так и остался непринятым, а в появившемся недавно полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» (2006) вновь говорится о «равноправных» и «подчинительных» отношениях основ как единственном основании для разграничения дефисных и слитных написаний.

Одним из самых противоречивых и сложных для восприятия и применения пунктов правила является «Правописание сложных прилагательных, части которых связаны друг с другом по способу подчинения». Словари фиксируют множество написаний таких слов через дефис в противовес действующему правилу, и число их растет, о чем свидетельствуют данные сопоставительного анализа различных изданий академического орфографического словаря. Так, из 20 слитных написаний, выбранных нами в академическом издании ОСРЯ (1991), в «Русском орфографическом словаре» (РОС) (1999) осталось лишь 7. Правда во втором его издании (2005) восстановлены некоторые нормативные слитные написания (например: *воднолыжный*, *западноевропейский*, *бессрочноотпускной*, *вагоностроительный*, *центральноамериканский*).

При общей тенденции к росту дефисных написаний наблюдаются серьезные противоречия в рекомендациях словарей. Так, в академическом ОСРЯ (1991) и «Морфемно-орфографическом словаре русского языка» (1996) слово *горнолыжный* пишется слитно, в академическом РОС (1999), «Большом орфографическом словаре русского языка» (2003) и словаре В. В. Бурцевой (2004) – дефисно, а в последнем издании академического РОС (2005) – опять слитно. Более того, в пределах одного и того же словаря можно обнаружить различия в написании слов, относящихся к единому правилу. Странной представляется рекомендация БОС (2003) писать по-разному слова *воднолыжный* и *горнолыжный*: первое – слитно, а второе – дефисно. В академическом словаре РОС (1999) прилагательное *чугунолитейный* пишется слитно, тогда как *вагоно-строительный* – через дефис. Противоречивость написаний не устранена и в последней редакции академического РОС (2005). Так, непонятно различие в орфографии слов *водноспортивный* – *горно-спортивный* и наоборот: *водно-спасательный* – *горноспасательный*. Последнее написание может в соответствии с другим пунктом правил опираться на приведенное здесь же существительное *горноспасатель*, но и эта закономерность не

соблюдается последовательно: наличие слова *геологоразведка* не исключает рекомендуемого словарем написания *геолого-разведочный*.

Отмеченная нами тенденция к дефисному оформлению сложных прилагательных зафиксирована в новых Правилах (2006), где пространный список слов-исключений, пишущихся через дефис, несмотря на подчинительное отношение основ, практически является открытым, завершаясь сокращенным «и др.», что вряд ли допустимо в кодифицирующем орфографическом труде. Очевидно, что авторы свода отсылают пишущего к словарям, которые также не дают однозначных рекомендаций.

Своеобразным выходом из сложившейся ситуации можно считать позицию создателей текстового редактора Word, в котором возможно слитное и дефисное написание одних и тех же сложных прилагательных (например: *глухонемой* и *глухо-немой*, *горнолыжный* и *горно-лыжный*, *геологоразведочный* и *геолого-разведочный*). Действительно, если невозможно **кодифицировать** единственный вариант написания таких слов, то надо хотя бы **урегулировать** их орфографию на основе узаконенных правилами и словарями вариативности.

Чешский – не только для чехов?

К концепции литературного чешского языка в конце XVIII – начале XIX в.

Ю. В. Кириллов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Чешский, словацкий, кодификация, национальное возрождение

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые проблемы, связанные с концепцией литературного чешского языка в период национального возрождения, в частности, вопрос о статусе словацкого идиома.

Как хорошо известно, в период так наз. национального возрождения у чехов назрела потребность в создании нового литературного языка, который мог бы стать прочной основой в деле пробуждения чешского народа и подъема его национального самосознания. Необходимость кодификации такого идиома не вызвала сомнений, однако в вопросе о том, на какую форму чешского языка она должна опираться, среди деятелей национального возрождения не было единства. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский в программном труде «История чешского языка и литературы» писал об упадке чешской литературы и книгоиздания в период с 1620 г. а по конец XVIII в. [Dobrovský 1951: 124–140], что послужило своеобразным руководством к действию для его последователей. Принятие в качестве основы литературного чешского языка узуса Кралицкой Библии XVI в., а не того живого идиома, естественное развитие которого продолжалось на протяжении всего побелогорского периода, было продиктовано стремлением воскресить как сам «золотой век» чешской культуры, так и язык того времени.

Камнем преткновения для многих чешских грамматистов стал вопрос о статусе словацкого языка. В частности, Йозеф Добровский в «Подробной грамматике чешского языка» подверг критике первый опыт кодификации самостоятельного литературного словацкого языка, предпринятый в конце XVIII в. Антоном Бернолаком, утверждая: «Словацкий язык, который создал Бернолак, является, за исключением некоторых особенностей, старочешским, так же, как малороссийский – разновидностью русского, виндский в Эйзенбургском комитате – виндского [т. е. словенского. – Ю. К.] в Крайне, воднопольский [т. е. силезский. – Ю. К.] в княжестве Тешен и кашубский в Померании – разновидностями польского» [Dobrovský 1940: 6]. Действительно, как показал недавно К. В. Лифанов в отношении «бернолаковщины», она представляла собой лишь наиболее продвинутый этап в развитии языка духовной литературы словацких католиков XVII–XVIII вв., восходившего к старочешскому литературному языку, но на территории Словакии в результате взаимодействия с живыми словацкими говорами превратившегося в особый идиом. Этот гибридный идиом К. В. Лифанов называет «словацким литературным языком старого типа», поскольку «словацкие католики, составлявшие после рекатолизации страны в начале XVII в. около 75% населения, считали его обработанной формой родного языка», в то вре-

мя как евангелисты «полагали, что такой формой является “библичина” – язык чешской Кралицкой Библии» [Лифанов 2000: 9]. Разумеется, деятели чешского национального возрождения, в свою очередь вернувшиеся к узусу Кралицкой Библии, не могли сочувственно отнестись к начинанию Бернолака. Тот же Йозеф Добровский несколько насмешливо замечал: «Это новшество приобрело некоторых приверженцев среди католического духовенства, которые находят более удобным писать на своем *жаргоне*, чем учить чистый чешский язык» [Dobrovský 1940: 18].

Позже Йозеф Юнгман в «Краткой истории народа, просвещения и языка» сетовал на «раздвоение» литературного языка в Венгрии, где часть образованных словаков пользуется чешским языком, опираясь на классическую чешскую литературу XVI – начала XVII века, в то время как другая «старается ввести в обращение собственную словацкую литературу. С 1790 года Бернолак, а вслед за ним и некоторые иные, среди коих особенно достойное место занимает священник Ян Гольи, писали на нитранском наречии. Еще больший отрыв от литературного чешско-славянского языка вызвал Людовит Штур (1845), добившись разрешения издавать словацкую газету и “Татранского Орла”, где, причиняя невосполнимый ущерб нашей общей литературе, он пишет на липтовском диалекте» [Jungmann 1947: 166]. Уже из одной этой выдержки можно видеть, что кодификационная деятельность как Бернолака, так затем и Штура оценивалась деятелями чешского возрождения негативно не только и не столько в силу непризнания ими словацкого отдельным языком, сколько потому, что она шла вразрез с призывом к единению славянских народов в борьбе за их самоидентификацию в духе концепции славянской взаимности.

С этих позиций против кодификации отдельного словацкого литературного языка выступали также многие словаки, и в первую очередь, естественно, создатель названной концепции Ян Коллар. Восхищаясь красотой словацкого наречия, он тем не менее оставался приверженцем чешско-словацкого литературного языка, который, однако, по его мнению, должен был допускать вкрапление некоторых лексических, морфологических и фонетических словакизмов («Пусть словак даст кое-что чехам, а чех даст кое-что словакам, если у обоих должна быть одна литература, а именно чешско-словацкая» [Смирнов 1993: 36]). У самого Коллара в «Дочери Славы» подобное вкрапление можно усмотреть, например, в спорадически встречающихся здесь формах

творительного падежа множественного числа существительных мужского рода с флексией *-mi* (*lidskou krev... po světě nešťastnou válku pochodmi nosil; hrad se celý hostmi, hned i turnaj ořmi namnožil*) либо даже *-ami* (*jelen se zlatými rohami*) наряду с обычными формами на *-y / -i* (*neslibnými způsoby; mezi kovy drahými* и др.).

Следует, впрочем, признать, что такое морфологическое варьирование вообще, включая допущение словакизмов, не противоречило давней традиции грамматик чешского языка. Словацкие элементы в чешские грамматики проникали уже с начала XVII в. Так, современный чешский лингвист Ондřej Коупил отмечает, что словак Вавржинец Бенедикт Нудожерский «интегрировал в свою [чешскую. – Ю. К.] грамматику некоторые региональные – моравские и словацкие – элементы без специальных оговорок». Внимание моравскому и словацкому наречиям уделял в своем грамматическом труде также Иржи Констанц [Коупил 2007: 221]. Своеобразным «реверансом» в адрес словаков можно считать, в частности, и включение в парадигмы склонений существительных мужского и среднего рода формы творительного падежа множественного числа на *-mi*, которую, как показывает анализ текстов XVIII в., в живом чешском языке почти полностью вытеснила новая форма на *-ta*, в грамматиках К. И. Тама, Ф. М. Пелцла, Я. Неедлого и даже Й. Добровского (у последнего, впрочем, с оговоркой, что окончание *-mi / -ami* следует употреблять там, где возможно

смешение форм творительного и винительного падежа). Разумеется, нельзя с полной уверенностью утверждать, что допущение этой формы в литературный чешский язык было напрямую связано с концепцией чешско-словацкого языкового единства, но тот факт, что она могла быть удобна для словаков, пишущих по-чешски, не следует недооценивать.

Идея чехословакизма, столкнувшаяся со словацким лингвокультурным сепаратизмом в период национального возрождения в Чехии и Словакии, когда во главу угла был поставлен вопрос самоидентификации и самобытности обеих наций, в течение долгого времени находила отражение и в XX в.; основы же этой идеи были, несомненно, заложены еще в побелогорский период.

Литература

- Лифанов К. В. Язык духовной литературы словацких католиков XVI–XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. М., 2000.
Смирнов Л. Н. Ян Коллар и формирование литературного словацкого языка // Ян Коллар – поэт, патриот. К 200-летию со дня рождения. М., 1993. С. 25–41.
Добровский Я. Dějiny české řeči a literatury. Praha, 1951.
Добровский Я. Podrobná mluvnice jazyka českého v redakcích z roku 1809 a 1819. Praha, 1940.
Jungman J. Krátká historie národu, osvícení a jazyka. Praha, 1947.
Коупил О. Grammatykáři. Gramatografická a kulturní reflexe češtiny 1533–1672. Praha, 2007.

О «гражданской» и «церковнославянской» публикации одного текста середины XVIII века

Е. И. Кислова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

XVIII век, церковнославянская орфография, гражданская орфография

Аннотация. В докладе на примере одной проповеди Симона Тодорского будет рассмотрена правка, которая осуществлялась при подготовке текста к изданию в Синодальной типографии в Москве и в Типографии при Академии наук в Санкт-Петербурге.

После реформы орфографии, осуществленной Петром I, печатные тексты издавались либо в «гражданской», либо в «церковнославянской» орфографической традиции. Однако существовали тексты, публиковавшиеся сразу в обеих традициях. Нам известно 5 проповедей 1740-х гг., изданных одновременно в церковнославянской и гражданской орфографии. Одна из них – проповедь Симона Тодорского «Божие особенное благословение», произнесенная на бракосочетании наследника престола Петра Федоровича с Екатериной Алексеевной 21 августа 1745 г.

Текст был издан в Московской типографии «церковнославянским шрифтом» (Синодальное издание – далее СИ), а также практически одновременно – в Типографии Академии наук в гражданской орфографии (Академическое издание – далее АИ). В РГАДА сохранилась также рукопись, с которой производился набор СИ (РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 587, далее – Р). Сравнение этих трех источников позволяет проследить, каких именно моментов в первую очередь касалась работа редакторов.

Рукопись Тодорского написана четкой скорописью, в которой сочетаются элементы церковнославянского и гражданского типов письма. Например, используются выносные буквы и в некоторых случаях – диакритические знаки, дублетные буквы употребляются в разных позициях, однако принципы их использования отличаются от стандартных церковнославянских. Употребляются буквы *ω*, *ω̄*, *o*-широкое, *ѡ*, *ѡ̄*, *ѣ*, *ѣ̄*, изредка отмечены *ѧ* и *ѧ̄*, однако основным вариантом является *я*, употребляются арабские цифры, в целом различаются прописные и строчные буквы. Подобный тип письма характерен для многих образованных людей середины XVIII в. и может быть назван «бытовым церковнославянским». Можно выделить следующие позиции расхождений.

1. Пунктуация, слитное и раздельное написание слов, употребление прописных и строчных букв. В связи с неустойчивостью правил при публикации редакторы в наибольшей степени ориентировались на варианты, предложенные автором. Пунктуационная правка касалась употребления запятых, точек и двоеточия, а также замены точки с запятой знаком вопроса в АИ. Кроме того, в АИ редактор активно создает риторические вопросы и восклицания из

утвердительных предложений. При употреблении прописных букв редакторы следовали традиции и в меньшей степени – авторским вариантам. В слитных и раздельных написаниях редактор АИ чаще следовал авторским вариантам, в то время как редактор СИ руководствовался правилами, разработанными в церковнославянском языке.

2. Графико-орфографическая правка затрагивала следующие позиции.

а) Буквы и сочетания, в которых один или два элемента были исключены из гражданской азбуки (*ω / o / ѡ*; *ω̄ / ō / ѡ̄*; *oт; ѧ / ѧ̄ / я / а; ѣ / кс*). В АИ такие буквы не употребляются. Но их употребление в Р и СИ различается: редакторы при наборе не следуют за автором, исправляя написания согласно требованиям стандартной церковнославянской орфографии.

б) Буквы, употреблявшиеся и в гражданской, и в церковнославянской орфографии (*і / и / ѵ; в / v, у / ю, и / ѣ, ѣ̄ / е*). Употребление *ѣ̄* в текстах не отмечено. Буква *v* в рукописи употребляется редко и только в значении [v], в СИ – по правилам церковнославянского языка в значении [i] и [v] только в иностранных именах и названиях, в АИ написания вариативны даже в рамках одного корня (*Эвропа*, но *европейскими*).

Употребление букв для [i] в корнях также характеризует вариативностью. В Р последовательно в иностранных корнях употребляется *и* (*Принцы, титлы, политичными*), в именах и названиях возможны оба варианта, хотя преобладает *и* (*Екатерина, Филистими* наряду с *Філістими*). В СИ в иностранных словах, именах и названиях последовательно употребляется *і* (*Прінци, політичними, Катеріна, Голитінді, філістими*). Исключение – *титлы* и *Графинею*. Редактор АИ почти во всех случаях предлагает варианты, отличные от Р и в некоторых случаях совпадающие с СИ: *Екатеріна, Килоніи, титлы, Графинею*. В АИ не соблюдается принцип одинакового написания морфем: *Прінци* – но *Принцесса, Філістими* наряду с *Філістими* и *Філістимская*.

Мена *и / ѣ* после шипящих связана с принципом орфографического различения омормов в стандартной церковнославянской орфографии и отмечается только в СИ: *прочыя, возмогыя, свецы*.

Мена *ѣ̄ / е* отмечена 3 раза: в Р 2 раза *е* употреблено вместо *ѣ̄*, 1 раз это наблюдается в АИ.

Мена *у / ю* отмечена в корне *чуд-*: в Р последовательно *чюд-* (это характерно и для других рукописей Тодорского). В СИ – последовательно *чуд-*. В АИ сохраняется вариативность и нарушается принцип одинакового написания морфем: *чюдесное*, но *чудотворяй* и *чудесно*.

в) «Ошибочные» написания. Сюда относятся украинизмы – мена *и / ы* (14 примеров, 7 – в Тв. п. *златимы, користмы*), *ѣ / и* (1 пример), предлог *з* вместо *из* и *съ* (*з'Его, зГолштиндіи, зВысочайшаго*). Отмечены также написания, отражающие некнижное произношение: *в / у* (1 пример), *е / о* после шипящих (6 примеров). Все они последовательно исправляются как в СИ, так и в АИ. Исключение – написание *здѣлалъ*, отражающее ассимилятивное озвончение и сохраненное в АИ.

г) Одной из самых активных позиций правки являлось отражение мягкости зубных согласных (*н, л, т, д*) перед согласными. В Р такая мягкость отражается непоследовательно (7 примеров). Редактор АИ не только сохраняет написания автора, но расширяет их круг: 25 примеров (*силънии, судьбами*). В СИ подобные написания отмечены 2 раза: в одном случае сохраняется авторское написание (*добродѣтельми*), в другом случае отражение мягкости – результат работы справщика: СИ – *пользѣ*, Р – *пользѣ*.

3. Морфолого-орфографическая правка касалась написаний окончаний прилагательных и причастий И. п. мн. ч., суффиксов деепричастий, а также отдельных окончаний существительных.

Суффиксы деепричастий на *-иши* Тодорский последовательно пишет через *и* (7 примеров): *оставивши, дознавши, отбросивши*. Редактор СИ правит их на *-ише*. Редактор АИ непоследователен: в 5 примерах он сохраняет *и*, в 2 примерах исправляет на *е*: *отбросивше, оставивше*.

В окончаниях прилагательных и причастий И.-В. п. мн. ч. наблюдается вариативность. Тодорский употребляет следующие окончания: для ср. р. – *-иш* (*высокии свои имена*), *-ия* (*толикія неудобства*); для м. р. – *-ья* (*самыя восточныя народы*), *-иш* (*многотрудниши походы, страшниши приступы*), для ж. р. – *-иш* (*смертоносниши баталши*), *-ия* (*протчія звѣзды*). Редактор АИ в 10 случаях сохраняет варианты Тодорского и в 5 случаях вносит правку: для ж. р. единым вариантом становится окончание *-иш*, в ср. р. сохраняется *-иш*, в формах м. р. окончание *-ия* меняется на *-ие*. Редактор СИ последователен в правке: в тех 10 случаях, где в АИ сохраняется вариант Тодорского, в СИ дана правка: ср. р. – *-ая* (*высокая своя имена*), м. р. – *-ия / -ья* (*многотрудныя походы, гражданскія уставы*), ж. р. – *-ия* (*прочія звезды*). Ср. с рекомендациями Грамматики Смотрицкого 1648 г.: в ср. р. *-ая*, м. р. *-иш*, в ж. р. *-ия* [Грамматика... 2007: 142–143]. Таким образом, при правке ярко высвечивается стили-

стическая маркированность отдельных окончаний прилагательных: Тодорский сочетает окончания церковнославянские и русские, редактор АИ устраняет маркированные церковнославянизмы – *-ия* в ж. и м. р., редактор СИ устраняет «русизмы» – окончания *-иш* в м. и ж. р., а *-ия* в ср. р. правит на *-ая*.

В Р один раз отмечено написание прилагательного с окончанием *-ого*: *преславного*; в СИ и АИ форма изменена на книжную форму *преславнаго*.

Некоторая правка касается падежных форм отдельных лексем (Р и СИ – *о чадѣхъ*, АИ – *о чадахъ*, Р. п. ед. ч. в Р – *времени*; в АИ 2 раза *времени*, 1 раз – *времене*; в СИ – *времени, време* и *времени*).

4. Лексико-орфографическая правка касается написаний иностранных названий и производных от них прилагательных: в Р и СИ *Норвежскимъ*, в АИ – *Норвергскимъ*; в Р *К'нигавсена*, в СИ – *Книгавсена*, в АИ – *Книгаузена*; Р и СИ – *шлезвискія*, в АИ – *шлезвигскія*. Видимо, справщик СИ не считал возможным править иностранные названия, записанные хорошо знавшим немецкий язык Тодорским, тогда как редактор АИ имел свою точку зрения на правильность передачи немецких названий. В некоторых случаях редактор СИ дает более книжные формы: *превозиель* (Р и АИ) – *превозмош* (СИ), *облекъ* (Р и АИ) – *облекль* (СИ).

Опечаток в тексте крайне мало: (СИ – *посфирамъ* вм. *порфирам*, АИ – *вопалению* вм. *попалению*).

В целом сравнение двух этих публикаций с рукописью позволяет отметить, что в Академической и Синодальной типографиях существовал различный подход к авторскому тексту. Во многом это было связано с устойчивостью церковнославянских орфографических норм и дискуссионностью «гражданского» варианта орфографии. Редактор АИ чаще сохраняет варианты, предложенные автором, однако в некоторых случаях он демонстрирует собственную точку зрения (правописание окончаний прилагательных; употребление *і / и* в корнях иностранных слов, реже – слитные и раздельные написания). Однако его правка во многом непоследовательна. Редактор СИ действует в рамках уже сложившейся и регламентированной орфографической системы; однако в некоторых случаях появляются приметы проникновения в церковнославянскую систему орфографических новшеств из системы гражданской (отражение мягкости согласных, мена окончаний отдельных форм). Обе системы оказываются в равной степени нетерпимы к украинизмам и написаниям, отражающим «некнижное» произношение.

Литература

Грамматика 1648 г. М., 2007. С. 142–143.

На грани летописи и новых форм исторического повествования (тенденции в развитии литературного языка в России конца XVI – XVIII в.)

О. Н. Киянова

Российская правовая академия Минюста России (Москва, Россия)

История русского литературного языка, норма, летопись

Аннотация. Представлены результаты анализа языка текстов, созданных в летописной традиции и реализующих сниженную норму церковнославянского языка позднего периода существования его в качестве литературного в России XI–XVII вв.

Актуальность изучения конкретных разножанровых текстов как источников представлений о языковой норме сохраняется и для позднего периода существования церковнославянского языка в качестве литературного языка Руси. Конкретные памятники не только остаются источником представлений книжников о нормативном (поскольку все теоретические выводы о степени влияния грамматических сочинений на языковую практику писцов еще нуждаются в верификации на основе изучения языковых источников). Тексты также являются отражением кризисного состояния литературного языка периода конца XVI–XVII вв., отражением тех перемен, которые происходили в это время в отношениях между книжно-литературным языком, языком

деловой письменности и обиходной речью. В этой связи особое значение приобретает исследование памятников позднего русского летописания (в языке летописей всегда сосуществовали русские и церковнославянские формы на разных языковых уровнях, и памятники реализовывали «упрощенную» норму церковнослав. языка), до недавнего времени малоизвестных и не принимавшихся во внимание историками русского литературного языка.

В XVII в. не только развивается летописание, следующее в русле многовековой традиции (см. [Киянова 2006]; [Киянова 2007]). Возникают новые типы летописей (монастырские летописцы и памятники дворянского летописания). Определенный интерес представляют и появившиеся в этот

период тексты, созданные в летописной традиции и находящиеся в жанровом отношении между переживавшим новый расцвет летописанием и жанрами исторического повествования (традиционными и новыми). В последней четверти XVII – начале XVIII в. активно формируется не только жанр исторической монографии, развивается и иное – личностное направление исторической литературы: формируется жанр мемуаров. Примечательно то, что истоки этого жанра лежат в развитии летописных форм.

В этот период сохраняется традиция повременного летописания, остается традиционной и техника, меняется автор таких записей (это уже не древний Нестор). Это влечет за собой и иное содержательное наполнение текста, и возникновение его эмоциональной окрашенности (в отличие от бесстрастного повествования старых официальных летописей). Повременные летописные записи велись по всей стране представителями разных сословий. Они не были составной частью какой-либо летописи, но представляли собой начальную стадию летописной работы, при этом их подробный или лапидарный характер зависел от значимости описываемых событий. Не случайным является тот факт, что в XVII в. летописные записи сохраняются отдельно, вне летописи. Характерная особенность таких произведений – непосредственность восприятия сведений – была основой для формирования жанров более личного, субъективного исторического повествования. В докладе представлены результаты исследования таких памятников этого типа, как «Дневные записи» И. А. Желябужского, «Записки времени царствования Алексея Михайловича и его преемников», «Записки о стрелецком бунте», «Памятные записи московских подьячих Шантуровых», «Заметки земского дьячка второй половины XVII в. (Аверкия)» [Тихомиров 1939, Т. 2: 93–100]; [Тихомиров 1956, Т. 12: 444–448, 448–456, 456–457]; [Желябужский 1990: 201–328]. Исследование текстов, созданных в летописной традиции, но уже не являющихся летописными памятниками в традиционном понимании, а принадлежащих к «переходным жанрам», обнаруживает ориентацию их языка на нормы деловой письменности (см. [Ремнёва 2003]; [Ремнева 1989]) и живого языка. Происходит интенсивное проникновение восточнославянских грамматических средств в язык произведения (формы на -л в качестве единственной формы прош. времени, русских союзных средств, форм мн. и ед. ч. в контексты двойственности); тем не менее, авторы некоторых памятников (Шантуровы, автор «Записок времени царствования...») подчеркивают следование при создании своих исторических произведений летописной традиции: они не только композици-

онно организуют свой текст в летописной манере, но и сохраняют некоторые книжные трафаретные грамматические формы, свойственные языку летописей, и периодически употребляют морфологические церковнославянизмы (это касается, главным образом, форм прошедшего времени глагола).

В целом же обнаруживается ориентация языка памятников, реализующих упрощенную грамматическую церковнославянскую норму, во всех своих новых чертах и проявлениях на узус живого русского языка, на восточнославянские языковые нормы. Наблюдается укрепление в языке литературных произведений позиций восточнославянских грамматических средств. Размытие четких границ между литературными жанрами, появление профессиональных авторов, создающих произведения, не вписывающиеся в старую систему литературных жанров, специфические особенности языка памятников позднего русского летописания создают условия для перерождения русского языка в единый новый литературный язык Российского государства.

Литература

- Желябужский И. А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост. А. П. Богданов. М., 1990. С. 201–328.
- Киянова О. Н. Проблемы языковой нормы русских летописных текстов конца XVI – XVIII вв. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2007.
- Киянова О. Н. Язык памятников позднего русского летописания: особенности грамматической нормы. М., 2006.
- Ремнёва М. Л. Проблема грамматической нормы в истории русского литературного языка: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1989.
- Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
- Тихомиров М. Н. Заметки земского дьячка второй половины XVII века [Аверкия] по изд. сп. ГИМ, собр. Барсова, № 2014, лл. 13–21 об.] // Исторический архив. Т. 2. М.; Л. 1939. С. 93–100.
- Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. [Записки времени царствования Алексея Михайловича и его преемников по изд. ркп. к. XVII в. ГИМ, собр. Уварова, № 44, лл. 20–27 об.] // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 444–448.
- Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. [Записки о стрелецком бунте по изд. сп. РГАДА, собр. Ф. Мазурина, д. № 522. к. XVII в., лл. 298 об.–310 об.] // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 448–456.
- Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. [Хронологические записи семейства московских подьячих Шантуровых по изд. сп. ГБЛ, Собр. Беляева 59 / 1567. лл. 1–2 об., 3 об., 38, 74] // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 456–457.

Исследование процесса текстопорождения (на материале частно-деловых писем XVIII века)

А. В. Косивцова

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Черновик, адресант, почерк, редактирование

Аннотация. Статья посвящена исследованию черновиков как источников, отражающих процесс создания рукописного текста. Работа выполнена на материале частно-деловых писем заводчика Никиты Акинфиевича Демидова 1768 г., предоставленных в наше распоряжение Демидовским институтом (г. Екатеринбург).

Анализ черновиков позволяет проследить процесс порождения текста. Чаще всего исследованию подвергаются черновые варианты художественных текстов известных писателей. Деловые тексты прошлого, как правило, хранятся в архивах в беловых вариантах – именно они становятся объектом многоаспектного историко-филологического анализа. Однако есть и «скорписные документы, сохранившие следы правки (к счастью, не единичные в провинциальных архивных фондах)», которые «демонстрируют процесс текстообразования. Следовательно, исследователь может увидеть тексты ушедших эпох в их динамике» [Трофимова 2007: 367]. Одной из причин внесения правки в документ является требование точности, не допускающей разночтений. Помня об этом, при составлении делового текста адресант прежде всего учитывает позицию адресата, его знание

(незнание) о положении дел. В целях конкретизации содержания пишущий вносит в рукопись исправления, которые и позволяют нам проследить этапы создания текста.

Исследуемые тексты представляют собой распоряжения, приказания Н. А. Демидова, адресованные в Кашинскую вотчину села Прислон пищику Урвину, старосте Алексею, целовальнику Федорову с мирскими людьми. Тематика писем связана с рекрутским набором, выгрузкой железа, отправкой и хранением деревьев и т. д. При создании письма субъект речи опирался на известные ему сведения, полученные им из поданных вышеперечисленными адресатами рапортов.

Изучаемые письма представляют собой черновики, поскольку содержат различного рода исправления. Вслед за С. М. Бонди [Бонди 1971: 148] и Д. С. Лихачевым [Лихачев

2001: 48] под черновиками понимаем рукопись, создаваемую в процессе непосредственной работы и отражающую иногда несколько этапов в движении текста. Цель исследования – через анализ следов правки текста выявить речевую тактику и определить речевые стратегии [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 446] Н. А. Демидова, позволявшие ему добиваться успеха в экстралингвистической действительности.

Анализируемые письма написаны разными почерками. Шесть писем – почерком Н. А. Демидова, пять – почерками писцов, но в них содержатся правки рукой Н. А. Демидова. Почерк Н. А. Демидова размашистый, быстрый, торопливый, крупный; буквы имеют округлый характер, некоторые из них (*д, т, м* – выносные, *у, с, х*) написаны с твердым нажимом; строчки неровные. Почерки писцов, напротив, отличаются разборчивостью, аккуратностью, ровностью строк. Следует отметить, что исправления, вносимые Н. А. Демидовым в текст рукописи, торопливые, неаккуратные. Они представлены зачеркиваниями букв, слов, фрагмента текста, вставками над строкой и на полях. Прочтение черновиков осложняется тем, что нам не всегда удается восстановить зачеркнутые жирными чернилами места. Тем самым затрудняется разбор первоначального варианта рукописи.

В зависимости от почерка можно выделить два вида черновиков: 1) черновики, написанные Н. А. Демидовым и исправленные им самим в процессе саморедактирования; 2) беловики, составленные писцом и отредактированные заводчиком. Исследуя черновики Пушкина, С. М. Бонди пишет о втором виде черновиков следующее: «Такую рукопись тем не менее нельзя ни в коем случае безоговорочно отнести к числу черновиков. Нужно различать в ней две стадии работы, два типа автографа: прежний, основной беловой текст и черновик, отражающий его переработку» [Бонди 1971: 149].

По характеру исправлений, содержащихся в рукописи, можно выделить два этапа работы над письмом. Первичная правка текста осуществляется пишущим в момент создания текста, в процессе формирования мысли. При этом изложение информации на бумаге сопровождается зачеркиванием буквы, слога, слова. Вопрос об инициаторе такой правки требует отдельного рассмотрения.

Вторичная правка текста происходит во время контрольного прочтения текста, когда пишущий делает вставки над строкой или на полях слова, фрагмента текста. Таким образом, восприятие текста адресантом в момент его написания и в момент его редактирования меняется. Окончательный вариант письма становится более информативным, что способствует более адекватному пониманию его адресатом.

Правки в письмах Н. А. Демидова можно разделить на два вида: информационные и конструктивно-синтаксические. Информационные правки дополняют или уточняют ранее написанный текст. Обнаруживаемый пропуск какой-либо информации передается вставками слов, фрагментов текста над строкой и на полях. К информационным правкам относится также замена одного слова на другое (*укрепить* [железо] вместо *сделать*). Такая правка может сопровождаться оценкой: например, излагая содержание полученного рапорта, Н. А. Демидов заменяет изъяснительный союз *что* на союз *будто*, который вносит оттенок недоверия пишущего по отношению к излагаемым в рапорте событиям и позволяет автору снять с себя ответственность за их достоверность. Волеизъявление в таких письмах представлено инфинитивами *выслать* (*ево Аврама*), *оставить* (*дом и тягло*), *дать* (*надълок*). Конструктивно-синтаксические правки состоят в перестановке слов, словосочетаний, что является следствием нового тема-рематического членения высказывания, например: *того ради получа сие ево Аврама выслать сюда з'женою и'ею и'меньшим ево сыном которои от'ныи'ншей жены выслать сюда*. Здесь тема высказывания расширяется за счет включения в нее еще двух объектов ситуации – жены и младшего сына Аврама – по отношению к действию *выслать*.

Литература

- Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М., 1971.
 Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 Лихачев Д. С., при участии Алексеева А. А. и Боброва А. Г. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001.
 Трофимова О. В. Рукописный деловой текст XVIII века и его «автор»: следы взаимодействия (на материале допросов из фонда Государственного архива Тюменской области) // «Единым письмом употреблением памяти подкрепляется вечность». СПб., 2007. С. 355–367.

Единство фонетических процессов с плавными в предыстории славянских языков

А. А. Кретов

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Праславянская фонетика, метатеза и рефлексии слоговых плавных

Аннотация. Ключ к преобразованиям групп *ToгT*, *oгT*, *TгT* – рефлексация слоговых плавных: с предшествующим, последующим или опоясывающим вокалическим пазвуком. По этому признаку праславянские диалекты распадаются на две группы: южнославянские языки, к которым примыкают чешский и словацкий, и севернославянские языки: восточно- и западнославянские за указанным исключением. Различие восточно- и западнославянских языков в отражении группы *ToгT* обусловлено позднейшими процессами.

Преобразование групп *ToгT*, *oгT*, *TгT* в праславянском языке рассматривают независимо друг от друга. Между тем они имеют единый механизм: 1) закон восходящей звучности в слоге (ЗВЗ), 2) закон запрета на зияние – соседство слоговых звуков – внутри корня (ЗЗЗ), 3) закон слогового сингармонизма (ЗСС) и 4) закон компенсации звучности в слоге (ЗКЗ), – ключом к которому является преобразование группы *TгT* (*TгT* / *TгT*).

По этому основанию праславянские диалекты делят на две группы: южнославянскую (включающую чешский и словацкий языки), в которой вокалический пазвук следовал за плавным (*TгT*, *TгT*); и севернославянскую (восточнославянские и лехитские языки), в которой вокалический пазвук предшествовал плавному (*TгT* / *TгT*). Это по-своему справедливо, хотя в реальности все три типа рефлексии слоговых плавных (с предшествующим, последующим и опоясывающим пазвуком) встречались (и встречаются) как у южных, так и у северных славян (А. А. Зализняк).

Так, южнославянским случаям типа *мальдичие* (Шестоднев Иоанна экзарха), *зальтарин* ‘золотых дел мастер’ (перевод Слов Афанасия Александрийского), *альдии* (Супр.

рук.) (см. [Ремнева 2004: 135, 138]) аналогично «второе полногласие» восточнославянских диалектов: *веревка, столп, остолоп* и др.; те и другие объяснимы опоясывающей рефлексацией слогового плавного, при котором вокалический пазвук и предшествует плавному, и следует за ним.

Преобразование группы *ToгT* считают одной из изоглосс, делящих славянские языки на южно-, западно- и восточнославянские (*Karl* > *kral*, *król*, *король*).

Между тем различие западно- и восточнославянских языков в рефлексии группы *ToгT* носит более поздний характер и связано, по-видимому, с различиями в акцентуационных процессах и в судьбе редуцированных гласных.

В отечественной науке бытует предложенное еще Ф. Ф. Фортунатовым объяснение преобразований группы *ToгT* в славянских языках с поправками А. М. Селищева и С. Б. Бернштейна, основанное на *ad hoc* выдвинутом предположении о необъяснимом концентрировании долготы слога то на гласном, то на плавном и не называющее причин метатезы плавных.

Фактически объяснение метатезы отсутствует и в новейших учебниках старославянского языка [Ремнева 2004];

[Груцо 2004], хотя формально оно и дается: ЗВЗ. Но если причиной метатезы был ЗВЗ, то тогда необъяснима причина развития слоговости плавных **после** метатезы.

Все становится на свои места, если предположить, что первым способом выполнения ЗВЗ было выделение плавного в отдельный самостоятельный слог и развитие у него слоговости: ТоГ > То-г-Т. Однако выполнение ЗВЗ привело к нарушению другого фонетического закона – ЗЗЗ, сложившегося в праиндоевропейском языке и существующего поныне. Для устранения зияния и потребовалась метатеза. Но сама по себе метатеза (То-г-Т > Тго-Т) зияния не устраняла (плавный **оставался слоговым**), а лишь создавала условия для его устранения. После метатезы плавный мог и должен был избавиться от слоговости, но в силу ЗКЗ звучность сонанта не могла исчезнуть бесследно: сонант «отдавал» свои вокалические пазвуки влево и / или вправо и тут все зависело от типа вокализации плавного в конкретном славянском диалекте. Последующий пазвук удлинял последующий гласный (неполногласие). Предшествующий – развивался в самостоятельный гласный, который затем мог сохраниться (восточнославянское полногласие) или утратиться (в лехитских). Опоясывающий – позволял обходиться без метатезы: он удлинял предшествующий гласный и трансформировался в полноценный последующий гласный: *mol-di-či-je > mo-|di-či-je > mo-¹l¹-di-či-je > mo-¹l¹-di-či-je > mō-l¹-di-či-je > **мольдичие**, *zol-ta-ri-nъ > zo-|ta-ri-nъ > zo-¹l¹-ta-ri-nъ > zo-¹l¹-ta-ri-nъ > zō-l¹-ta-ri-nъ > **зальтарин**, *ol-di-ji > o-|di-ji > o-¹l¹-di-ji > o-¹l¹-di-ji > ō-l¹-di-ji > **альдии**.

Рассмотрим преобразование группы TORT на примере прасл. *gordъ 'город'.

1. Нарушение ЗВЗ устраняется выделением плавного в отдельный слог: *gordъ > gol|rdъ.

2. Разрешение коллизии породило новую: нарушение ЗЗЗ, устраняемое метатезой: gol|rdъ > goldъ.

3. Сонорный утрачивает слоговость, но в силу ЗКЗ звучность сонанта не исчезает бесследно. В южнославянских языках сонанты «отдают» звучность вперед, вследствие это-

го последующий гласный удлиняется: ¹o > ō > a. Ср. ст.-сл. градъ.

В севернославянских языках звучность отдается назад в виде редуцированного ъ: *g¹roldъ > g¹roldъ > gъ-ro-dъ. В западнославянских языках редуцированный закономерно утрачивается: gъ-ro-dъ > польск. устар. gród. В восточнославянских языках редуцированный под ударением прояснился в гласный полного образования: рус. зóрод.

Группы TORT, TERT, TOLT изменялись единообразно, изменение же группы TELT в восточнославянских языках дает ТОЛОТ, ТЕЛОТ и ТЕЛЕТ: ср. рус. молоко из *melk-, рус. шело из *helm-, рус. челено из *keln-.

Рассмотрим этапы изменения группы TELT на примере *helm- 'шлем'.

1. Постулирование отвердения /l/ перед твердым согласным: *hel¹l¹mъ, во-первых, необъяснимо тенденциями, действовавшими в праславянском языке, а во-вторых, избыточно (классический пример прасл. vьlkъ якобы из балт. vilkas объясним разным выбором праславянского и прабалтийского языков: праиндоевропейское *v¹lk-, давало как *vilk- > vilkas, так и *vulk- > vьlkъ > вьлкъ > волк).

2. Нарушение ЗСС в первом слоге устраняет первая палатализация: *helmъ > šelmъ.

3. Устранение нарушения ЗВЗ (/l/ становится слоговым: šelll¹mъ > šel|l¹mъ) нарушает ЗЗЗ.

4. Устранение зияния метатезой šel|l¹mъ > š|el¹mъ приводит к нарушению ЗСС: между дизными š и e находится недизный l.

5. Возможны два способа выполнения ЗСС: 1) гласный e уподобляется согласному l, превращаясь в o: *melk > молоко; 2) согласный l уподобляется e, приобретает дизность: *keln > челено. В *helmъ реализован первый: š¹l¹e-mъ > š¹l¹o-mъ.

6. Опять нарушен ЗСС: в одном слоге дизный š¹ и недизный ъ. Гласный уподобляется предшествующему согласному: š¹l¹o-mъ > š¹l¹o-mъ, и тем выполняется ЗСС – ше-ло-мъ.

7. В южнославянских коллизия разрешается вторым способом (смягчается l): шлѣмъ.

Смоленско-рижские акты XIII–XIV вв.

в Латвийском государственном историческом архиве: язык и культура

А. М. Кузнецов

Даугавпилский университет (Даугавпилс, Латвия)

Грамоты, палеография, орфография, перевод, диалект

Аннотация. В докладе излагаются результаты исторического, лингвистического, палеографического исследования смоленско-рижских актов XIII–XIV вв., позволяющие пересмотреть их датировку и обстоятельства создания.

Хранящиеся в Риге пергаменные и бумажные грамоты XIII–XIV вв., написанные от лица смоленских князей, давно известны в науке, несколько раз изданы, входят в хрестоматии по истории русского языка, но до сих пор ставят много вопросов перед исследователями как языка, так и истории.

Для тех и других прежде всего важна датировка документов, а она остается спорной. При подготовке к новому изданию текстов грамот, которое выйдет в 2009 г., мы с историком А. С. Ивановым, профессором Даугавпилского университета, предложили еще одну версию взаимоотношения списков Торгового договора между Смоленском, Ригой и Готландом 1229 г. Эта версия опирается не только на данные, полученные исторической наукой, но и на языковые, текстологические и палеографические особенности списков.

В нашем варианте древнейшим смоленским документом считается Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готландом, называемый иногда списком К: его можно датировать 1219–1228-м годами. Не только палеографический анализ графики, сделанный Т. А. Сумниковой, но и анализ орфографии, не говоря уже об исторических деталях, склоняют нас к этому решению: по степени отражения падежения редуцированных это самый архаический текст. Палеографический анализ приписки в «рижской редакции» договора 1229 г. в списке Е позволил отождествить почерк в ней с почерком писца, оформившего «готландскую редакцию» текста в списке А. Это заставило расположить 5 списков договора 1229 г. в последовательности: список Е и его копия список D, за ними следует список А, его текст был отредактирован и сохранился в списке В (официальный доку-

мент был отослан на Готланд, список В – только его копия), – все они оформлены в 1229 г. или чуть позже, а отправлены в Ригу в разное время, и, наконец, в XIV в. в Риге была снята копия – список С – с имеющегося здесь списка А.

Смоленско-рижские акты представляют интерес и с точки зрения развития делового языка (оформление документов межгосударственного характера), и с точки зрения отражения смоленского говора XIII в. Как уже было отмечено исследователями, язык преамбул смоленских договоров следует образцам документов Риги и Готланда и носит следы влияния латинского и нижненемецкого языков. Ссылаясь на необычную орфографию списка А, еще не так давно исследователи высказывали предположение об иностранном происхождении писца. После открытия новгородских берестяных грамот стало ясно, что перед нами бытовая система письма древнерусских людей. Иностранцы, в частности немцы, не писали тогда документы по-русски. Процесс перевода, вероятно, осуществлялся в устной форме между сторонами, а древнерусский писец отражал его на письме. С этой точки зрения интересна передача иностранных имен и фамилий, а также топонимов в наших документах. Например, в сп. Е (31b, 42b) представлена форма имени магистрата ордена *фолкоунъ*, а в сп. А (14v,) – *вълквинъ*; представитель Гронингена в первом документе (47b) назван – *фолкерь*, а во втором (18v) – *вълкеръ*, а город Гронинген в первом документе (48b) – *гроули*, во втором (18v) – *грюнигъ*. Вряд ли такие варианты появились бы в результате письменного перевода, это формы, воспринимаемые на слух.

Литература

Булч С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1. XIII в. – 1825 г. СПб., 1904.

Кузьмина Е. А., Николенкова Н. В. Грамматика Ивана Иконника: история создания // Вестник церковной истории. 2009. № 1.
Ягич И. В. История славянской филологии. (Энциклопедия славянской филологии. Т. 1.) СПб., 1910.

Смещение письменных традиций в прибалтийском регионе в XV–XVII вв.

М. Лазар

Гамбургский университет (Гамбург, Германия)

Письменные традиции, литературный язык, деловая письменность, прибалтийский регион, Любекский архив, Рижский архив

Аннотация. Прибалтийский регион имеет огромное значение в истории русского и белорусского литературных языков – он выступает в роли проводника западноевропейских тенденций в славянских языках.

В XV–XVIII вв. в прибалтийском регионе присутствовали как минимум 3 письменные традиции: нижненемецкая, древнерусская (новгородская) и старобелорусская (полоцкая). В их рамках изначально создавались тексты, обслуживавшие деловую сферу, однако в течение указанного периода их функциональный диапазон существенно расширяется. Возникают предпосылки нормирования обоих славянских языков.

Столь тесное сосуществование названных языков не могло не вызвать процессов взаимовлияния, которые просле-

живаются на материале деловой письменности. В рамках доклада будут представлены результаты наблюдений над структурой и некоторыми языковыми особенностями материалов Любекского и Рижского архивов, в частности над псковским письмовником 1608 г.

Данное исследование призвано показать значение прибалтийского региона в истории русского и белорусского литературных языков, в частности его роль проводника западноевропейских тенденций в славянских языках.

Банатский стандартный язык середины XIX в.

И. А. Ликоманова

Софийский университет им. Климента Охридского (София, Болгария)

Банатские болгары, меньшинство, литературный язык, латиница, павликянский

Аннотация. В докладе рассматриваются особенности современной языковой практики банатских болгар, с конца XVIII в. населяющих северо-восточную часть Сербии, граничащую с Румынией (Воеводина). Материалом исследования являются непосредственные наблюдения автора как над устной, так и над письменной речью этого национального меньшинства, находящегося в иноязычном – славянском и неславянском – окружении.

В докладе сопоставляется современная письменная языковая практика банатских павликян с ее предшествующим состоянием. Исходным пунктом ее формирования явилось создание по инициативе Й. Рилла грамматики, которая с середины XIX в. распространялась на территории всего Баната, входившего в состав Австро-Венгрии. Дается предварительная оценка норм, зафиксированных в текстах и отражающих нормы, описанные в указанной грамматике, которая, в свою очередь, в значительной мере отражает влияние грамматики болгарского языка Цанковых, изданной в 1856 г. в Вене на немецком языке. Основой же грамматики павликян являются болгарские диалекты родопского и северо-восточного типа. Кроме того, грамматика Рилла и большое количество изданных учебников, в которых ее нормы реализуются на практике, учитывают также предшествующий опыт ее потенциальных пользователей. Этот опыт отражен в языке библейских и церковных текстов, находив-

шихся в обращении в католическом Банате и привезенных сюда хорватскими миссионерами, что, вероятно, обусловило использование павликянами латинской графики. Грамматика описывает эти практические нормы и обучает им. В настоящее время все созданные павликянами тексты доступны исследователям.

Практика использования латинского алфавита павликянами жива до настоящего времени. Латинским алфавитом издаются не только литературные журналы, в том числе доступные в Интернете, но также и современная художественная литература и исторические этюды.

В докладе грамматические нормы рассматриваются как с точки зрения их диалектного происхождения, так и в плане последовательности применения в современных текстах. На примере последних рассматривается также соотношение латинского алфавита с кириллическим в произведениях павликян.

Частные системы неопределенных местоимений

как отражение предшествующих кодификаций словацкого литературного языка

К. В. Лифанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Неопределенные местоимения, кодификация, частная система, функционирование

Аннотация. В докладе рассматривается связь употребления неопределенных местоимений в произведениях современных словацких писателей с различными кодификациями словацкого литературного языка. Чрезвычайно сложная история кодификации неопределенных местоимений с общим значением неопределенности отразилась в том, что в полном объеме в соответствии с современной кодификацией названные местоимения функционируют лишь в текстах части писателей, тогда как у других обнаруживаются их частные системы, корреспондирующие с предшествующими кодификациями.

В современном словацком литературном языке системы неопределенных местоимений (далее НМ) с общим значением неопределенности и произвольности представляются как аналогичные, образуемые при помощи трех компонентов (из системы неопределенных местоимений с общим значением неопределенности мы исключаем местоимения с компонентом *-si*, которые в истории словацкого литературного языка занимали особое место, фактически не вступая в конкуренцию с другими местоимениями с аналогичной семантикой): *nie- (ne-) / da- / vol'a-* (НМ с общим значением

неопределенности) – *-kol'vek / hoci- / b'ars-* (НМ со значением произвольности). К такому выводу можно прийти, анализируя материал грамматик словацкого языка. В действительности же между ними имеются принципиальные различия в функционировании, обусловленные историей их кодификаций.

Из НМ с оттенком произвольности вплоть до кодификации словацкого литературного языка, осуществленной Л. Штуром (1844 г.), употреблялись НМ с компонентом *-koliv* (*-kol'vek*), например:

Kohokoliw prirodzenost tahne ku chlipnosti, / *Takowy se ma hamowat wždycki od Sitosti* (Гавлович); *Že majú gruntovní páni ve svojich právách upevnené to plnomocenství, abí mohli ve svém pántvu a poddanstvu jakékol'vek zveri držať...* (Фандли).

Л. Штур сохраняет в литературном языке НМ с компонентом *-kol'vek*, но вводит также НМ компонентом *hoci- / hoc-*, причем считает их равноправными и в одинаковой степени употребляет в текстах:

Keby sme všetko to nešťastie, tú biedu a hrúzu, čo už pálenka v pokolení ľudskom a menovite aj v našom národe spravila a ustavične, nepretržene ešte robí, dovedna zobrali a vypočítali, poznali by sme, že ona horšie od hocjakého moru zúrila, viacej jako ktorákoľvek morová rana nám zaškodila, proti moru sa modlíme, o jeho odvrátenie Boha prosíme, ale túto skazu sami na seba dobrovoľne priťahujeme.

Позиции рассматриваемых НМ были подтверждены в кодификации С. Цамбела (1902 г.), который к тому же расширил данную мини-систему НМ с частицей *bárs-*. Последние, однако, остались на периферии системы, поскольку их частотность осталась значительно ниже, чем других НМ.

Более сложной и драматичной была история кодификации НМ с общим значением неопределенности.

До кодификации Л. Штура в словацком литературном языке очевидно преобладали НМ с компонентом *nie- (ne-)*, но в текстах последней трети XVIII в. наряду с ними употреблялись также НМ с компонентом *voľa-* (в огласовке *vola-*), хотя они кодифицированы не были:

...vatší plat musíme platiť, drevo, zezezo o mnoho je drahšie nežli pred nekerímá roki; ...ona taká nevládná bola, že sotvá s ní svoje role jarného pola zorali, sotvá sebe volačo v zime, z jaru ze svojú lichvu virobiť mohli, preto že ju dostatečne krmíť nemohli; Milí susedé, dokonali sme včil obecne porádky, zabavte sa ešte máľičko u mňa, povím vám volajákú všetečnú aj užitečnú novinu (Фандли).

Л. Штур, однако, предпринял попытку, в целом весьма успешную, выгнать из литературного языка указанные НМ, заменив их НМ с компонентом *da-*. Писатели середины XIX в.:

Upjekla si posušček a dakolko postruhňikou, vzala oblek novich šjat, zakrútila do obrúska, batošček na chrbát prehodila a šla vo meno božje, kde je len oči vjedli (Римавский); *Ale, aby*

nám dakto nepovedal, že sa len sami chválime, bár sme ináč presvedčení, že dobré sa samo chváli, pristúpime už radšej len k samej historke (Гурбан); *Tu sa priplichtí pán Jožko Levický k pánom Medziborským, bývajúcim dakde pánu Bohu za chrbtom medzi horami, a ukazuje im, ako si to tá opička pekne orech hryžká* (Калинчак); *Hlava sa mu trasie, ako čo by vždy dačo schvaloval alebo zapieral* (Заборский); *Ani v mojom dome nechce abštagovať, len v daktorom hostinci...* (Паларик).

С уходом штуровского поколения ситуация кардинально меняется, так как теперь употребляются только НМ с компонентом *nie- (ne-)*, что подтверждает кодификация С. Цамбела:

Keď už niektoej hlava odkväcla napredok, spamätala sa a otvorila ospalé oči, privoňajúc k malému perku z majoránu a klinčekov (Ваянский); *Zvedave som sa na nich dopytovala, a môj trpelivý apa o každom rozpovedal mi niečo, čo som i svojím detským rozumom pochopila* (Maróthy-Soltésová); *Najprv pozdravilo svojím lúčom tú záhradku, kde niekedy biedny ružový ker tuhý boj viedol s prhlavou a bodliačím...* (Vansová); *Raz Petrik niekam odskočil, a tu mu sub rosa oznámil, že objavil prameň, z ktorého dostane dve zlatky pre syna* (Kukučín).

Позже, однако, НМ с другими компонентами все же были возвращены в словацкий литературный язык: НМ с компонентом *voľa-* в 1931 г., а НМ с компонентом *da-* в 1940 г. В действительности же НМ с общим значением неопределенности в полном объеме функционируют в языке лишь части словацких писателей (И. Горак, А. Худоба, В. Шикунла, М. Зимкова), тогда как в языке других обнаруживаются частные системы, корреспондирующие с предшествующими кодификациями:

nie- (ne-) (М. Фигули, Д. Митана, П. Виликовский);

nie- (ne-) / voľa- (Ф. Швантнер, Л. Ондрейов);

nie- (ne-) / da- (Д. Хробак, Я. Боденек, Я. Ленчо).

В языке ряда писателей НМ различаются стилистическими характеристиками. Так, В. Минач и Л. Баллек нейтрально употребляют лишь НМ с компонентом *nie- (ne-)*, тогда как другие НМ в их языке имеют оттенок разговорности, так как обнаруживаются только в прямой речи персонажей. У А. Беднара и П. Яроша нейтральными являются НМ с компонентами *nie- (ne-)* и *voľa-*.

Типологическая характеристика семантических корреляций праславянских лексем в современных славянских языках

Е. М. Маркова

Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Праславянский источник, семантическая дивергенция, дихотомии

Аннотация. В докладе речь идет о семантической дивергенции общих лексем в современных славянских языках, восходящих к единому праславянскому источнику и представляющих собой с точки зрения содержания семантические «разветвления» когната. Анализируя их семантику на современном этапе языкового развития, автор предлагает классификацию возникших семантических дихотомий.

Несмотря на значительную национальную специфику лексико-семантических систем современных славянских языков, обнаруживается глубокая общность в путях и способах развития значений праславянских лексем, в характере и типах семантических сдвигов, в чем находит проявление конвергентный характер развития языков.

Сравнительные значения общих для ряда славянских языков слов, уходящих корнями в праславянскую древность, можно утверждать, что «семантическая амплитуда колебания лексем» (по выражению Н. И. Толстого) весьма широка: от различий в оттенках значений, в едва уловимых коннотативных сдвигах до семантического непересечения. Поскольку «все изменения слов по-своему закономерны» (О. Н. Трубачев), носят регулярный характер и «поддаются классификации» (М. М. Покровский), семантические корреляции праславянских по происхождению лексем при сравнительном рассмотрении их в билингвальном аспекте (в докладе на материале русского и чешского языков) можно представить в виде следующих дихотомий:

1. Гипероним – гипоним (рус. *ягода* – чеш. *jahoda* «земляника, клубника», рус. *гриб* – чеш. *hřib* «белый гриб», рус. *палец* – чеш. *palec* «большой палец», рус. *змея* – чеш. *zmije* «гадюка», рус. *свинья* – чеш. *svině* «самка кабан» и т. д.).

2. «Абстрактное» – «конкретное» (рус. *обилие* – чеш. *obilí* «зерно», рус. *быт* – чеш. *byt* «квартира», рус. *живот* – чеш. *život* «жизнь» и др.).

3. «Общеупотребительное» – «специальное» (рус. *купель*, *клубок*, *святки*, принадлежащие к сфере церковной лексики, и общеупотр. чеш. *koupeľ* «ванна», *klobouk* «шляпа», *svátek* «праздник» и др.).

4. Несовпадение объемов семантических структур слов-полисем (отношения семантического включения и семантического пересечения).

5. Отношения дизъюнкции (семантического непересечения, которое рассматривается на примере рус. *звоздь* – чеш. *hvozď* «густой лес», рус. *загон* – чеш. *záhon* «грядка, клумба», рус. *овоци* – чеш. *ovoce* «фрукты», рус. *гряда* – чеш. *hřada* «наест, жердь для кур», рус. *жеребий* – чеш. *hřebík* «звоздь» и др.).

6. Межязыковая энантиосемия (развитие противоположных значений у слов одного корня: рус. *вонь* – чеш. *víně* «приятный запах», рус. *запах* – чеш. *zпах* «плохой запах», рус. *еда* чеш. *jed* «яд», рус. *победа* – чеш. уст. *roběda* «поражение», чеш. *kopec* «холм» – рус. диал. *копец* «яма, канавка» и др.).

7. Семантическая дифференциация фонетических дублетов. Фонетически и семантически дифференцированные дуб-

леты рус. *власть* и *волость* – с чеш. *vlast* «родина, отечество», рус. *порох* и *прах* – с чеш. *prach* «пыль», рус. *сторона* и *страна* – с чеш. *strana* «пространство; направление; местность, край; боковая часть чего-л.; партия» и др. С другой стороны, чешские фонетические дублиеты *houba* «гриб» и *huba* «рот» соотносятся с рус. *зуба* «часть рта» (хотя в дилектах известно и *зуба* «гриб»); чеш. *dělo* «орудие» и *dělo* «дело, работа; произведение» – с рус. *дело* «работа; деятельность» (в древности рус. *дело* означало и «пушка, орудие»).

8. Межъязыковая метафора: рус. *пасть* «рот зверя» – чеш. *past* «капкан», рус. *крупа* – чеш. *kroupy* «град», рус. *пыль* – чеш. *pyl* «пыльца».

9. Межъязыковая метонимия. В докладе выделяются различные семантические корреляции, связанные смежностью денотатов:

а) пространственной близостью: рус. *лоб* и чеш. *leb* «черепа», болг. *ланита* «губа» и рус. уст. *ланита* «щека», болг. *вежда* «бровь» и рус. уст. *вежда* «веко», чеш. *brva* «ресница» и рус. *бровь*, чеш. *ret* «губа» и рус. *рот*;

б) «содержащее» – «содержимое»: рус. *загородка*, диал. *загорода* «забор» – чеш. *zahrada* «сад»; чеш. *obálka* «конверт» и рус. диал. *обалка* «охапка»;

в) «часть» – «целое»: рус. *латка* «кусочек ткани, используемый для починки» – чеш. *látka* «ткань»; рус. *стреха* «высвисяющий край крыши» – чеш. *střecha* «крыша»; чеш. *topor* «топориче» – рус. *топор*;

г) «материал» – «изделие из него»: рус. *сукно* «грубая ткань» – чеш. *sukně* «юбка»; чеш. *kožešina* «мех» – рус. *кожух* «тулуп из овчины»; рус. *мех* – чеш. *měch* «мешок, сеть»;

д) «действие» – «инструмент действия»: рус. *звон* – чеш. *zvon* «колокол»;

е) «действие» – «производитель действия»: рус. *блеск* – чеш. *blesk* «молния»; рус. *мрак* – чеш. *mrak* «туча»;

ж) «действие, состояние» – «место совершения действия»: рус. *ходьба* – чеш. *chodba* «коридор»; рус. *покой* – чеш. *pokoj* «комната»;

з) «действие» – «предмет, совершающий действие»: рус. *волок* («волоочение», напр. в выражении *тянуть волоком*) – чеш. *vlak* «поезд»;

и) «действие» – «результат действия, продукт»: рус. *дело*, обозначающее и действие, и результат – чеш. *dělo* «произведение, сочинение»; чеш. *vaření* «процесс варки» – рус. *варенье* «ягоды или плоды, сваренные на сахаре»;

к) значения, связанные каузативными отношениями: рус. *взор* «взгляд» – чеш. *vzor* «пример, образец».

10. Дивергенция переносных значений общих лексем. Общие наименования животных в славянских языках развивают не только сходные, но и различные переносные значения: *заяц* «безбилетный пассажир» и чеш. *zajíc* «неопытный молодой человек, девушка»; рус. *вол* «трудолюбивый, много работающий человек», чеш. *vůl* «глупый, тупой человек» и т. п.

11. Различия в стилистической окраске праславянских лексем, напр., лексико-словообразовательные архаизмы, маркированные как «высокое» в русском языке, *старец*, *рыбарь*, *пастырь*, *венец*, *краса*, *зрак* – чеш. нейтр. *stařec*, *rybář*, *pastýř*, *věnc*, *krása*, *zrak*; лексико-фонетические архаизмы с высокой окраской в русском *зерцало*, *древо*, *прах*, *хлад*, *брег*, *глас*, *длань* и т. п. – чеш. нейтр. *zrcadlo*, *dřevo*, *prach*, *chlاد*, *břeh*, *hlas*, *dlaně*; лексические архаизмы в русском (высок.) *витязь*, *уста*, *чело*, *очи*, *секура*, *поступь* – чеш. нейтр. *vítěz*, *ústa*, *čelo*, *oči*, *sekera*, *postup*; семантические архаизмы (высок.) *година*, *рок*, *век*, *час*, *муж* – чеш. нейтр. *hodina*, *rok*, *věk*, *čas*, *muž*. Примерами корреляции «сниженное» – «нейтр.» являются рус. прост., груб. *брюхо* – чеш., нейтр. *břícho* «живот»; рус. разг., ирон. *особа* – чеш. нейтр. *osoba* «лицо, человек»; чеш. разг., пренебр. *robota* – рус. нейтр. *работа*; чеш. разг., пренебр., бран., *ženština* – рус. нейтр. *женщина*.

12. Коннотативные различия рассматриваются на примере рус. *пошлость* «нечто низкое в нравственном отношении», чеш. *pošlost* «происхождение, род» (например, в выражении *česká pošlost* «чешское происхождение»).

Словата на св. Климент Охридски од збирката на Алексеј Хлудов

Д. Миловска

Скопје, Македонија

Анотација. В списоци Алексеј Хлудова чуваат големо количество славянски средновековни рукописи, значително количество од кои е связано со литературната дејателност на св. Климента Охридски. Анализ на содржината на рукописите укажува на тоа во Хлудовите списоци, под броевите: 139, 138, 140, 136, 171, 166, 164, 156, 152, 135, 187, 189, 194, 74д, 77д, 81д, 30д, 76, 195, 55, 56, 107, 196, 274 – по каталогот на Алексеј Хлудов, кој се наоѓа во Государственном историческом музею во Москва (София, 1999; подготвен од Светлиной Николовой, Маријей Йовчевой, Таней Поповой и Лорой Тасевой).

Во збирката на Алексеј Хлудов се чуваат големо број на словенски средновековни ракописи од кои значителен број се поврзани со книжевната дејност на св. Климент Охридски.

Анализата на содржината на ракописите од збирката покажува дека слова од средновековниот писател св. Климент Охридски се чуваат во големо број на ракописи и тоа во Хлудовите ракописи, под броевите: 139, 138, 140, 136, 171, 166, 164, 156, 152, 135, 187, 189, 194, 74д, 77д, 81д, 30д, 76, 195, 55, 56, 107, 196, 274 (Според: [Каталогот во збирката на Алексеј Хлудов во Државни Исторически музеј во Москва (София, 1999)] направен од Светлина Николова, Марија Јовчева, Таня Попова, Лора Тасева).

Во Хлуд. бр. 55 – Панегирик од крајот на XIV век се наоѓа Словото за Пасха кое е поместено од л. 74а–75б.

Во Хлудовиот бр. 56 – Неделен златоуст и скратен минеен панегирик за март-август од почетокот на XVII век се чуваат неколку Светиклиментови слова и тоа: дел од циклусот песни поуки за неделите на Четирисетницата – поуката за месопустната недела, Поуката за сиропустната Недела, Поуката за првата недела на постот, Поуката за втората недела на постот, Похвалното слово за Воскресението Лазарево од св. Климент Охридски, Словото за великиот пост и за постето, Похвалното слово за пророк Илија од св. Климент Охридски и др.

Во Хлуд. бр. 74д – Пролог за март-август од 1543 година се поместени слова на св. Климент Охридски и тоа: Поука за предпразништвото на Успение Богородично (л. 212б–213а) и едно Поука за Успение Богородично од св. Климент Охридски (л. 212б–213а).

Во Хлуд. бр. 9д – Неделен златоуст од XIV век се наоѓа необјавен препис на една поука за четвртата недела на постот, која се смета за творба на св. Климент Охридски.

Во Хлуд. бр. 81 – Пролог за септември-февруари од средината на XVI век се поместени дури 11 засведочни слова на св. Климент Охридски и слова за кои се претпоставува дека произлегле од негова рака. Меѓу нив се наоѓаат: Поуката за предпразнувањето на Рождеството Богородично, Поуката за Рождеството Богородично, Слово за светите отци, Поука за Рождество Христово, Поука за Богојавление, Поука за Сретение Господне и др.

Во Хлуд. бр. 30д – Неделен златоуст со дополнувања од 30–40 години на XIV век се наоѓаат неколку Светиклиментови слова: еден циклус со поуки на св. Климент Охридски за неделите на Четирисетницата, за првата недела, за втората недела, за третата недела, за четвртата недела, Поука за Цветница од св. Климент Охридски, Поука, која му се припишува на св. Климент Охридски, Поука на св. Климент Охридски за Пасха, Похвално слово на св. Климент Охридски за Михаил и Гаврил и др.

Слова на св. Климент Охридски се наоѓаат и во Хлудовиот бр. 107 – во Зборникот од слова од третата четвртина на XVII век, во Хлудовиот бр. 135 – во Богослужбениот зборник од првата четвртина на XIV век, во Хлудовиот бр. 136 – Октоих од првата половина на XIII век, во Хлуд. бр. 138, во Песниот триод од втората половина на XIII век и од средината на XIV век, во

Хлудовиот бр. 139, во Посниот триод од 1434 година, во Хлудовиот бр. 140, односно во Октоихот од крајот на XIII век, во Хлудовиот бр. 152, т. с. во Службениот минеј за јануари-март од првата половина на XIV век и XV век, во Хлудовиот бр. 156, во т. н. Службен минеј за март-август со пролози од крајот на XIII–XIV век, во Хлудовиот бр. 164 или од Празничниот минеј од

1371–1395 година, од Хлуд. бр. 166, 171, 187, 189, 194, 195, 196 и 274.

Од археографскиот преглед произлегува дека во збирката на А. Хлудов се чуваат голем број на необјавени преписи на слова на св. Климент Охридски кои во иднина безусловно треба се се појават пред руската и македонската јавност.

Пересказывательное наклонение «Жития Василия Нового» в обработке Софрония Врачанского

О. Г. Мраморнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Софроний Врачанский, Дмитрий Ростовский

Аннотация. Тезисы посвящены рассмотрению пересказывательных форм в «Житии Василия Нового» под редакцией Софрония Врачанского и сравнению данного текста с «Житием Василия Нового» в обработке Дмитрия Ростовского. Рассматривается употребление форм прошедшего времени, особое место уделяется перфекту. Приводятся примеры аналогичных отрывков из текстов Дмитрия Ростовского и Софрония Врачанского, делаются выводы.

В данной работе важное место занимает рассмотрение и исследование пересказывательных форм в «Житии Василия Нового» (текст «Жития Василия Нового» в обработке Дмитрия Ростовского и Софрония Врачанского исследуется по изданию [Вилинский 1911: 854–973]) под редакцией болгарского епископа Софрония Врачанского (1739–1813), а также сопоставление данного текста с исходным «Житием Василия Нового» в обработке Дмитрия Ростовского (1651–1709), текст которого послужил образцом для переработки и перевода на болгарский язык Софронием.

«Житие Василия Нового» (далее ЖВН) – переводной памятник византийской агиографии X в. Он известен на Руси в двух вариантах: 1-й славянский перевод XI в. и второй славянский перевод XIV в. В XVII в. текст 1-го русского перевода обработал святитель Дмитрий Ростовский, значительно сократив его. А на рубеже XVIII–XIX вв. редакцию Дмитрия Ростовского переработал Софроний Врачанский, немного изменив и без того сокращенный текст святителя. Эта версия ЖВН лингвистически не изучалась.

ЖВН под редакцией Дмитрия Ростовского включено в цикл Четврых Миней святителя, где помещалось жизнеописание и подвиги многих святых. У Дмитрия Ростовского данный текст жития написан исключительно *книжным* языком. Показателем этого служит употребление в прошедшем времени преимущественно форм аориста и имперфекта, которые в разговорном (народном) языке к этому времени уже утратились или же употреблялись очень редко [Успенский 2002: 215–220]. Перфект в ЖВН под редакцией святителя используется лишь для передачи 2 л. ед. ч. Введение данной формы не является разговорным элементом, а лишь используется для разграничения 2 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч. аориста или имперфекта, которые в данных формах были идентичными.

Наличие форм перфекта в ЖВН в обработке Софрония Врачанского указывает на *пересказывательное наклонение* повествования, которое характерно исключительно для бол-

гарского, а также македонского языков. Любое историческое событие, а также повествование в прошлом в болгарском языке должно передаваться т. н. пересказывательным наклонением, которое выступает в виде формы перфекта со связкой или без нее. В отличие от изъявительного (или свидетельского) наклонения, которое передается формами аориста или имперфекта, пересказывательное наклонение (или *несвидетельское*) вводится для того, чтобы передать события, свидетелем которых автор не был, либо информацию, полученную другими лицами, но при этом события являются достоверными. Наличие или отсутствие вспомогательного глагола-связки указывает на модальное значение предложения. Способность обозначать *ненаблюдаемые* действия помешала болгарскому перфекту употребляться в синонимичном ряду с аористом или имперфектом и постепенно вытеснить эти формы, как и произошло в остальных славянских языках [Харалампиев 2001: 163].

Формы аориста и имперфекта являлись книжными и обычно использовались в евангельских текстах. В произведениях, написанных или переведенных Софронием, перескается употребление двух *рассказывательных (разказывательных)* – данный термин был введен болгарским лингвистом Л. Андрейчиным в [Андрейчин 1968]) наклонений – изъявительного и пересказывательного.

Посредством форм аориста и имперфекта передаются события, имеющие сакральный религиозный характер, данные формам в тексте Дмитрия Ростовского также соответствуют формы аориста или имперфекта. Когда же Софроний пытается передать какую-либо бытовую ситуацию или свои эмоции, то использует, как правило, формы перфекта, на месте которых в тексте Святителя Дмитрия Ростовского употребляются либо аорист (если глагол совершенного вида), либо имперфект (если глагол несовершенного вида).

Важно проследить те случаи в тексте Софрония Врачанского, где наличествует пересказывательное наклонение:

Текст Дмитрия Ростовского	Текст Софрония Врачанского
1. Егда <i>оттѹдѣ</i> въ Константиѣнъ градѣ <i>возвращахъ</i> сѧ и мимо нѣкиа непроходимаа пѣстыннаа горы идѣхъ, <i>оузрѣша</i> челоѡка <...> по пѣстыни <i>ходѣ</i> ша	И като <i>са</i> <i>возвращали</i> на Цариград <i>видѣли</i> того преподобнаго Василия, како <i>ходѣ</i> л.
2. В то время <i>позна</i> сѧ съ преподобнымъ Василіемъ Григоріи мирянинъ и бысть емѣ како оученикъ <...>, а потомъ и писатель того житіа, еже пространно сѣло <i>написа</i> , здѣже из негѡ вкратцѣ <i>положис</i> л.	Въ то време <i>на</i> кой мирянинъ на име Григоріа <i>позна</i> сѧ сас преподобнаго... и бысть тому оученикъ <...> и после той и <i>написалъ</i> естъ <i>житіе</i> свѣгѡ.

Из данных примеров видно, что книжным формам Дим. Ростовского Софроний предпочитает пересказывательные л-формы. Наличие связки в *написалъ* *ЕСТЬ* имеет семан-

тический характер. Софроний тем самым подчеркивает, что именно *Григорий*, а не кто иной написал житие Св. Василия.

Текст Дмитрия Ростовского	Текст Софрония Врачанского
Сти же Агли начаша <i>искати</i> добрыхъ моихъ дѣлъ <...> <i>каже</i> когда <i>сотвори</i> хъ добраа: аще когда милостыню <i>да</i> хъ оубоимъ или <i>накорми</i> хъ алчѹщаго, или жаждѹщаго <i>напои</i> хъ или <i>одѣ</i> лахъ нагаго, <...> или <i>по</i> сѣтихъ больнаго и въ темницѣ, и <i>помо</i> гохъ емѣ: аще со оусердіемъ когда <i>придо</i> хъ къ цркви, и <i>помо</i> лихсѧ со оумиленіемъ и слезами <...> <i>послѣ</i> шахъ <...>, <i>прине</i> сохъ <...>, или <i>влѣ</i> лахъ дрѣно масло <...>, <i>добы</i> вахъ <...>, <i>пос</i> тихсѧ и <i>возд</i> ержахсѧ въ среды, в пѣтки <...>, <i>покло</i> ны <i>с</i> творихъ <...>...	И стѣи агли <i>начена</i> ха, да <i>искатъ</i> добрыи мои работи, <...> <i>що</i> сѣмѣ добро <i>с</i> торила: <i>кога</i> сѣмѣ <i>на</i> коги млстынѣа <i>пода</i> ла на сѣромасы, или <i>гладенъ</i> <i>на</i> хранила, или <i>жаденъ</i> <i>на</i> поиѣла, или <i>голь</i> <i>об</i> лѣкла, <...> или <i>бол</i> наго <i>б</i> ыхъ <i>п</i> осѣтила, <...> или <i>коги</i> сѣмѣ <i>по</i> иѣла на <i>коги</i> сас евлѣвіа въ цркви, и <i>помо</i> лихсѧ съ оумиленіемъ и слезами <...> <i>послѣ</i> шахъ <...>, <i>прине</i> сохъ, <...>, <i>влѣ</i> лахъ <...>, <i>цѣ</i> ловахъ <...>, <i>пос</i> тъ <i>д</i> ержахъ и <i>возд</i> ержахсѧ <...>, <i>покло</i> ны <i>с</i> торихъ...

В данном примере Софроний сначала следовал традиции Димитрия, но когда речь пошла о человеческих действиях, то автор начал употреблять пересказывательное наклонение, потом снова поддался книжному влиянию святителя и продолжал писать в изъявительном наклонении.

Из вышеизложенного следует, что Софроний Врачанский использовал изъявительное наклонение при описании библейской или евангельской тематики, а пересказывательное наклонение исключительно в тех случаях, когда рассказывал о бытовых событиях, человеческих поступках, тем самым разграничивая стилистически разные фрагменты текста.

Литература

- Андрейчин Л. Разказвателните наклонения в произведенията на Софроний Врачански. // Славистичен сборник. По случай на VI Международен конгрес на славистите в Прага. София, 1968. С. 139–144.
- Вилинский С. Г. Житие Василия Нового в русской литературе. Ч. II. Тексты и жития. Одесса, 1911.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
- Харалампиев Иван. Историческа граматика на българския език. Велико Търново, 2001.

Историко-славянские параллели: «простой язык» во второй половине XVI – первой половине XVII в.

О. И. Ника

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Литературный язык второй половины XVI – первой половины XVII ст., модальность, интерпретационные и рефлексивные модели культурно-речевой деятельности, плюралистичность сознания

Аннотация. Анализируется когнитивно-коммуникативный феномен староукраинского литературного языка второй половины XVI – первой половины XVII ст.

Потреба лінгвістичного обґрунтування сутності «простої мови» зводиться до розвитку літературної мови із середини XVI ст., аналізу причин паралельного існування її протягом XVI–XVIII ст. поряд із церковнослов'янською мовою майже в усіх жанрах і стилях, крім ділового. «Проста мова» – самоназва староукраїнської книжної мови, що розвинулася для потреб освічених прошарків суспільства у вираженні наукової, богословської, полемічної думки як відповідь на виклики часу.

1. Еволюційний процес «простої мови» як «особливої літературної мови» першопочатково пов'язується з актовою мовою XIV – першої половини XVI ст. Висновок про основу «простої мови» варто переосмислити під кутом зору її тематичної, жанрово-стильової різноманітності, співвідношенні з церковнослов'янськими, польськими елементами та ін.

2. Відмежування від церковнослов'янської мови та живого мовлення зафіксоване у «Граматиці слов'янській» (1643 р.) І. Ужєвича, де *lingua slavonica* протиставляється як *lingua sacra slavonica*, так і *lingua popularis*.

Паралельне функціонування та мовно-типологічне розрізнення церковнослов'янської і «простої» мов проілюстроване в рукописному розмовнику – «Розмові», де у двох колонках подаються тексти цими двома мовами, що окремо позначаються автором як написані різними мовами – *popularis* і *sacra* (Розмова, перша половина XVII ст. – Фотокопії з рукопису ЦНБВ, Ш. – Ф. 30, 130–130а).

Протиставленість церковнослов'янської і «простої» мов віддзеркалена в існуванні паралельних текстів цими мовами, проте фактично кожен текст є контамінованим.

3. Із соціального аспекту розвиток літературної мови XVI–XVII ст. визначається групою людей, для якої є спільними певні комунікативні практики. Вона має спільні суспільні цілі, що реалізуються в одному чи декількох жанрах, і практично контролює передачу інформації.

Територіальне поширення ініційованої зокрема полемістами писемної практики експлікувало засадничий принцип «церква + освіченість», реалізацію ідеї «простої мови». Отже, книжники-інтелектуали, пов'язані з релігійною та освітньою діяльністю публічні люди визначали формат полеміки, орієнтуючись на спільні суспільні цілі і вибрані комунікативні практики.

Персоніфікація полемічної текстової продукції з титульними інтелектуальними текстами спричинена інтерпретацією православної ідеї у нових парадигмах часу. Із цього погляду характеризується віддзеркалення комунікативних практик і концептуальних понять опонентів у православній полеміці.

Розуміння православними необхідності виробити власну комунікативну практику і протиставити її іншим спричинилося до проникнення в тексти окремих полемістів, теологів реформаційних поглядів, близьких для православних за інтенційною спрямованістю і рідномовною візією системи релігійних уявлень.

Прилучені до культурно-освітніх осередків (Львівської, Віленської братських шкіл, Острозької академії), вони легі-

тимізували «просту мову» як особливу субстанцію для нових умов, осучасненого змісту крізь призму плюралізму ідей, мов, поглядів і кристалізації православного обстоювання віри в літературному варіанті української мови. Картина соціокультурних компетенцій також була б неповною без урахування ролі міщанства.

4. Суб'єктивна зорієнтованість викладу розширює вираження модальних значень, оскільки модальність характеризує когнітивну здатність суб'єкта структурувати позамовну онтологію у пропозицію висловлення, спосіб опрацювання інформації у процесі відбиття у мові дійсності крізь призму свідомості мовця. Модальність як складник модусу репрезентує раціональну оцінку співвіднесеності пропозиційної основи з дійсністю з погляду мовця, а також доповідомлюваного, що характеризує інтелектуалізацію як процесуальну характеристику, яка уточнюється в семантичному нюансуванні модальних значень.

Криза старих ідей, нові реляції в культурному, релігійному, соціальному житті, прагнення ряду європейських країн до етнічної ідентифікації спричинилися до змін у свідомості, плюралістичності свідомості, що альтернувала нові погляди на літературну мову, текстотворення та ін.

Подібно до католиків, які залишали латину, православні розмежовували сакральну і літературну мови, що проявилось в когнітивно-комунікативному феномені «простої мови». Ця ситуація знайшла відображення у мовній свідомості православних полемістів, які в новочасних умовах зосередилися на пошуку дієвих форм переконування, підкреслення суб'єктивності в умовах обстоювання легітимності своєї віри. Ускладнення думки, що виражалося в усвідомленні себе на фоні свідомості іншого, спричинилося до виразного протиставлення «я» «іншому», що відобразилося в суб'єктивних / об'єктивних способах вираження модальних значень.

Зміни, які відбулися в свідомості людини цього часу, зафіксували можливість існування іншого погляду, ніж загальноприйнятій. Отже, припускається можливість того, що індивіди можуть виділяти в тому чи іншому об'єкті різні аспекти, по-іншому оцінювати об'єктивну дійсність чи світ ідей, висловлюване про це. Виклад набуває особистісного характеру, що виражається зокрема за допомогою модусу власної думки: *Мнѣ сѣ та(к) видить<> тые слова кгда бы сѣ зе(з)волили з ва(с)<> а станетсѣ имѣ<> Злучили мощно<> и звѣзали крѣпко нера(з)дѣльную силу власть и едностѣ<>* (Смотрицький Герасим. Ключ царства небесного. Острог, 1587 // Ст.-др. ЦНБВ. Ш. Кир. 654. С. 17).

5. Комунікативна функція валоризує системно-структурні і функціональні відношення, що структурує цілісність мови, представлену в індивідуальній і загальній мовній свідомості. Пріоритет зумовлено комунікативними домінантами, що позначилося у творенні / відтворенні текстів. Вони порізному актуалізуються: активується процес творення, тоді як залишається чинним цілеспрямоване використання мовного відтворення, орієнтованого творчо.

Розвиток також відбувається в постійній взаємодії тенденцій, спрямованих на діалогічну перспективу монологічного висловлення, варіанти монологічного розгортання діалогу.

Роль інтерпретаційних і рефлексивних моделей культурно-мовленнєвої діяльності, аксіологічної моделі виявляється

в організації тексту, в його функціонуванні, сприйнятті й оцінці. Розширення оцінної рефлексії мовця є кроком до інтелектуалізації мови, характеристики уявлень про суб'єкта як носія колективних та індивідуальних уявлень про доволі широкий світ і повідомлюване та ін.

К вопросу о синодальном переводе славянского Евангелия на русский язык

А. С. Новикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
Библейское общество, славянский текст Библии, Евангелие, святитель Филарет Московский, перевод текста, переложение текста, евангельские противоречия

Аннотация. Доклад посвящен лингвотекстологическому анализу русского текста синодального перевода Евангелия в сопоставлении со славянским текстом.

Предложение о переводе славянского текста Библии на русский язык в начале XIX в. поступило из Британского библейского общества, а затем было поддержано Российским библейским обществом 1812–1826 гг. Тогда же русское священноначалие разделилось на сторонников перевода и его противников. Среди первых был святитель Филарет Московский, который в 1858–1866 гг. настоял на переводе Библии на русский язык. В 1876 г. этот перевод был издан по благословию Святейшего Синода. После Октябрьской революции 1917 г. синодальный перевод Библии печатался только за границей. В 1956 г. впервые после революции Московская Патриархия получила возможность перепечатать синодальное издание в ограниченном количестве. В 90-е гг. XX в. синодальные издания Библии в русском переводе и отдельно Евангелия появились в свободной продаже.

При сопоставлении славянского текста Евангелия и его русского синодального перевода обнаруживаются многочисленные расхождения не только в средствах выражения евангельского текста, но и в его толковании. В процессе лингвотекстологического анализа этих расхождений выясняется, что все они обладают одной направленностью и стремятся привести к единому результату: искажению или ослаблению смысла евангельского текста. Поэтому эти отличия можно именовать как евангельские противоречия, под которыми следует понимать не внутреннюю противоречивость Евангелия, а противоречия ему, содержащиеся в русском переводе. Остановимся на некоторых из них.

1. Чтения от Мф 3, 3, от Мрк 1, 3.

Славянский текст: **оуготовайте пѣть гдѣнь, правы творите стези егѡ.** Эти стихи восходят к кирилло-мефодиевскому переводу Евангелия апракос. Стих от Мф 3, 3 читается по церковному календарю в субботу, а от Мрк 1, 3 – в воскресенье перед **просвѣщениемъ** (Крещением).

Ср. Асс. **оуготовайте пѣть гнѣ (гнѣ – Мрк 1, 3) правѣи творите стѣза его** – Мф 3, 3, Мрк 1, 3; Ват пал. **оуготовайте пѣть гнѣ. правы створите стѣза его** – Мф 3, 3, **оуготовите пѣть гнѣ. правы творите стѣза его** – Мрк 1, 3

Русский перевод: *Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.* Русский перевод не соответствует внутреннему скрытому смыслу этих чтений, которые невозможно перевести буквально, поскольку здесь речь идет о подготовке собственного сердца к принятию пути, который будет указан Спасителем. Согласно 15 правилу Св. Василия Великого не следует требовать от перевода буквальной точности, если он хорошо выражает смысл переводимого текста. Поэтому в данном случае речь идет не о буквальном переводе, а о переложении текста с его толкованием. Возможный вариант переложения: *Подготовьтесь принять путь Господень, воспринимайте пути Его* (т. е. учение Спа-

сителя) *как правильные.* Никакому материальному пути Иисус Христос не учил. А в том, чтобы для Него готовили путь, да еще прямой, не было нужды.

2. Чтение от Мф 3, 8: **сотворите оубѡ плодѣ достоннѣ покааннѣ** – восходит к кирилло-мефодиевскому переводу Евангелия (суббота перед **просвѣщениемъ**). В древнейших краткоапракосных списках Евангелия находим: **сѣтворите оубѡ плодѣ достонны покаанню** (Асс.), **сѣтворити оубѡ плодѣ достоннѣ покаанню** (Ват. пал.). Русский перевод: *сотворите же достойный плод покаяния.* Покаяние, понятое первыми переводчиками как греч. μετάνοια, означает не только перемену ума, но и перемену всего образа жизни, перемену пути жизни. Словосочетание в русском переводе *достойный плод* вызывает ощущение того, что кающийся, не теряя собственного достоинства, приносит покаяние, достойное его самого, не желая менять свой жизненный путь.

3. Чтение от Мф 9, 18.

Славянский текст: **такѡ дщи моѡ нынѣ оумре.. и ѡживетѣ.**

Русский перевод: *Дочь моя теперь умирает... и она будет жива.*

Форма аориста, образованная от глагола **оумрети**, переведена здесь формой настоящего времени, что приводит к искажению смысла текста: приуменьшено совершенное Христом чудо: не уже умершую Он воскресил, а, пусть тяжело больную, но еще живую исцелил.

Синодальный перевод Священного Писания на русский язык не принес ожидаемых положительных результатов, а, напротив, имел негативные последствия.

Современные обновленцы, члены Российского библейского общества, под предлогом непонимания народом церковнославянского языка издают и распространяют новые вульгарные переводы на русский язык богослужебных книг, в частности, перевод, а вернее, пересказ четвероевангелия В. Кузнецовой. Вышел из печати сомнительный и отступающий от православной традиции перевод Нового Завета под редакцией епископа Кассиана (Безобразова).

Несомненно, необходим новый научный перевод Евангелия на русский язык с толкованием текста. В процессе переводческой деятельности следует идти по пути сохранения смысла и духа славянского текста, избегая осовременивания средств выражения и возвращаясь к переводческой традиции славянских Первоучителей. Для данной работы скорее подходит термин переложение (со славянского на русский). Такое переложение будет способствовать «освящению и возвышению» современного русского литературного языка, которое в ходе создания национальной Библии предвидел И. Е. Евсеев.

Афонская редакция Нового Завета как представитель правленных редакций богослужебных книг

Т. В. Пентковская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
Богослужебные книги, правленные редакции, Иерусалимский Типикон

Аннотация. В докладе рассматриваются лингвистические признаки афонской редакции Нового Завета и ставится вопрос о ее соотношении с другими правленными редакциями, а также с различными южнославянскими переводами Иерусалимского Типикона.

1. Начало реформирования славянской книжности относится к периоду правления болгарского царя Ивана Асеня II

(1218–1241 гг.) и приурочено к восстановлению Болгарской патриархии в 1235 г. Процессы, связанные с восстановлени-

ем болгарской государственности, дают толчок к появлению новых типов текстов (Иерусалимский типикон) и новых редакций уже существовавших произведений. По всей вероятности, этими процессами обусловлено и возникновение ранних образцов правленных редакций богослужебных книг – так, чтения, характерные для афонской редакции Псалтыри, были обнаружены уже в списках XIII – нач. XIV в. (С.-М. MacRobert, М. Спасова).

К правленным редакциям богослужебных книг принадлежит афонская редакция Евангелия и Апостола. Ее возникновение традиционно связывается с деятельностью старца Иоанна, проводившего на Афоне ревизию уже существовавшего литургического комплекса и монашеской литературы.

2. Существуют черты, объединяющие все правленные редакции богослужебных книг, независимо от времени и места их появления. К таким чертам относятся, в частности, перевод греческих слов, содержащих приставку *syn-*, перевод прилагательного *λοῦτρος* как *лукавь* и нек. др. Необходимо, однако, сопоставление правленных редакций богослужебных книг по расширенному числу параметров.

3. Для правленных редакций богослужебных книг характерна замена формами перфекта 2 л. ед. ч. соответствующих форм аориста во избежание омонимии этих форм. Эта замена свойственна, в частности, афонской и Норовской редакциям Псалтыри. От правленных редакций Псалтыри отличается ситуация, имеющаяся в Евангелии. Афонская редакция Евангелия сохраняет формы аориста 2 л. ед. ч., в тех случаях, где они встречаются в древнем тексте, что отличает ее от афонской редакции Псалтыри и от Чудовской редакции.

4. Афонская редакция Нового Завета обнаруживает большую степень вариативности в использовании различных конструкций при передаче субстантивированного инфинитива, причем во многих случаях выбор афонских справщиков совпадает с чтениями, свойственными предшествующим редакциям. Тем не менее в ней отмечаются наиболее гречизированные конструкции *въ еже + inf. + Dat.*, *за еже + inf. + Dat.*, *по еже + inf. + Dat.*, *къ еже + inf. + Dat.*, *отъ еже + inf. + Dat.*, хотя систематически они не используются (за исключением первой из перечисленных).

5. В сфере лексики для афонской редакции Нового Завета характерен отказ от архаизмов и региональных вариантов. Например, в ней перестает употребляться лексема *етерь* как в соответствии с *τίς*, так и в соответствии с *ετέρος*. В отличие от ЧРНЗ, не используется в афонской редакции и архаическая лексема *ашузь*, которая в старославянском языке соответствовала разным греческим наречиям (*δωρεάν*, *μάτην*, *εἰς*). В большинстве случаев афонская редакция Нового Завета использует вариант *без ума*, который был заимствован ею из преславской редакции (А. С. Львов, И. Христова-Шомова).

6. Ориентация в значительной степени на предшествующую традицию и кодификация преславских вариантов объясняется особенностями подхода к нормализации при создании афонской редакции Нового Завета. Задача афонской справы заключалась в том, чтобы унифицировать существующее текстологическое и лингвистическое разнообразие новозаветного текста и создать стабильный текст, опираясь на основные варианты нормы церковнославянского языка.

7. Отдельную задачу составляет определение связи афонской редакции Нового Завета и южнославянских переводов Иерусалимского Типикона, так как появление нового типикона означает формирование соответствующего комплекта богослужебных книг.

Новозаветные инципиты в первом болгарском переводе ИТ сочетают как архаические, так и афонские варианты. Возможно, такая неоднородность в языковом отношении указывает на использование различных источников: Евангелия и Апостола как древней, так и афонской редакций. Не исключено использование такого источника, который сохранил древний текст с некоторыми афонскими поновлениями (ср., например, четвероевангелие царя Ивана-Александра). Все это показывает, что строгая ориентация на афонскую редакцию Нового Завета в первом болгарском переводе ИТ не выдерживалась, хотя ко времени появления этого перевода афонская редакция Нового Завета уже существовала и отдельные ее чтения отражены в первом болгарском переводе ИТ.

Второй болгарский перевод ИТ в основном использует чтения, характерные для афонской редакции Нового Завета, и лишь иногда сохраняет древние варианты. Следовательно, этот перевод ИТ в целом ориентирован на афонскую редакцию Евангелия и Апостола.

Первый сербский перевод в ряде случаев обнаруживает четкую ориентацию на доафонскую традицию. Это проявляется, в частности, в сохранении древних гречизмов (*архиереи*, *игумень*, *скиния*) и древних вариантов (*многоразлично* – *полутропос*).

В одном случае в первом сербском переводе сохраняется указание на так называемую Большую главу, что свидетельствует об ориентации на четвероевангелие (гл. 18 «о сотнике», ср. Лк. 7: 1–10). Архаичным чтениям соответствует архаичный элемент лекционных указаний – ссылка на Аммониеву главу (гл. 317, ср. Мф. 27: 1–56). В сербской традиции начиная с XIII в. постановка Аммониевых глав была характерна для нового литургического тетра, и поэтому, учитывая доафонский характер чтений, можно связывать первый сербский перевод Иерусалимского Типикона именно с новым литургическим тетром, а не с афонской редакцией.

Архаичную разметку Евангелия по Аммониевым главам отражает и второй сербский перевод ИТ. Во втором сербском переводе ИТ, так же как и в первом, в составе инципитов сохраняются древние варианты.

Таким образом, сербская линия переводов ИТ предстает в значительной степени независимой от афонского текста Нового Завета, создание которого связано с болгарской языковой средой, в то же время ориентируясь на выработанный уже в эпоху Саввы Сербского стабильный текст нового литургического тетра. Этот вывод приобретает особое значение, если учесть афонское происхождение второго сербского перевода ИТ.

Категория определенности / неопределенности в словенском языке на современном этапе

О. С. Плотникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Категория определенности / неопределенности в широком понимании трактуется нами как функционально-семантическое поле с диффузной структурой, представленное элементами разных языковых уровней. Одним из компонентов данного поля в словенском языке является противопоставление определенных (полных) и неопределенных (кратких) прилагательных, нейтрализованное в предикативной функции в кратких формах. Уникальность словенского языка определяется не только сохранением в атрибутивной функции данного противопоставления (это отражено в несколько ином виде и в сербско-хорватской языковой зоне), но и в различии средств выражения данной корреляции в литературном языке (стандартном и разговорном) и в некодифицированных разговорных идиомах. В литературном языке

это синтетический способ *lep – lepi*, в некодифицированных вариантах аналитический *en lep – ta lep*, где артиклеобразный *ta* является детерминирующей частицей. Не совпадает и объем категории. В литературном языке обе формы возможны только у имен м. рода в именительном и винительном (при одушевленных существительных) падежах ед. числа, в разговорных же идиомах определенные формы представлены во всех родах, числах и падежах, в том числе и в именных группах с одушевленным существительным. Несовпадение средств выражения обусловлено особенностями нормирования литературного языка в XIX в. (пуризм, искусственная славизация), см., напр.: [Плотникова 2005: 13–15]. Артикль из литературного языка был изгнан, а полные формы прилагательных реанимированы, одновременно

навязывалась и семантическая схема функционирования кратких и полных прилагательных – противопоставление известного и неизвестного.

В последнее время в словенистике активизируется интерес к проблематике определенности / неопределенности, что, с одной стороны, мотивировано отсутствием теоретических разработок в этой области и в какой-то степени связанными с этим участвовавшими в литературных текстах отступлениями от грамматических предписаний, с другой стороны, повышенным вниманием к нелитературным разговорным вариантам. Так, напр., Ф. Марушич и Р. Жауцер на основе сравнения богатейшего материала нелитературных разговорных идиомов, включая сленг и язык Интернета, и литературного языка определяют значение определенных форм как родовое, классифицирующее (*vrstna določnost*), подчеркивая, что показатель *-i* в литературном языке и *ta* в нелитературном маркируют детерминированность определения, а не именной группы в целом [Marušič, Žaucer 2007: 244], с чем трудно согласиться.

Исследуя особенности функционирования кратких и полных форм прилагательных в литературном языке, мы считали необходимым учитывать синтаксические функции именных групп с прилагательными. Именно эта процедура позволила нам определить общую тенденцию к преимущественному употреблению полных форм в функции подлежащего, ср., напр., *moderni slovar*, но *za modernen način življenja*. В последние годы исчезают полные формы для обозначения уже известного субъекта или его уже известного качества, с сохранением такого употребления в условиях анафоры. Полные формы употребляются для обозначения постоянного, отличительного свойства субъекта или объекта, для обозначения сорта, разновидности предмета; в составе терминологических выражений и в именных группах, выражающих определенное понятие. Важной особенностью современного состояния категории является функция **актуализации** признака предмета или явления, а также предмета, лица или явления, обозначаемого именной группой в целом, ср., напр., метафорическое *črni september*. Это отражено, в частности, в рекламных текстах, в заголовках статей, в назывных предложениях. Использование полных форм может быть авторским приемом в художественном тексте, особенно в поэзии. Обязательно употребление полных форм в изначально детерминированных по какому-

нибудь признаку именных группах, напр. в именах собственных *Peter Veliki*, *Zeleni biser*, обращениях *cenjeni bralec*, в составе сочетаний с указательными и личными местоимениями. Таким образом, краткие формы прилагательных обозначают признак любого лица, предмета и не несут какой-то иной информации, в том числе не указывают на неопределенность в традиционном понимании (она выражается лексически с помощью местоимения *neki*). Полные формы, являясь маркированными в формальном и семантическом отношении, обозначают не только признак определяемого имени, но и являются показателем семантического единства именной группы в целом, тем самым ее детерминируя. Референтные свойства такой именной группы являются вторичными и не маркируются прилагательным.

Нельзя не обратить внимания на определенную близость современных функциональных особенностей противопоставления определенных и неопределенных прилагательных в словенском языке и в старославянском языке. Н. И. Толстой считал активным членом старославянской корреляции полную форму, определяя ее категориальное значение как уникализирующее [Толстой 1957: 121]. Данные словенского языка позволяют уточнить семантическую реконструкцию славянского противопоставления полных и кратких прилагательных. Краткие (именные) формы обозначали качество лица, предмета как переменную величину. Местоименный энклитический формант полных форм сигнализировал, что данное свойство лица, предмета является не переменной величиной, а его сущностным, отличительным признаком. По отношению к другим лицам или предметам данный признак в зависимости от коммуникативных задач мог быть дифференциальным или интегральным.

Литература

- Плотникова О. С. Категория определенности / неопределенности и пуристические тенденции в истории словенского литературного языка // Пуристические тенденции в истории славянских литературных языков: Сб. тезисов / Институт славяноведения РАН. М., 2005.
- Толстой Н. И. Значение кратких и полных прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языковедения. Вып. 2. М., 1957.
- Marušič F., Žaucer R. O določnem *ta* v pogovorni slovenščini (z navezavo na določno obliko pridevnika) // Slavistična revija. 2007. № 1–2.

Взаимосвязь древнесербской, древнерусской и древнеболгарской литератур с исторической эпохой: к вопросу о культуре правителя в славянских культурах XIV–XVI вв.

И. К. Рашева

Великотырновской университет (Велико Тырново, Болгария)

Житие, литература, история, древнеславянская культура

Аннотация. История всегда находит свое отражение в литературе, в частности в ортодоксальных средневековых произведениях, которые обслуживают религиозно-государственные интересы. Тексты, созданные или составленные в древней Болгарии, Сербии и России, можно исследовать только с учетом парадигмы «история – литература». Они являются частью славянской культуры и не могут рассматриваться на национальном уровне. В предлагаемом докладе данный тезис подтверждается анализом «Жития Стефана Дечанского» Григория Цамблака (исследуется отражение культуры правителя в этом произведении).

Историческая эпоха всегда отражается в литературе. Особенно заметно это в произведениях ортодоксальных средневековых книжников – они подчиняются актуальной исторической необходимости. Исходя из этого, можно говорить о существовании парадигмы «история – литература – история». Парадигма эта практически непрерывна – до наступления переломного момента, завершающего данную эпоху. В такой момент парадигма меняется, переориентируется на самообобщение (история – литература – культура), а затем вновь выстраивается в уже знакомом порядке – до следующего переломного момента. По этой причине отдельное произведение невозможно «извлечь» из исторического контекста и рассматривать как сугубо литературное. Анализировать его основную идею, семантическую нагрузку и стиль можно только на фоне эпохи. В настоящем докладе мы предпринимаем попытку такого анализа на примере «Жития Стефана Дечанского» Григория Цамблака – произведения, относящегося к типу «житие правителя».

«Житие» датировано концом XIV в. Его автор – болгарин, представитель Тырновской книжно-литературной школы, игумен Дечанского монастыря, позже пресвитер Молдовы и Валахии; киевский митрополит с 1413 до 1420 г. «Житие» создано им в то время, когда в Сербии утверждается культ короля-святого Стефана Уроша III. Цамблак был игуменом монастыря, ктитором которого являлся правитель-мученик Неманя, и писал о нем с наднациональных позиций. (Уже в XIII в. Сербская церковь причислила к лику святых монахов этой династии – великого жупана Стефана Неманю и первого архиепископа Саву.)

Сербская модель жития начинает оформляться в первых грамотах о Хиландарском монастыре, где встречаются элементы житийной идеализации правителя, затем она развивается в монашеско-киторском житии и наконец утверждается в текстах, которые можно отнести к типу «житие правителя», например житие преподобного святого или принявшего постриг правителя. Болгарский автор явно знал эти

жития и, используя их как матрицу, создал житие нового типа – житие правителя-мученика, полностью выдержанное в новом, утвержденном Тырновской книжно-литературной школой «высоком стиле». В то же время в нем присутствует подчеркнутый историзм, напоминание о необходимости прочной связи между духовной и светской властью.

Король Стефан Урош III, безусловно, идеализирован по агиографическому закону черно-белой поляризации. Мученик, ослепленный собственным отцом по наущению дьявола, он возвращает себе зрение с помощью святого Николая Мирликийского благодаря великой вере своей; правит благочестиво и милосердно; усердно предается молитве; борется с ересью; дарует лечебницу прокаженным; воздвигает монастырь, где его и хоронят после смерти. Мощи его исцеляют больных, творят возмездие дерзнувшему посягнуть на обитель. В тяжелое для южных славян время османских завоеваний (XIV–XV вв.) культ Стефана Дечанского (воспринимаемый уже как обобщенный культ праведного и сильного владыки) становится выражением веры в Бога и государство.

Осмысленный именно таким образом, этот культ переносится на русскую землю (посредством указанного жития) и на протяжении целого столетия так или иначе отражается в текстах русских авторов и составителей. Его варианты входят частично в послания известного игумена Иосифа Волоцкого (например, в «Послание И. И. Третьякову»), а позже проникают в Русский хронограф 1512 г., в Никоновский летописный свод и в Иллюстрированный летописный свод. В принципе Хронограф 1512 г. – первый свод, в котором русская история и история южных славян рассматриваются в контексте всемирной истории. В этом тексте Россия представлена как единственная опора православного мира в борьбе против османской экспансии, как «Третий Рим». Эта концепция соответствует российским государственным и церковным взглядам первой половины XVI в. Она особенно

отчетливо прослеживается в заключительной части Хронографа, где говорится, что Российская держава растет, молодеет и поднимается (составитель использует в качестве источника материала для своей работы перевод «Хроники» Константина Манассия и заимствует заключение именно оттуда). Двенадцать лет спустя старец Филофей формулирует идею Третьего Рима – Москвы в своем «Послании звездочетам», адресованном дьяку Мунехину. В послании утверждается, что Первый Рим и Второй Рим пали из-за ереси, а Москва провозглашается духовным центром всего христианского мира. Эта унаследованная от Византии и Болгарии мессианская теория переходит в Никоновский летописный свод 1526 г., в котором подчеркивается идея наследования русских царских регалий (легенда о дарах Мономаха прочно связывает русских царей с Византией: крестом, который привез из Константинополя царь Константин Мономах, царь Василий III благословил своего сына Ивана). Присутствует она и в Иллюстрированном летописном своде 1570 г. (там образ Стефана Дечанского, как монастырского ктитора и гонителя варлаамитов, особенно актуален, поскольку в России в это время обсуждается вопрос о монастырском землевладении и ведется борьба с ересью жидовствующих).

Текстуальные заимствования из «Жития Стефана Дечанского» Григория Цамблака подобраны и отредактированы таким образом, чтобы они могли поддержать авторитет царской власти и дать основания для осуждения всякого противозаконного действия. Обобщенный образ правителя-мученика меняется – в соответствии с новой исторической эпохой.

Таким образом, любое произведение, обладающее характеристиками «средневековое, ортодоксальное, славянское», обязательно является историческим и в качестве такого может бытовать одновременно в нескольких государствах, иначе говоря, его нельзя считать национальным.

О возможном курсе исторической морфологии русского языка (глагол)

М. Л. Ремнёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Историческая морфология, глагол, история русского языка, церковнославянский

Аннотация. В работе рассматривается происхождение традиционного типа преподавания исторической морфологии и предлагаются новые варианты, основанные на данных новейших исследований истории русского языка.

В работах А. Мейе, Р. Нахтигала, П. С. Кузнецова и других исследователей доказывалась точка зрения, согласно которой языковые характеристики различных диалектных зон праславянского языка, а затем старославянского, древнепольского, древнечешского, древнерусского и др. в области грамматики отличались друг от друга не более, чем, например, диалекты современного языка. Небольшие отличия признавались лишь в области синтаксиса старославянского языка, находившегося под сильным влиянием греческого синтаксиса, фонетики и лексики.

Итогом стало традиционно установившееся описание исходной грамматической системы древнерусского языка в учебниках по исторической грамматике русского языка в основном в соответствии со схемой, заданной описанием старославянского языка, хоть и в процессе изменения, движения его к современному состоянию русского языка. Такая схема представлена в учебниках по исторической грамматике П. С. Кузнецова [Кузнецов 2005]; [Борковский, Кузнецов 2004], Г. А. Хабургаева [Горшкова, Хабургаев 1997], В. В. Колесова [Колесов 2005] и др.

Однако сопоставительное изучение ряда явлений в языке старославянских, церковнославянских восточной редакции и древнерусских памятников, описание языка по набору признаков выявило соотносительные, но не совпадающие характеристики грамматической системы языка памятников церковнославянской (и старославянской) и восточнославянской письменности (см. [Ремнёва 1995а]; [Ремнёва 2003]). И прежде всего это касается наличия или отсутствия сложной системы форм прошедшего времени, а также функционирования форм двойственного числа, оформления временных, условных, императивных, целевых синтаксических отношений.

Исследования северо-западных, смоленских, московских, полоцких памятников деловой письменности свидетельствуют о том, что форма на -л (перфект) обслуживает в них не только сферу перфектного значения, но и аористного, имперфектного и плюсквамперфектного значений. При этом в деловой письменности XI–XIII вв. отражается состояние, аналогичное тому, которое известно современному чешскому и словацкому языкам: в общеотрицательных предложениях отрицание ставится при форме на -л. Это свидетельствует о том, что в древнерусском языке «система» прошедших времен отличалась от того, что мы имеем в современном русском литературном, лишь способом обозначения лица. И эта ситуация найдет отражение во всех памятниках деловой и бытовой письменности, созданных на Руси, вплоть до Уложения 1649 г., а с конца XVI в. распространится и на язык так называемой демократической литературы и поздних летописей. Это свидетельствует об отсутствии также «падения» сложной системы прошедших времен в древнерусском и старорусском языках с XI по XVI вв.

Однако в системе восточнославянской письменности существует большой корпус текстов, где реализуется грамматическая норма, которая знает сложную систему прошедших времен и правильное ее использование. При анализе применения форм прошедшего времени в текстах «правильность» или «неправильность» их употребления сознательно и привычно соотносится с характером использования форм в текстах памятников старославянского языка. Важно обратить внимание на то, что сложная система форм прошедшего времени есть не только в произведениях канонической литературы, но и в житиях, памятниках ораторской прозы, юридических текстах, переведенных с греческого, летописях, Изборниках, повестях, посланиях. Это

подтверждает мысль о том, что по-церковнославянски писались не только произведения, переведенные с греческого, но и произведения высокой книжно-славянской культуры, созданные на Руси, а также произведения зарождающейся оригинальной русской литературы. Грамматическая система этих памятников характеризовалась наличием правильно используемой сложной системы прошедших времен.

В связи с этим приходится признать, что морфологические системы древнерусского и церковнославянского (старославянского русской редакции) языков **кардинально отличались** друг от друга отсутствием или наличием сложной системы форм прошедшего времени.

Таким образом, грамматическая норма памятников деловой письменности XI–XIII вв. характеризуется использованием формы на *-л* в качестве единственного средства для передачи значения «действие (состояние) в прошлом». Для языка памятников деловой письменности XIV–XVII вв. характерно четкое распределение использования форм на *-л* и «перфекта»: личное местоимение и вспомогательный глагол *быти* в форме наст. вр. используются как два равноправных способа выражения лица при форме на *-л*; формула «*се азъ... есмь (есмь)*» + форма на *-л*» или аорист закрепляется только в зачинах грамот. Использование простых претеритов в XI–XVII вв. контекстно, жанрово и ситуационно четко обусловлено: они используются в летописных записях указов, в соборных приговорах, в двух церковнославянских вставках в Уложении и т. д.

Такой характер использования формы на *-л* позволяет сделать вывод, что морфологическая система древнерусского языка не характеризовалась наличием простых претеритов и в грамматической системе восточнославянских диалектов праславянского языка. Можно предположить, что имперфект и аорист пришли в древнерусские деловые и юридические тексты, создаваемые на Руси, как грамматические церковнославянизмы. Книжные грамматические элементы в зачинах и концовках сохраняются за счет наибольшей традиционности этих фрагментов; кроме того, на них особую силу влияния имеет образец. Употребление аориста в грамотах XII–XIII вв. может рассматриваться как результат влияния книжного языка, отличительной чертой которого вплоть до конца XVII в. было последовательное использование простых прошедших времен.

Сложная система перфекта, используемая в зачинах грамот, становилась стилистически маркированным, фразеологизированным грамматическим церковнославянизмом.

Русский плюсквамперфект можно считать исконной древнерусской формой. Но форма на *-л* и плюсквамперфект соотносились не как абсолютное и относительное прошедшее, как в церковнославянском языке, а как форма прошедшего времени и глагольное словосочетание, являющееся носителем модального значения отмененного или нереализованного действия (см. [Ремнёва. 1995б]; [Ремнёва 2000]; [Петрухин, Сичинава 2008]).

Несомненным является и наличие в морфологической системе церковнославянского языка категории двойствен-

ного числа. Однако с XII в. даже в текстах, отражающих церковнославянское влияние, формы двойственного числа фиксируются в случаях, которые не могут указывать на сохранение самой грамматической категории, ибо являются словоформами, закрепленными речевой практикой («парные» существительные и сочетание существительных с числительным *два*). В кругу этих слов авторы и писцы почти не допускают ошибок даже в XV–XVII вв., хотя формы согласуемых слов при них оказываются во множественном числе, указывая на то, что авторы текстов, сохраняя устойчивую (фразеологизированную) форму двойственного числа таких существительных, воспринимали ее с категориальным значением множественности, а не двойственности (см. [Борковский, Кузнецов 2004: 203–207]).

Таким образом, особенностью грамматической системы восточнославянского диалекта праславянского языка была глагольная система, в которой временные значения передавались посредством противопоставления презентная форма (настоящее / будущее время) – форма на *-л*. Остальные «временные формы» (русский плюсквамперфект, будущее сложное первое, будущее сложное второе) были средством оформления модальных значений. Материалы деловой письменности раннего периода также показывают, что уже в XII в. можно констатировать «падение» категории двойственного числа, а может быть – и завершение процесса падения.

Таким образом, рассмотрение, изучение описание проблемы «падения» сложной системы претеритов и категории двойственного числа в древнерусском (восточнославянском) языке – проблема, спровоцированная недифференцированным подходом к языку памятников древнерусского и церковнославянского языков в качестве источника изучения морфологии глагола.

Литература

- Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2004.
- Горикова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
- Колесов В. В. История русского языка. СПб., 2005.
- Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005.
- Петрухин П. В., Сичинава Д. В. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 224–258.
- Ремнёва М. Л. История русского литературного языка. М., 1995а.
- Ремнёва М. Л. О «системе претеритов» в древнерусском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 5. 1995б. С. 46–52.
- Ремнёва М. Л. Функционирование форм плюсквамперфекта в языке древнерусских памятников // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. Выпуск VIII. М., 2000. С. 195–208.
- Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.

О датировке двух «Цветников», найденных на Северном и Южном Урале

Е. А. Сивкова

Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск, Россия)

Палеография, датировка, старообрядцы

Аннотация. Лингвистический анализ старообрядческой литературы можно начинать только после ее палеографической характеристики, поскольку датировка в ней может отсутствовать или исказить действительность. При определении даты издания важно использовать данные самого памятника (переплет, филигранный цвет бумаги) и данные текста (орфография, лексика, ссылки на литературу, упоминание современников).

«Цветниками» называются собрания изречений святых отцов с пояснениями и небольшими дополнениями составителя. В данной статье речь пойдет о «Цветнике» священноинока Дорофея из библиотеки профессора Челябинского государственного педагогического университета Л. А. Глинкиной и «Цветнике» анонимного автора («В. Г.»), принадлежащем жителю Свердловской области, раскольнику Е. С. Собянину.

«Цветник» Дорофея был хорошо известен старообрядцам, которые ее неоднократно переписывали. В к. XVIII в., когда Екатерина II дала староверам некоторую свободу, эта книга

была издана в 1785 г. в Варшаве и в 1790 и 1795 гг. в Гродно [Дорофей Палестинский...: 1]; [Цветник...: 3]. Сохранившиеся экземпляры издания «Цветника» можно найти в некоторых музеях и библиотеках, в частности музее-заповеднике «Кижы», Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы; перевод этой книги был выполнен Спасо-Преображенским Валаамским монастырем в 2005 г. [Цветник...].

Исследуемый южноуральский экземпляр «Цветника» Дорофея имеет на последней странице запись *издано в типографии Гроденской, вь льто, ЗСЧИ*, т. е. в 1790 г. (7298).

Наполовину сохранившийся кожаный переплет на досках, голубоватый цвет бумаги и ее фактура не противоречат отнесению книги к концу XVIII в.

Но рассмотрение филиграней показывает, что фактически «Цветник» издан позже. Бумага памятника однородна: «Pro patria» российского производства (женщина со скипетром сидит на троне, а лев стоит на задних лапах, изображение окружено забором), литерная часть состоит из заглавной буквы *Б* и даты выпуска бумаги – 1804. Следовательно, рассматриваемый экземпляр «Цветника» Дорофея издан не ранее 1804 г.

Более раннюю дату издания, указанную в книге, можно объяснить изменившимся отношением власти к раскольникам: в 1790 г. Екатерина II разрешила староверам печатать их книги. Павел I 1 (12) марта 1798 г. выпустил «Указ, разрешающий старообрядцам строить церкви во всех епархиях» [Шефов 2006].

Политика следующего императора – Александра I – по отношению к раскольникам была иной: «...не делая насилия совести и не входя в розыскание внутреннего исповедания веры, не допускать однако ж внешних оказательств отступления от церкви и строго воспрещать в сем соблазны, не в виде ересей, но как нарушение общего благочиния и порядка» [Научная разработка...].

Следовательно, старообрядцы воспользовались разрешением Екатерины II 1790 г. и позже продолжали тайно выпускать «Цветник» в Гродненской типографии.

Анонимный «Цветник» более позднего времени, найденный на Северном Урале, имеет кожаный переплет на досках с медной застежкой, напечатан на тонкой бумаге светлорыжевато-коричневого цвета без водяных знаков и штемпелей шрифтом черного цвета, названия глав, отдельные предложения и буквы – красного цвета. При оформлении названия главы и ее первой буквы использован растительный орнамент.

Сам «Цветник» не имеет указания на год издания, на последнем листе содержится лишь замечание, что он напечатан *въ типографіи почаяевской. Тицаніемъ, и трудами, Р. Б. В. Г.* Отсутствие филиграней и штемпелей на бумаге говорит о том, что она выпущена позднее XVIII в.

«Цветник» напечатан кириллицей, в нем использована буквенная нумерация, поэтому староверы считают его древним. Между тем фразеология этого памятника, а также орфография и разговорные грамматические формы: *вымоливати, орегиналомъ, специалистовъ, ихнихъ детей* – показывают его более позднее происхождение.

Обращения «Цветника»: *Добрый читатель, благосклоннаго читателя, многоуважаемый читателю, почтеннейший читатель и собеседник* – напоминают нам обращения русской классической литературы XIX в., в частности об-

ращение *благосклонный читатель* в литературе XIX в. очень часто, оно встречается в «Арапе Петра Великого» А. С. Пушкина (1828), «Идиоте» Ф. М. Достоевского (1869), «Сатирах в прозе» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1859–1862), «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева (1859), «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксакова (1858), «Дядюшке и двоюродном братце» А. А. Фета (1855) [Национальный корпус...].

Но самыми, пожалуй, важными для датировки «Цветника» оказались ссылки на литературу, использованные в тексте памятника: «Сборник исторических материалов и документов, относящихся к греческой церковной истории 4–18 века» (1844) «Сборник протоколов Общества любителей духовного просвещения» (1872), а также упоминание современников: профессора М. П. Погодина (1800–1875) и архимандрита Павла Прусского (1821–1895) – известного церковного деятеля, выступавшего против раскола [Павел Прусский]: *Да впрочем той автор, всегда избегал не только нашего присутствия, но и встречи: а иногда отзывался при встрече, каким-либо уклончивым и к предмету неуместным ответом.*

Бумага, фразеология, орфография, ссылки «Цветника», найденного на Северном Урале, позволяют отнести его создание к концу XIX в., не ранее 1872 г. Присутствие XX в. в его наружном виде и тексте не найдено.

Рассмотрение «Цветников» XVIII и XIX вв., изданных в Западной Белоруссии и на Западной Украине, а найденных на Южном и Северном Урале, показывает фрагмент истории старообрядческой литературы и заставляет с осторожностью использовать тексты раскольнических книг для лингвистического исследования, поскольку их датировка в тексте памятников или отсутствует, или не совпадает с действительностью.

Литература

- Дорофей Палестинский, авва: Ин. 5. Официальный сайт Латвийской Православной церкви // www.pareizticiba.lv/print_alpha.php?nid=1199&1=3.
- Кураев А. Книга Священноинок Дорофея «Цветник Духовный» // kuraev.ru/index.php?option=com_smf&Itemid=63&topic=8226.0.
- Научная разработка вопроса о расколе. Значение раскола в русской жизни // shatura.laser.ru/E/Большой_энциклопедический_словарь_Брокгауза_и_Ефрона.html.
- Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.
- Павел Прусский // www.rulex.ru.
- Цветник священноинок Дорофея / Пер. с древнерусского Д. В. Кантова / Под ред. Н. Б. Ларионовой, И. Н. Зейтленок // www.agionoros.ortodoxy.ru/doc2/cvetnik.htm.
- Шефов Н. А. Хроника российской истории. XI–XIX вв. М., 2006.

«Введение в славянскую филологию» как исторический курс

А. А. Соколянский

Северо-Восточный государственный университет (Магадан, Россия)

Славянская филология, славяноведение

Аннотация. Рассматриваются основы построения курса «Введение в славянскую филологию», обосновывается исторический подход к указанному предмету.

Курс «Введение в славянскую филологию» не предусмотрен ныне действующим стандартом подготовки учителя русского языка и литературы. Отсутствие этого курса в подготовке русистов – серьезный недостаток (помимо многочисленных других) действующего стандарта. В нашем вузе он читается за счет часов, отводимых на специализацию, перед изучением курса *старославянского языка* и других историко-лингвистических дисциплин. Курс «Введение в славянскую филологию» формирует гуманитарное мировоззрение филологов. Именно с ориентацией на такой подход построено наше учебное пособие по данному предмету [Соколянский 2004]. В свое время сама идея включения в учебный план студентов-русистов «Введения в славянскую филологию» возникла после прослушивания соответствующих курсов Н. И. Толстого (МГУ) и В. К. Журавлева (МПГУ). В основу курса были положены следующие основные идеи (не все из них в равной степени удалось реализовать в учебном пособии).

1. На теоретическом уровне следует различать *введение в славянскую филологию* и *славяноведение*, на практическом уровне – преподавание *славянской филологии* должно в значительной мере включать в себя содержание курса *славяноведение*. Соотношение курсов отражает следующая схема:

Без сведений по истории славян и их культуре славянская филология не может рассматриваться как самостоятельный предмет.

2. Исторический подход должен быть главным при построении курса славянской филологии, так как сегодня славян объединяют генетическое сходство языка и общность их происхождения. Синхронное описание славянства возможно только после того, как выявлены исторические основания их единства. В противном случае описание славян не будет отличаться от этнографического описания любой территориальной группы народов, не связанной общностью происхождения (например, народов Крайнего Северо-Востока России, языки которых принадлежат к разным языковым семьям). Исторический подход позволяет не только описать, но и объяснить наблюдаемое сходство между славянскими языками.

3. В центре славянской филологии – описание славянских языков с опорой на их генетическое родство. При этом важным становится не только описание отдельных славянских языков, но и праславянского языка, история которого излагается в той степени подробности, в какой студенты готовы к восприятию соответствующего материала.

4. Непосредственным продолжением темы праславянского языка является рассмотрение проблем классификации современных славянских языков. Необходимо показать, что эта классификация имеет не только географические (так думает большинство студентов), но и собственно лингвистические основания. При этом необходимо расширить количество классифицирующих признаков, не ограничиваясь традиционным рассказом о судьбе сочетаний типа **tort* и рефлексов некоторых групп согласных с **j*. Расположение квалифицирующих признаков в порядке их исторического возникновения позволяет учесть в предлагаемой классификации диахроническую перспективу.

5. Одна из серьезных проблем курса – описание отдельных славянских языков. Думается, что и в этом случае предпочтителен диахронический подход. Для каждого славянского языка указывается время появления письменности, ее графическая основа, наиболее яркие фонетические или грамматические черты, прослеживаются основные этапы развития литературного языка, указываются те, кто внес наибольший вклад в его становление, приводятся небольшие стихотворные тексты на каждом из языков. В рамках курса славянской филологии нельзя превратить описание каждого языка в мини-учебник по этому языку, из-за этого приходится ограничиваться только базовым и специфическим материалом. Так, о болгарском языке говорится то, что он склонен к аналитизму, о словенском сообщается то, что он сильно раздроблен в диалектном отношении и др.

6. Проблема генетических связей славянских языков с неизбежностью приводит к вопросу о славянской прародине. При имеющемся многообразии подходов к этой проблеме необходимо избежать двух крайностей: с одной стороны, нельзя превратить изложение этого раздела в список точек зрения по данному спорному вопросу, с другой – нельзя ограничиться только мнением, которое наиболее близко автору курса. Раздел о прародине – идеальная возможность продемонстрировать сами принципы, которыми пользуются исследователи в процессе решения этой проблемы.

7. В подробном изложении нуждается Кирилло-Мефодиевская проблематика. В учебном пособии сделана попытка совместить традиционные (если таковые вообще имеются) подходы к описанию деятельности братьев с моими собственными представлениями о некоторых аспектах их деятельности. В частности, делается попытка доказать, что Византия не была сильно заинтересована в успехе миссии братьев. Это мнение сложилось после знакомства с идеями Г. А. Хабургаева.

8. Очень сложный вопрос, в какой мере введение в славянскую филологию должно включать в себя исторический материал, который, как показано в схеме, относится уже собственно к славяноведению. Некоторые разделы можно подать как филологические, например «Древние письменные свидетельства о славянах». В данном случае рассматривается и интерпретируется содержание ряда текстов, что, бесспорно, относится к сфере филологии. Очевидно, что этого материала для изучения славян недостаточно, так как в нем освещается только самая древняя часть истории славянства. В то же время нет никакой возможности представить полноформатную историю всех славянских государств. Практический выход видится в том, чтобы древнюю историю рассказывать подробно, а по мере приближения к современности делать изложение все более пунктирным.

9. Самое спорное в моем учебном пособии – изложение проблем происхождения языка, ностратики и основ индоевропеистики. Оппоненты ссылаются на то, что эти темы должны излагаться во *введении в языковедение*. Как преподаватель, много лет читавший «Введение в языковедение», считаю, что на изложение этих проблем там явно недостаточно времени. Органичнее рассмотреть эти вопросы в курсе, который уже в своих основаниях имеет историческую основу.

Литература

Соколянский А. А. Введение в славянскую филологию. М., 2004.

Старопольские документы начала XVII в. как свидетельство литературно-языкового наследия прошлого

Н. А. Тупикова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

История польского языка, семантика, стилистика

Аннотация. В докладе представлен фрагмент исследования «русского» архива Яна Петра Сапеги – одного из предводителей иноземного войска в период Смутного времени. Анализу подвергается корпус документов, составляющих переписку польского короля Сигизмунда III с войском гетмана и характеризующих деятельность Посольства. Рассматривается традиция создания «смешанных текстов», отражающая ряд тенденций в развитии старопольского языка.

Изучение памятников славянской письменности представляет большой интерес во многих аспектах как лингвистического источниковедения, так и истории языка.

Рукописные тексты, которые отложились в различных архивах и библиотечных собраниях и ранее по каким-либо причинам были недоступны, введение в научный оборот новых источников существенным образом позволяют восполнить сведения о состоянии языковой системы в синхронно-диахроническом аспекте, показать формирующиеся традиции выражения определенного содержания, выявить специфику функционального взаимодействия книжной и народно-разговорной стихий в процессе эволюции литературных норм.

Лингвистический анализ разножанровых документов в составе архива Яна Петра Сапеги 1608–1611 гг., реконструкция которого предпринята коллективом исследователей Волгоградского государственного университета под руководством профессора И. О. Тюменцева, свидетельствует о

том, что в названных памятниках наблюдается свойственная в целом среднепольскому периоду традиция создания текстов, получившая название «*mieszanka polsko-lacinska*». Особенно яркими в этом отношении являются послания Сигизмунда III Вазы, подписанные им ассекурации, инструкции послам, ответы на письма, кондиции войску, бумаги посольских дел, зафиксировавшие ряд событий периода Смутного времени через взаимоотношения польского короля с сапежинцами во время похода иноземного войска, которым командовал гетман, на Москву.

На фоне господствующей еще латыни в сфере польской культуры эти тексты отражают, на наш взгляд, «великолепный, ренессансный», выражаясь словами З. Клеменевича, период расцвета собственно «польщизны». Данные памятники письменности содержат не только чрезвычайно важные и новые сведения об известных исторических событиях эпохи Смуты, переговорах, которые велись с Сапегой по поводу условий его перехода на королевскую службу, – они

являются уникальным свидетельством активизации средств польского языка в сфере официального, в том числе дипломатического, общения, примером выражения высокого пафоса и эмоционального напряжения, следования книжным нормам и использования ресурсов народной речи.

Бумаги, вышедшие из королевской канцелярии, с одной стороны, изобилуют латинскими вкраплениями без перевода, употреблением иноязычных слов в устойчивых формулах, требуемых этикетом, для обозначения терминологических понятий, абстрактных категорий, содержание которых принято было выражать по-латыни. Представляется возможным говорить об определенных способах создания «смешанных текстов» при использовании труднопереводимых на польский язык полонизмов в составе образных выражений, перифраз и т. п., а также о регулярности появления иноязычных лексем в определенной форме и фиксированных синтаксических позициях.

С другой стороны, многие из анализируемых текстов, составленных по-польски, написаны по всем правилам словесного искусства, выдержаны в официальном тоне с большой долей пафосности, декларативности, насыщены высокими экспрессивно-оценочными словами, светскими, иноказательными оборотами. Обращает на себя внимание множество иноязычных для деловой речи элементов, свойственных системе обиходно-разговорного, не книжного языка. В ряде случаев стилистическая контрастность средств, используемых в официальном документе, обусловлена стремлением пишущего расположить к себе адресата, в доступной форме изложить свои аргументы.

В зависимости от назначения наблюдаются большая или меньшая риторичность стиля королевских посланий, черты, сближающие данные тексты с воззваниями или публичными речами общественно-политического характера.

Особую лингвистическую значимость имеют фрагменты, представляющие собой абстрактные размышления, фразы, принятые в образованной среде благородного сословия, владеющего языком права, философии, политики, логики, поэзии.

Важно отметить, что тексты документов зафиксировали использование сравнений, сопоставлений, метафор, осно-

ванных на переосмыслении конкретных явлений окружающей действительности, на народной мудрости, а также на христианских воззрениях. Примером этого в посланиях короля могут служить сентенции, с помощью которых автор апеллирует к опыту предков, оценивает результат усилий тех, кто пренебрегает сложившимися обычаями, оправдывает незаконные и неприемлемые для благородного человека действия «высокими» целями.

В целом язык и речевая организация рассматриваемых текстов – официальных королевских писем, грамот, посольских бумаг, кондиций, рескриптов, ассексуаций, инструкций и т. д. – демонстрирует возможности семантической системы старопольского языка начала XVII в. выражать абстрактные и специальные понятия, расширять функциональный потенциал слов и конструкций при употреблении их в контекстах делового, дипломатического, торжественно-патетического характера, использоваться при воспроизведении простых и сложных ситуаций в высказываниях, которые содержат не только сухое изложение фактов, но и дают их экспрессивно-эмоциональную интерпретацию, излагают авторскую точку зрения.

Лингвистическая содержательность анализируемых старопольских текстов дает возможность показать не только культурно-историческую ценность скорописных документов, их роль в воссоздании объективной картины происшедших событий, но и стремление этнического языка к единству на основе функционального взаимодействия различных по происхождению и семантико-стилистическому наполнению единиц разных уровней. Рассматриваемые памятники обогащают наши знания о письменной культуре польского народа в «золотой век» (Т. Лер-Сплавински) развития польского языка, когда набирала силу тенденция к постепенной замене латыни «польщизной», способной брать на себя функцию престижного средства во многих сферах общения. Данные источники свидетельствуют о возрастающей роли самобытных языковых традиций. Смысловое пространство архивных текстов включает характеристику того феномена, в котором сфокусированы ментальные особенности восприятия и оценки окружающего мира представителями определенной эпохи.

Проблема книжно-письменного наследия в русском и украинском литературных языках

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Ужгород, Украина)

Книжно-письменная традиция, праславянский корень, славянские языки, гомоморфное лексическое поле, этимологическое гнездо

Аннотация. В докладе проанализированы некоторые различия между русским и украинским литературными языками, обусловленные разрывом украинского языка с церковнославянским литературно-языковым наследием и сближением с чешско-польской книжно-письменной традицией.

Известно, что своеобразие исторического развития литературных языков во многом предопределяется сохранением книжно-письменных традиций или отказом от них. Русский и украинский литературные языки различаются прежде всего отношением к литературно-языковому наследию прошлого. Несмотря на то что при формировании литературных языков на национальной основе «преемство» церковнославянской традиции «потенциально было дано всем православным славянам», т. е. русские и украинцы имели сходные стартовые позиции, непрерывность этой традиции как свою типологическую черту сохранил только русский литературный язык, в то время как для украинского литературного языка характерен разрыв с языковым наследием. Н. С. Трубецкой рассматривал это как измену всему прошлому Украины, как «попрание собственных национальных святынь» [Трубецкой 1995: 187–189]. Диаметрально противоположных взглядов придерживается целый ряд украинских исследователей, считающих, что «в церкви, школе, литературе и в государственных структурах Московии» возобладали «богатый, сильный староукраинский язык, которым писали научно-философские произведения еще в XI в. ... Только начиная с М. Ломоносова появилась слабенькая московская литература, да и та была под влиянием украинской» [Штепа 2005: 17–19] (выделено нами. – Л. У.).

Сторонники такой концепции одну из основных задач современной лингвистики видят в изучении «значительного слоя украинских заимствований в русском языке», причем в этот слой включаются и полногласные сочетания [Царук 1998: 131].

Степень сохранения литературно-языкового наследия прошлого в русском и украинском литературных языках в докладе рассматривается на материале слов, корни которых включали праславянские дифтонгические сочетания «главный» полного образования + «плавный» в положении между согласными. Различные типы изменений указанных сочетаний в славянских языках (trot, trat и torot) позволяют устанавливать источники иноязычного влияния в тех случаях, когда огласовка корня не совпадает с характерной огласовкой определенной языковой группы. По нашим данным, лексемы с исконными torot-корнями в украинском языке составляют 86% (5276 слов), в русском – 59% (4146 слов), а с заимствованными trat-корнями – 12% (754 слова) в украинском языке и 41% (2931 слово) в русском. 106 украинских слов (2%) имеют корни с западнославянской огласовкой типа -глов-, -злот-, -хлоп- и др.

На примере лексем с корнем *-terb- (*истребить*, *потребить* и др.) в докладе показано, что в современном русском литературном языке связь со старославянским наследием

сохраняется преимущественно в плане выражения. Семантическая же система русского литературного языка претерпела значительные преобразования, способствовавшие изменению значений большинства слов старославянского происхождения. Из старославянского языка русский литературный язык на всех этапах своего развития черпал книжные средства прежде всего для плана выражения. В арсенале таких средств находились и находятся морфемы с неполногласными сочетаниями.

Сближение украинского литературного языка с западнославянскими языками, для которых связь с литературно-языковой традицией (чешско-польской) имела характер взаимного влияния, а не «преемства» [Трубецкой 1995: 183–184], иллюстрируется словами с праславянским корнем *-vold-, образующими в большинстве славянских языков по несколько гомоморфных лексических полей, но наиболее сложная картина при этом наблюдается в украинском языке. В староукраинском языке, функционировавшем в ситуации гомогенного и даже гетерогенного многоязычия, поскольку в Юго-Западной Руси смыкались «греко-славянский» и «славяно-латинский миры» [Толстой 1988: 61], морфема *-vold- была представлена тремя возможными вариантами: trat- (*власть, владыка; власный*), togot- (*володѣти*) и trot- корнями (*влость, влодарь*) [Словник... 1977–1978]. В современном украинском языке центрами 3-х из 5-ти гомоморфных лексических полей, возникших на основе праславянского этимологического гнезда, являются заимствованные из западнославянских языков (из чешского через польский) слова *влада, власний, властивий*. Компоненты этих полей составляют сейчас корпус украинских нейтральных лексем с неполногласными корнями, в то время как большинство церковно-славянских слов с неполногласием являются устаревшими или разговорными (*благий, благодійник, поприкати, страм*). Присоединение в XVII в. Украины к России способствовало усилению взаимодействия ме-

жду украинским и русским языками, в результате чего заимствованные из разных источников лексемы *власть* (рус.) и *влада* (укр.) полностью совпали в своих значениях.

Для сравнения привлекаются данные словацкого языка, в котором разновидности корня *-vold- представлены только в исконной огласовке, однако влияние чешской книжно-письменной традиции способствовало сложному переплетению значений в гомоморфных лексических полях, образовавшихся на базе праславянского этимологического гнезда.

Другой вариант западнославянского влияния на украинский язык показан на примере слов с праславянским корнем *-gord-. Ряд исконных украинских лексем с полногласной разновидностью этого корня был вытеснен польскими словами с другими корнями. Ср., с одной стороны, рус. *город, горожанин*; укр. *місто, мешканець міста*; польск. *miasto, mieszkanię miasta*, а с другой – рус. *гражданин*, укр. *громадянин* и польск. *obywatel*.

По мнению Н. С. Трубецкого, отказ от церковно-славянской книжно-письменной традиции предопределил неустойчивость и разнородность украинского литературного языка [Трубецкой 1995: 192], не только сохраняющуюся, но и усиливающуюся в настоящее время, когда диалектизмы Галиции навязываются в качестве литературной нормы.

Литература

- Словник староукраїнської мови (XIV–XV ст.): У 2 т. Київ, 1977–1978.
 Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живов. М., 1995.
 Царук О. В. Українська мова серед інших слов'янських: етнологічні та граматичні параметри. Дніпропетровськ, 1998.
 Штена П. Московство – его происхождение, содержание, формы и историческое развитие / Пер. с укр. В. Молчанова. Киев; Ровно, 2005.

Тенденції розвою нормованя руского языка войводинских Руснацох

М. П. Фейса

Новисадский университет (Нови Сад, Сербия)

Русинский язык, кодификация, правописание

Аннотация. Автор пытается объяснить возникновение и кодификацию русинского языка у русин Воеводины, поселившихся в округе Бачка в середине XVIII в., указывая притом на тенденции развития русинского языка до появления первого правописания данного языка, затем в период его опубликования (Н. Кочиш. *Правопис руского языка*, 1971), а также в современный период – во время опубликования нового *Правописного словника руского языка* (М. Фейса и др.).

По законченю Першей шветовой войны превжати крочати на обединяваню бачко-сримских Русинох / Руснацох на культурним полю. У реферату «О языку за южно-славянску писменост» на Сновательней схадзке Руского народного просвитного дружтва 1919. року о. Михайло Мудри дал прилапливи напрямки язичного ділованя по хторих ше руска просвита ма базовац на мацеринским – руским языку. Директни пошлїдок такого становиска представля публиковане першей грамматики руского языка под назву *Грамматика бачваньско-рускей бешеди* Гавриїла Костельника 1923. року. З оглядом же ше по виходжене тей грамматики Руснаци служели зоз церковнославянским, сербским и мадярским писмом, як и зоз рижними вариянтами перших двох спомнутих, Костельникова грамматика кладзе точку на длугорочне блукане за одвитующим писмом и трасуе основни напрямки не лем за розвой литературного руского языка, але и за розвой культуры Руснацох вообще.

Пред Другу шветову войну, под час ней и дзешатками рокох по ней, на плану нормованя вельке доприношене давал Гавриїл Надь, чийо твори позберани до двох зборнікох од хторих зборнік *Лингвистични статї и розправи* (1983) дотика конкретни пункти коригованя существующих правописних правил.

У нормованю руского языка окреме значни Микола М. Кочиш. Вон означел конец шейдзешатих и седемдзешати роки 20. сторочя зоз свою винїмно плодну роботу, насампредз зоз *Граматику руского языка* (1974), зоз *Правописом руского языка* (1971) и зоз *Приручним терминологийним*

словником сербскогорватско-руско-українским (1972). З тима творами, мож повесц, стандардизовани руски язык. Правопис привитани едногласно прето же за нїм постояла обща потреба, хтору концом 60-тих рокох прешлого вику ясно виражовали и просвитни, и культурни, и друштвени, и други явни роботніки, починаючи од тих цо викладали по руски у школи, преїг тих цо прекладали на руски язык, по тих цо учели на руским языку. *Правопис руского языка* Миколи Кочиша єдини правопис по нешка – уж 37 роки, без огляду же є у дзепоедних своїх сегментах превозидзени.

Публиковане двотомного *Сербско-руского словника* (1995–1997) главного редактора Юліяна Рамача и редакторох Гелени Медешовой и Михайла Фейси не значне лем зоз лексикографского аспекту, але и зоз орфографского, прето же уноши дзепоедни корекції *Правописа*.

Чувствуюци потребу рускей националней заєднїци за осучасненем правописом, Михайло Фейса концепивал конкретни проект и унапрямел активносци руских фаховцох, лекторох и просвитних роботнікох на першу фазу, т. є. на публиковане правописного словника. Покраїнски секретариат за науку и технологийни розвой перши, а потим и Покраїнски секретариат за образование и культуру, як и Министерство культуры републики Сербїи препознали значносц Проекта и потримали го, цо значи же обявйоване *Правописного словника руского языка* мож обчековац концом того або початком шлїдующего рока, а обявйоване нового *Правописа руского языка* по конец 2009. рока.

Принцип антистиха в Геннадиевской и Острожской Библии

Хан Чжи Хен

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Орфографическая норма, грамматические и лексические омонимы

Аннотация. Доклад посвящен реализации принципа антистиха, т. е. орфографической дифференциации омонимичных форм в Геннадиевской и Острожской Библии.

1. Антистих – принцип орфографической дифференциации омонимичных форм, который был усвоен славянскими книжниками в результате ориентации на византийскую (греческую) грамматическую традицию [Успенский 2002: 325]. В славянской книжности принцип антистиха впервые получает обоснование в трактате Константина Костенечского «Сказание изъясленно о писменех» (ок. 1424–1426 гг.). В трактовке Константина элементы кода церковнославянского письма (буквы, надстрочные знаки, знаки препинания) имеют смыслообразительное значение и служат для противопоставления языковых единиц, наделенных различной семантикой. Прийдя в русскую книжность через южнославянское посредство, принцип антистиха получает здесь дальнейшее развитие и становится одним из ведущих принципов церковнославянской орфографии [Кузьминова 2001].

2. Принцип антистиха был реализован в первых полных библейских кодексах – рукописном (Геннадиевской Библии 1499 г. – далее ГБ) и печатном (Острожской Библии 1580–1581 гг. – далее ОБ).

Для создателей ГБ орфографический способ преодоления омонимии был актуален прежде всего по отношению к грамматическим омонимам ед. / дв. и мн. ч. и лексическим омонимам, противопоставленным по семантическому признаку «сакральное / профанное».

2.1. Пара дублетных буквы *о* – *ω* служит в ГБ для дифференциации грамматических форм **Т ед. м. и ср. р. / Д мн.:** *перстольмъ писаше на земли* (л. 759) [Ин 08: 06], *ни тѣло^ω вашии* (л. 690) [Мф 06: 25] / *оученикомъ своим^ω* (л. 757) [Ин 06: 12], *въкроуете, дѣлаи мѡимъ* (л. 762) [Ин 10: 38]; **И-В ед. ч. м. р.** притяжательных прилагательных / **Р мн. ч.** существительных: *бѣ авраамовъ* (л. 722) [Мк 12: 26], *оученикъ ісовъ* (л. 769) [Ин 19: 38] / *въсѣхъ же родувъ* (л. 686) [Мф 01: 17], *сѣмъ вѣсѡвъ* (л. 726) [Мк 16: 09].

2.2. Посредством распределения четырех графем *о-очного* *ѡ, ѡ, ѡ, ѡ* осуществляется противопоставление форм ед. / дв. и мн. ч. существительного *ѡко* – *ѡ* используется только в ед. ч.: *сѣ ѣдинѣмъ ѡкомъ* (л. 700) [Мф 18: 09], *свѣтланикъ тѣлѡ, ѣ ѡко* (л. 739) [Лк 11: 34], а *ѡ, ѡ, ѡ* – в дв. и мн. ч.: *дѡвѣ ѡцѣ ѡмоушюу* (л. 720) [Мк 09: 47], *видѣствѣ ѡчи мой спеніе твое* (л. 729) [Лк 02: 30], *възвѣ ѡчи горѣ* (л. 763) [Ин 11: 41]; *ваша же блаженаа ѡчеса* (л. 695) [Мф 13: 16].

2.3. Подтитленное / неподтитленное написание различает лексические омонимы *мѡти* ‘Богородица’ / *мѡти* ‘термин родства’: *мѡти ісова* (л. 754) [Ин 02: 03], *пони ѡтрочѡ ѡ мѡтере его* (л. 687) [Мф 02: 20] / *дѡщере на матерѣ свою* (л. 693) [Мф 10: 35], *дѡвница дѡстѣ ю матерѣ своѣ* (л. 716) [Мк 06: 28]; *дѡхъ Святой духъ / дѡухъ ‘бес’: дѡхъ стѡ* (л. 687) [Мф 03: 11], *видѣхъ дѡхъ съходящѣ* (л. 753) [Ин 01: 32] / *дѡше нѣмыи ѡ глѡухи* (л. 719) [Мк 09: 25], *ѡ дѡухѡвъ злыи ѡ недоуѣ* (л. 735) [Лк 08: 02].

3. В основу ОБ был положен список ГБ, подвергнутый острожскими редакторами последовательной и целенаправленной языковой правке [Алексеев 1999: 211–212]. Одно из направлений их нормализаторской деятельности состояло в более последовательной и полной реализации принципа антистиха. По сравнению с ГБ в ОБ увеличено как число

графико-орфографических средств, так и число позиций, вовлеченных в противопоставление.

3.1. В ГБ совпадают формы прилагательных **И ед. ж. р. = В дв. м. р. = И-В мн. с. р.**, зафиксированные с вариативными окончаниями *-аа* и *-аа:* *рѡка ѣмѣ деснаа* (л. 732) [Лк 06: 06] / *деснаа твоѡ рѡка* (л. 688) [Мф 05: 30] = *дрѡугаа двѡ таланта* (л. 706) [Мф 25: 22] = *сѣтворѡ злаа ѡрѡ* (л. 730) [Лк 03: 19] / *въспрѡлаа ѣси лѡзѡрѣ такоже злаа* (л. 744) [Лк 16: 25]. В ОБ формы **И ед. ж. р. // И-В мн. с. р.**, **В дв. ч. м. р.** разграничены на орфографическом уровне. Снятие омонимии достигается посредством правки *аа* ⇒ *аа* в позиции **И ед. ж. р.:** *завѣса црковнаа* (л. 750) ⇒ *црковнаа* (л. 42) [Лк 23: 45], *црца ѡжѣскаа* (л. 695) ⇒ *ѡжѣскаа* (л. 7) [Мф 12: 42], и *аа* ⇒ *аа* в позициях **В дв. м. р.** и **И-В мн. с. р.:** *дрѡугаа двѡ* (л. 706) ⇒ *дрѡугаа* (л. 14) [Мф 25: 17], *вса колѣна земнаа* (л. 706) ⇒ *земнаа* (л. 13) [Мф 24: 30], *писаніа прѣчьскаа* (л. 708) ⇒ *прѣчьскаа* (л. 15) [Мф 26: 56]. В результате в ОБ в **И ед. ж. р.** доминирует окончание *-аа*, а в формах **В дв. м. р.** и **И-В мн. с. р.** – *-аа*.

3.2. В ГБ представлены два варианта написания корня слова *миро* ‘священное масло’ и производных от него с *н* и *н* (*мир-* и *мѡр-*): *ѡлавастрѣ мира* (л. 724) [Мк 14: 03], *ѡлавастрѣ мѡра* (л. 734) [Лк 07: 37]. В то же время в слове *мирѣ* ‘покой’ и ‘вселенная’ и в производных от него пишется только *н*: *мирѣ вѡмъ* (л. 751) [Лк 24: 36], *блажени мирѡтворци* (л. 688) [Мф 05: 09]; ‘вселенная’ – *градѡущаго въ мирѣ* (л. 753) [Ин 01: 09]. Острожские издатели правят *н* ⇒ *н* в слове *миро* и его производных: *маза аше мирѡмъ* (л. 734) ⇒ *мѡромъ* (л. 31) [Лк 07: 38], *миро сѣ не продано бѣ* (л. 763) ⇒ *мѡро* (л. 51) [Ин 12: 05], *въ что гыбель сѡ мирнаа бѣ* (л. 724) ⇒ *мѡрнаа* (л. 24) [Мк 14: 04]. Таким образом достигается противопоставление корней *мѡр-* (в слове *мѡро*) и *мир-* (в слове *мирѣ* ‘покой’, ‘вселенная’).

3.3. В ГБ на орфографическом уровне не различались лексические омонимы *тѡма* ‘темнота’ и *тѡма* ‘десять тысяч’, засвидетельствованы их вариативные написания как с надстрочными знаками, так и без них: ‘темнота’ – *ходѡи въ тѡмѣ* (л. 764) [Ин 12: 35], *не имѡть ходити въ тѡмѣ* (л. 759) [Ин 08: 12]; ‘десять тысяч’ – *тѡмоу талантѣ* (л. 700) [Мф 18: 24], *сѣвравшем са тѡмамъ нарѡда* (л. 739) [Лк 12: 01]. Осуществляя правку, острожские редакторы в слове *тѡма* ‘темнота’ употребляют отсутствующие в ГБ надстрочные знаки – *камору* или *варно:* *възлюбѡиша члци паче тѡму, неже свѣтѣ* (л. 754) ⇒ *тѡмѣ* (л. 45) [Ин 03: 19]; *людиѣ сѣдѡщен въ тѡмѣ* (л. 687) ⇒ *тѡмѣ* (л. 3) [Мф 04: 16]. Напротив, в слове *тѡма* ‘десять тысяч’, написанном в ГБ с вариет, этот надстрочный знак ими устраняется: *тѡмоу талантѣ* (л. 700) ⇒ *тѡмоу* (л. 10) [Мф 18: 24]. Тем самым в ОБ посредством наличия / отсутствия надстрочных знаков (вариет или *каморы*) противопоставляются омонимы *тѡма*, *тѡма* (‘темнота’) и *тѡма* (‘десять тысяч’).

Литература

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. М., 1999.
Кузьминова Е. А. Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001.
Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Университет Климента – очаг славянской культуры и письменности / Климентовиот универзитет – расадник на словенската култура и писменост

К. Цацков, Д. Сивевска /
K. Cackov, D. Sivevska

University «Goce Delcev», Faculty of Pedagogy (Stip, Macedonia)

Аннотация. Образование в Республике Македония исторически связано с деятельностью Кирилла и Мефодия и их учеников Климента и Наума. Климент Охридский представляет собой выдающуюся фигуру в просветительской педагогической мысли у славян. Климент Охридский – первый македонский оригинальный просветительно-педагогический учитель, деятель, славянский писатель и поэт.

Создавая и расширяя алфавит и христианскую веру между македонцами, Климент осуществил желание своих учителей – Кирилла и Мефодия – избавить славянство от тьмы безграмотности и этим способом включить народ в числе цивилизованных и культурных народов в мире.

В докладе подавляющее внимание посвящено деятельности Климента, который успел создать Охридскую книжную школу на уровне первого европейского университета, и не случайно большое число исследователей его деятельности считают, что первые толчки к европейскому ренессансу даны именно на берегу Охридского озера.

Во историијата на секој народ има големи и бесмртни личности, има и големи судбоносни епохи, како се раѓа нешто ново, кога се создаваат духовни основи врз кои со векови потоа се изградува севкупната народна иднина. Такви личности за Македонија се Свети Климент и Свети Наум Охридски и таква епоха е времето во кое живееле, твореле сред нашиот народ. Овие ученици на Кирил и Методиј ги поставиле темелите на христијанството и на македонско словенската писменост во својата татковина Македонија.

Свети Климент е првиот македонски духовник, учител и книжевник. Оваа негова дејност била цврсто поврзана со вистинското сестрано христијанизирање на македонците, како и основањето и организирањето на првата македонска архиепископија во Охрид и областа Кутмичевица. Свети Климент продолжува со преведувањето на светите книги на јазикот на македонците и го основал Охридскиот универзитет со што отишол чекор напред од своите учители. Тој извршил и корелација на некој букви од македонската азбука и ја нарекол кирилица, во чест на својот учител Кирил Солунски.

Климент уште од рана младост е ученик на браќата Кирил и Методиј и со право се смета за нивни најдаровит ученик и продолжител на нивното мисионерско културно – просветно дело. Климент ги придружувал своите учители кога отишле на мисионерската работа помеѓу западните Словени во Моравија и Панонија. Нема сомневања дека им бил вреден помошник и како предавател во тамошните училишта

каде се подготвувале идни свештеници и учители на тие словенски народи. По смртта на Св. Методиј под притисок на германските свештеници, се вратил заедно со Наум, Горазд, Сава и Ангелариј во својата земја.

Следејќи ги мисионерските методи на своите учители, Климент набргу по своето доаѓање во Македонија го основал и своето македонско училиште со цел во него да се подготвуваат идните свештено служители и учители на македонскиот народ. Оваа просветна установа за кусо време прераснала во вистински универзитет, на кој се изучувале, покрај богословските науки и класични јазици, филозофија, реторика, музика, градежништво, медицина и земјоделство. Ова е всушност и првиот европски универзитет во кој се школувале околу 3.500 ученици, од кои многумина биле ракоположени за свештеници, ѓакони и ипоѓакони. Во него се школувале многу ученици, многумина од нив биле испраќани во други словенски земји за им послужат во нивното понатамошно верско и културно-просветно издигнување, како кај бугарите, србите, црногорците, чесите, словациите, русите и украинците и кај други народи кои имале сличности со македонскиот јазик.

Да не беше мисионерската, учителска и просветна дејност на Свети Климент и Свети Наум Охридски ќе беше речиси загубено и незамисливото мисионерско дело на Светите браќа Кирил и Методиј. Тие ширејќи го христијанството и создавајќи ја азбуката успеале да го избават словенството од мракот на незнаењето и на тој начин го вклучиле овој народ меѓу цивилизираните и културни народи во светот.

Типология славянского сандхи в диахронии и синхронии: подходы к описанию феномена

В. В. Шаповал

Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

Сандхи, реконструкция, нулевая фонема

Аннотация. Типология славянского сандхи в диахронии и синхронии остается не в полной мере изученным феноменом. Попытки совместить историческую реконструкцию, возникшую на основе анализа материалов древних письменных памятников, и типы сандхи по результатам внутренней реконструкции в различных современных славянских языках дают любопытные результаты, перспективы использования которых в исторической фонетике и в обучении конкретному славянскому языку могут быть весьма внушительными.

Регулярные фонетические изменения на стыке полноударных слов (*sandhi*) представлены 4 основными типами с рядом разновидностей [Шаповал 1996: 57]. Основной, судя по его широкому распространению, тип характеризуется преимущественным оглушением звонких в исходе слова. Иные типы стыка географически представлены в виде диалектных островов этой территории. Так, «сербский» (условно говоря) тип стыка с характерным запретом на изменение звонкости-глухости конечных шумных распространен от Сербии до Словении и окружен территориями с оглушающим стыком с запада и востока (северная историческая граница «стерта» неславянскими языками). Регион реализации «северновеликорусского» типа стыка с его специфическим различием конечных звонких и глухих перед гласными и сонорными следующего слова (*де[д о]дин, бра[т о]дин*) не только описан территориями с оглушением обычного типа, но и активно размывается под влиянием литературного языка. В виде острова представлена и территория с «межсловным озвончением». Она охватывает запад и юго-запад Польши с некоторыми примыкающими территориями Белоруссии и Украины, Словакию и часть Чехии. Весьма условно границы явления можно описать так: полоса между Одрой и Вислой с расширением на юге. На этой территории на стыке слов происходит озвончение конечных глухих перед гласными и сонорными следующего слова. Проиллюстрирую примерами из польского: *ra[z o]statni, la[z o]statni* (аналоги русских *раз* и *лес* произносятся с одинаковым звонким на конце), *dzia[d m]usi, bra[d m]usi* (аналоги русских *ded* и *brat* – с одинаковым звонким на конце) и т. д. Суть яв-

ления описана была в 1880-е гг. И. А. Бодуэном де Куртене [Дьячок, Шаповал 2002].

Основным для стыка между полноударными фонетическими словами является «оглушающий» тип сандхи. Скорее всего, «острова» распространения иных типов сандхи имеют субстратное происхождение. Но механизм формирования типа стыка включался уже в эпоху падения редуцированных на рубеже I–II тысячелетий нашей эры. Думается, первый этап формирования основного оглушающего типа стыка можно реконструировать при опоре на материал латышского языка. В конце слова звонкие согласные всегда произносятся звонко: *daudz* [д-ау-дз] – много, *kad* [кад] – когда, *maz* [маз] – мало, *tad* [тад] – тогда. Однако сочетание согласных *-ds, -ts*, возникшее также после своеобразного «падения редуцированного» (Т-*s* < *Т-*os*), обычно произносятся как [ц]: *kads* [ка:ц] – какой, *kats* [ка:ц] – рукоятка, *tads* [та:ц] – такой, *galds* [галц] – стол. Если понимать падение редуцированных в славянских языках как бесследное исчезновение индоевропейских *-*os*, то типы сандхи останутся загадкой. Но если допустить, что после исчезновения в славянских языках кратких **ц, *i* в слабых позициях в окончаниях возникли условия для контакта конечного согласного основы с рефлексом индоевропейского *-*s*, принадлежавшего окончанию, и появились новые группы согласных, то объяснить типы стыка можно в рамках обычных процессов ассимиляции шумных. Например, на территории «озвончающего стыка» безальтернативное с точки зрения звонкости / глухости **-s* реализовалось в виде **-z*. Переместившись по месту артикуляции в глубину, оно могло веками сохранять-

ся в виде звонкого шумного с весьма неопределенным фокусом артикуляции вне зоны основных противопоставлений (некое *h*), но при этом определять звонкость шумных на стыке перед гласными и сонорными. Разумеется, это дославянское явление, но стоит подчеркнуть его устойчивость. Не только славяне, но и представители народов диаспоры, традиционно связанных с территорией озвончения, даже не в первом поколении пребывая в русском окружении, бессознательно сохраняют этот тип стыка. Приведу цыганский пример: *сы[з р]омъндыр ладжявѣ – было перед цыганами стыдно* (песня), где *сыз* из *исыс* перед сонорным. Этот феномен указывает на пребывание данной группы цыган в регионе распространения «озвончающего» стыка. Таким образом, можно предположить, что различия в типах стыка между частями индоевропейского (и, вероятно, не только) населения на территории современных славянских языков определились еще в дославянскую эпоху.

Кратко историческую реконструкцию, возникшую на основе анализа древних письменных памятников, отражающих процесс падения редуцированных, можно представить как распространение нового явления с юго-запада на северо-восток на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры. Однако типы сандхи по результатам внутренней реконструкции в различных современных славянских языках

также могут быть интерпретированы как хронологические этапы падения редуцированных: сербский, хорватский и т. д. юго-запад сохраняет наиболее высокий уровень вокализации стыка, соответствующий нулевому сонорному, а великорусский северо-восток в виде островов сохраняет наиболее низкий уровень вокализации стыка, который может быть интерпретирован как «абсолютный» фонологический нуль, никак не воздействующий на конечный согласный предыдущего слова. Эти результаты не являются причудой описания слабо охваченного традиционными историческими грамматиками феномена, схема компактного представления явления стыка как нулевой фонемы может быть использована и в обучении иностранцев навыкам правильного произношения при освоении конкретного славянского языка.

Литература

- Дьячок М. Т., Шаповал В. В. Фонологические типы сандхи в современных славянских языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 1. Филология. Новосибирск, 2002. С. 104–107.
Шаповал В. Три тезиса к типологии славянского сандхи // Тезисы II Международного симпозиума МАПРЯЛ «Фонетика в системе языка». Москва, 19–22 ноября 1996 г. М., 1996.

Некоторые проблемы истории русского глагола в лингвогеографическом аспекте

М. Н. Шевелёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Плюсквамперфект, причастный перфект, диалектные системы

Аннотация. Рассматривается судьба форм перфектной группы в разных восточнославянских диалектных системах.

1. История русского глагола обычно описывается как история единой системы с частными вторично сформировавшимися диалектными различиями. Однако данные лингвистической географии вост.-слав. языков в сопоставлении с другими славянскими и данными памятников письменности показывают, что эти различия принципиально существенны и восходят к разным, в том числе и очень ранним этапам истории русского языка. Можно говорить о нескольких типах русских диалектных глагольных систем, реконструкция истории которых – задача исторической морфологии русского языка.

2. Важнейшие различия между русскими диалектными системами глагола связаны с формами перфектной группы: новым причастным перфектом и новым плюсквамперфектом типа *был -л*. Судьба нового славянского плюсквамперфекта (ПП) в разных вост.-слав. диалектных зонах оказалась различной.

3. Форма ПП типа *был -л* является, видимо, инновацией позднеславянской эпохи: она известна во многих славянских языках, прежде всего – восточно- и западнославянском ареала (севернорусских, украинских, белорусских, словацких, польских говорах, в старочешском и др.). Известно 3 основных типа значения этой формы: (1) первичное смещенно-перфектное типа *Отец тоже был потонул* арх. [Пожарицкая 1996: 273–274]; [Ногак 1964]; [Маслов 2004: 233–234]; (2) антирезультативное, развивающееся на базе первичного в контексте противопоставления последующему положению дел, типа *Я за морошкой была пошла, да воротилась* арх. [Пожарицкая 1996], ср. совр. рус. конструкцию с *было*; (3) значение отделенного от настоящего прошедшего, осложненное выделительным компонентом, типа *Я была лошадей кормила* арх. [Пожарицкая 1996: 273]; [Широкова 1961: 230]; [Маслов 2004: 63, 234], развивающееся у новой формы позже всего в связи с превращением *л*-причастия в претерит и структуры *был -л* в образование из смыслового и вспомогательного лично-глагольных компонентов.

4. На вост.-слав. территории новый ПП фиксируется уже в старейших памятниках. В ПВЛ и КЛ, отражающих диалектную систему **южной Руси кон. XI–XII вв.**, великорусскую по своему типу [Соболевский 2006: 230–235], новый ПП изредка встречается в первичном смещенно-перфектном значении и чаще всего в значении отмененного или недостигнутого результата. Сходная картина наблюдается в **северо-восточной** СЛ XII–XIII вв. (ср. первичное значение: *а всѣх невѣрных оубищъ числомъ . к. иже сѧ были снѧли*

на окаяньни свѣтъ того дни оу Петра оу Кучкова з(л)та 1175 г., 124 об.), но здесь есть основания предполагать значение отделенного от настоящего прошедшего (3). В **северо-западных** памятниках отмечаются значения (2) и (3) (ср. яркий пример последнего в новгородской берестяной грамоте № 724 XII в.), но не представлено первичное перфектное значение.

В современных северо-восточных (арх., волог.) говорах – зоне регулярной представленности ПП – известны все три значения данной формы, причем наиболее частотны архаичное (1) и (3) [Пожарицкая 1996]. В северо-западных говорах результативное значение выражается причастным перфектом и плюсквамперфектом типа (*был*) *ушедши*, отсутствующим в говорах северо-восточных. Очевидно, ранняя утрата в северо-западной зоне первичного значения ПП связана с развитием здесь причастного (плюсквам)перфекта.

При этом для всей др.-рус. северной зоны (и западной, и восточной), в отличие от южнорусской зоны Киева, было характерно значение отделенного от настоящего прошедшего (3). В южнодревнерусской системе первичное значение ПП (1) отходит на периферию, значение (3), видимо, не получает развития, и доминирующим становится антирезультативное значение (2).

5. Памятники XV–XVI вв. показывают, что развитие ПП в разных вост.-слав. диалектных зонах шло в разных направлениях. По данным **московской** НЛ за XV–XVI вв., как и московских документов этого времени (см. примеры: [Соболевский 1907: 242–243]; [Кузнецов 1953: 243]; [Ремнёва 2000: 197]), в говорах Центра ПП уже сузил свои значения до антирезультативного и продолжает сужать условия употребления, развиваясь по пути привязывания к определенным типам контекста (раньше всего – прерванного действия типа *пошел был, но*) – превращения в совр. рус. конструкцию с *было*. Значение (3) здесь остается только в реликтах типа *жили-были*. Видимо, это направление развития связано с влиянием южнорусской диалектной системы на северо-восточные говоры ростово-суздальского типа. В XV–XVI вв. говор Москвы уже значительно отличался по употреблению ПП от северо-восточной системы.

В **северо-западных** говорах XV–XVI вв., по данным псковских летописей, еще сохраняется значение (3) и употребление ПП в самом частотном значении (2) пока не обнаруживает тенденции к фразеологизации, но развитие идет в том же направлении, что в Центре, поскольку разрушение системы значений ПП здесь началось еще в раннюю эпоху.

Совсем иную систему отражают памятники **Юго-Западной Руси XV–XVI вв.** По данным курсовой работы Т. С. Жуковой, в написанных украинской «простой мовой» ПЕ и белорусской «простой мовой» СХ новый ПП употребляется очень широко и во всех трех значениях, причем шире всего в первичном перфектном (1), антирезультативное же значение (2) здесь оказывается на периферии; в большинстве употреблений ПП присутствует выделительный компонент. Эти данные памятников XV–XVI вв. находят соответствие в украинских и белорусских говорах. Сходная система значений ПП представлена в сев.-вост. русских говорах, а также некоторых зап.-слав. (словацких).

6. На вост.-слав. территории сходное развитие ПП обнаруживается в не связанных друг с другом зонах северо-востока и юго-запада. Тот же путь характерен для некоторых зап.-слав. диалектов – сохранение трех значений ПП при доминировании первичного перфектного, развитие выделительной функции ПП. Говоры великорусского Центра и южнорусские демонстрируют иной, более инновационный путь развития ПП – сужение функций формы до антирезультативных и превращение ее впоследствии в устойчивую конструкцию с модально-временной частицей *было*.

Литература

Киевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908 (= КЛ).

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

Никоновская летопись // ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. XII. СПб., 1901; Т. XIII. СПб., 1904 (= НЛ).

Повесть временных лет // ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926 (= ПВЛ).

Пересопницкое Евангелие // Пересопницкое Евангелие 1556–1561. Київ, 2001 (= ПЕ).

Пожарицкая С. К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1991–1993 гг. М., 1996.

Суздальская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2–3. Л., 1927–1928 (= СЛ).

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

Соболевский А. И. Древнекиевский говор // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2. М., 2006.

«Страсти Христовы» в западнорусском списке XV в. СПб., 1901 (= СХ).

Ремнёва М. Л. Функционирование форм плюсквамперфекта в языке древнерусских памятников // Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. М., 2000.

Широкова А. Г. Чешский язык. М., 1961.

Horák E. Predminulý čas v slovenčine // Slovenská reč. 1964. R. 29. № 5.

«Третье южнославянское влияние» в контексте проблемы формирования общего культурного языка славянства

Е. В. Шимко

Украинская богословская академия имени святых Кирилла и Мефодия (Ужгород, Украина)

Книжно-письменная традиция, церковнославянский язык, южнославянское влияние

Summary. In the report are analyzed the features of evolution book-written traditions in Russia during formation national Russian literary language, character the «third southern Slavic influences», role southwest edition of Church Slavic language in this process.

Эволюция литературного языка неразрывно связана с языком церковнославянским, который является общим достоянием всего православного славянства и в течение многих столетий был основой религиозных и культурных связей разных славянских народов. Оппозиция церковнославянского и русского, как указывает Б. А. Успенский, «оставалась и на каждом этапе отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием» [Успенский 1994: 5]. Однако «что касается изучения древнеславянских памятников более поздних эпох – вплоть до XVIII в., то они изучались, по мнению Н. И. Толстого, спорадически, главным образом в целях обнаружения в них конкретных локальных, диалектных черт» [Толстой 1988: 52–53].

Между тем изучение эволюции лингвистических взглядов, направленность реформ и «рефлексий», начиная с периода так называемого «второго южнославянского влияния» и вплоть до середины XVIII в., свидетельствует о том, что языковое творчество кодификаторов было направлено на формирование единой, общевосточнославянской редакции церковнославянского языка – литургического и литературного языка в едином культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa*. Именно такая трактовка многих тенденций в эволюции книжно-письменной традиции у восточных славян появилась за последнее десятилетие в современной научной литературе.

В XVIII в. идея «общего» славянского литературного языка получила новое развитие в связи с Петровскими реформами и секуляризацией общественной жизни России. После присоединения Украины вопрос об «общем» литературном языке, как указывал Н. С. Трубецкой, ставился в форме довольно обидной как для русского, так и украинского национального самосознания: речь шла не о слиянии книжно-письменных традиций, а об упразднении одной из них как неправильной, испорченной и сохранении другой – как единственно возможной, подлинной. В этом вопросе Российское государство встало на сторону украинцев: Петр I стремился в Европу, а Юго-Западная Русь столетиями была к ней значительно ближе, имела тесные контакты, культурные и экономические связи.

Признание факта так называемого «третьего южнославянского влияния» (как «третье южнославянское влияние» Б. А. Успенский квалифицирует юго-западное влияние на

великорусскую книжную традицию в XVII в., в результате которого языковая ситуация Юго-Западной Руси переносится на великорусскую почву. По мнению Трубецкого, в этот период происходит замена церковнославянского языка московской редакции церковнославянским языком юго-западного извода: рушатся сложившиеся отношения между книжным и разговорным языком, осознается необходимость разработки новых принципов формирования русского литературного языка на национальной основе) ставит под сомнение непрерывность книжно-письменной традиции в России. Доводы о непрерывности этой традиции в русском литературном языке неизменно сводятся к утверждениям, что либо церковнославянский язык обрусел (сторонники традиционной точки зрения, например Б. О. Унбегаун, говорят о «церковнославянской базе русского литературного языка и о русских элементах в нем» [Горшков 1983: 262]), либо русский «оцерковнославянился» [Унбегаун 1970].

Наряду с соображениями о непрерывном развитии русского литературного языка от XI в. и до наших дней высказывались и мнения о перерыве традиции и «соответственно о разных церковнославянских “основах” языков “старого” (до XVII в.) и “нового” (после XVII в.)». В XV и XVI веках церковнославянский язык Юго-Западной и Московской Руси развивался различными путями, и к первой половине XVII в. несходство двух культур стало чрезвычайно глубоким. В трех восточнославянских культурных центрах – Вильне, Киеве и Москве – наблюдается известная двойственность и параллелизм норм церковнославянского языка (см., например, изменения, внесенные справщиками в московское издание 1648 г. грамматики М. Смотрицкого). Это дало основание ряду исследователей высказывать предположение о вытеснении московской редакции редакцией юго-западной, т. е. тем церковнославянским языком, «который послужил основанием для славено-русского литературного языка петровской и послепетровской эпохи, а именно церковнославянский язык киевской редакции» [Трубецкой 1995: 365].

На это обращали внимание А. И. Соболевский, Г. Хютль-Ворт, Н. И. Толстой, из современных исследователей можно назвать В. М. Живова. Согласно этой концепции церковнославянский язык северо-восточной редакции во второй половине XVIII в. прекратил свое существование. Его место

заял церковнославянский язык юго-западной редакции, он «победил московскую традицию, вытеснил ее в старообрядческое подполье, а сам воцарился в Москве, сделавшись отныне общерусским».

Известно, что и значительно раньше – в XVI – XVII вв. – русский литературный язык и русская литература переживают глубокие преобразования, находясь под влиянием украинской книжно-письменной традиции: «украинское лингвистическое влияние среди всех остальных – польского, немецкого, греческого, белорусского – было доминирующим, самым эффективным и длительным» [Полюга 1996]. По мнению ряда исследователей, уже с XVII в. «все традиции и формы использования церковнославянского языка для светской литературы идут из Украины» [Трубецкой 1995: 365], происходит расслоение общества на тех, кто стремился к открытости московского государства и формам светской жизни, максимально приближенным к европейским традициям, и тех, кто воевал за традиции и стойкость укладов.

Именно под таким углом, на наш взгляд, можно рассматривать суть третьего книжно-славянского влияния: это была еще одна попытка формирования «общего литературного языка» восточных славян, когда на русскую почву переносятся юго-западные особенности восприятия книжно-письменной традиции, специфика функционирования литературного языка, тенденции его развития, расширяются сферы

использования, меняется общественное отношение к литературному языку как таковому.

Между тем концентрация внимания на чисто лингвистических аспектах третьего южнославянского влияния вынуждает исследователей признать не только его ограниченный характер, но и сделать выводы о разных направлениях эволюции церковнославянского языка: юго-западное влияние в России и польское – на Украине. Однако в контексте изменений целостного восприятия книжно-письменной традиции даже незначительные системные сдвиги становятся значимыми.

Литература

- Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.
- Полюга Л. Роль української мови у розвитку російської в XVII–XVIII ст. (Роздуми над книгою П. Цимбалістого) // Мова і соціальні процеси. Вісник Львівського університету. Серія філологія. 1996. Вип. 26. С. 16–21.
- Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Трубецкой Н. С. К украинской проблематике // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живов. М., 1995.
- Унбегаун Б. О. Историческая грамматика русского языка и ее задачи // Язык и человек. М., 1970.
- Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

Najnowsze próby kodyfikacji ortografii i gramatyki dialektu / języka górnośląskiego

A. Czesak

Uniwersytet Jagielloński (Polska, Kraków)

Силезский диалект, силезский язык, литературные микроязыки, кодификация

Аннотация. За посл. 5–6 лет было сделано несколько попыток кодифицировать диалект (язык) Верхней Силезии (Górny Śląsk). Интересно, что дискуссии идут в Интернете (форумы, Википедия на силезском). Материал исследуется на фоне сходных процессов в языках других славянских стран.

Górny Śląsk jako kraina historyczna pozostawała poza granicami Polski od XIV wieku. Zarówno jednak w średniowieczu, jak i w czasach nowożytnych, a także w ciągu minionych dwóch wieków nie pojawiał się problem języka śląskiego. Językami kancelarii książęcych, szkoły i urzędów były: łacina, czeski (w części regionu morawski), niemiecki i polski. Po przyłączeniu części terytorium Górnego Śląska do Polski (1922 r.; pozostała część w 1945 r.) język słowiańskiej ludności, in gremio zaliczanej do narodu polskiego, dialekt («gwara śląska») w sferze publicznej pełnił zwykle funkcję ludyczną, niekiedy był środkiem propagandy politycznej. Podobnie było w czasie rządów komunistycznych, które zresztą w dziedzinie polityki dotyczącej mniejszości językowych, narodowych, etnoregionalnych kontynuowały podejście II Rzeczypospolitej.

Po 1989 r., kiedy doszły do głosu różne poglądy, próbowano też dokonywać bilansu doświadczeń śląskich. Obok przeważającej zgody na pokojową koegzystencję i nieingerencję państwa w życie rodzinne dała się zaobserwować tendencja do opisywania dyskryminacji językowej i etnicznej (personalnej i instytucjonalnej) ze strony polskiej, która wzmacniała poczucie odrębności od centralistycznie pojmowanego modelu polskości, nie niwelując poczucia odrębności od narodu, języka i kultury niemieckiej.

Wzrost poziomu wykształcenia i samoświadomości śląskiej oraz chęć opisania i ocalenia śląskiej tożsamości kulturowej spowodowały erupcję publikacji dotyczących kwestii językowych i produkcji literackiej innego typu, co ewidentnie zmienia status mowy Ślązaków – staje się ona de facto kolejnym słowiańskim mikrojęzykiem literackim, obecnie na etapie polinormatywności (klasyfikacja A. Duliczenki; istnieją 3 główne warianty i kilkanaście dość silnych mniejszych). Środowiska kulturalne, naukowe podejmują starania o nadanie *śląszczyźnie* statusu języka regionalnego (wg definicji Europejskiej Karty Języków Regionalnych lub Mniejszościowych).

W procesach kodyfikacyjnych dają się zaobserwować następujące tendencje:

1. zmniejszenie liczby proponowanych systemów ortograficznych:

a) tradycyjny, używający znaków alfabetu polskiego (Szołtysek, Lysko),

b) innowacyjny z elementami pisowni fonetycznej (Wikipedia, Kallus, Rocznik),

c) innowacyjny, ponadregionalny, nawiązujący do ortografii kaszubskiej (Danga).

2. Udział organizacji społecznych i niezależnych środków masowego przekazu w dyskusjach językowych (Towarzystwo Kultury i Promowania Śląskiej Mowy «Pro Loquela Silesiana», Towarzystwo Piastowian Ślōnskiej Mōwy «Danga», Związek Górnośląski, «Jaskółka Śląska», Narodowa Oficyna Śląska).

3. Opór dużej części śląskich elit kulturalnych, społecznych i naukowych, uzasadniany albo obawą przed sianiem niepokoju społecznego i możliwością zaistnienia waśni na tle narodowościowym, albo zinterioryzowanym poczuciem podrzędności, niemożności i zbędności samodzielnej egzystencji ewentualnego «języka śląskiego».

4. Promowanie własnych metod kodyfikacji w Internecie. Fenomenem ambiwalentnie postrzeganym jest śląska wersja popularnej internetowej encyklopedii (*Wikipedyjo. Wolno Yncyklopedyjo*). Wywołuje ona poczucie dumy płynące z samego faktu swego istnienia, po części dzięki uzyskaniu kodu ISO / FDIS 639-3 «szl», z drugiej zaś strony jakoś języka, którym piszą młodzi entuzjaści, odbiega od tego, co za standardowe czy interdialektalne mogą uznać starsze pokolenia Ślązaków i dialektolodzy.

Bibliografia

- Czesak A. Sytuacja językowo-polityczna etnolektów górnośląskiego i podhalańskiego wśród (obok) słowiańskich mikrojęzyków literackich // Słowiańskie językoznanie: pokidaj XX vek... K XIV Meždunarodnomu sjezdu slawistow (Ochrid, 10–16.09.2008) / Pod red. A. D. Dulichenko. Tartu, 2008. S. 196–208.
- <http://proloquelasilesiana.forumowisko.net/>.
- <http://slonskomowa.com/>.
- <http://szl.wikipedia.org>.
- Kallus B. Słownik górnoślōnskiej godki. Nowa propozycja zapisu «szkryft ślōnski». Katowice, 2007.
- Kamusella T. Schlonszka mowa. Język, Górny Śląsk i nacjonalizmy. I–II. Zabrze, 2005–2006.
- Lysko A. Duchy wojny. Dziennik żołnierski 1942–1944. W koszarach pod szczytami Alp. Katowice, 2008.
- Rocznik A. Słownik polsko-ślōnski. Zbornik polsko-ślōnski. T. 1–2. Zabrze, 2007–2008.
- Szołtysek M. Rozmówki śląskie. Podręcznik do nauki śląskiej godki. Rybnik, 2008.
- Tambor J. Mowa Górnoślōzaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice, 2006.

Hrvatski jezik danas

M. Lončarić

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje (Zagreb, Hrvatska)

Narodni govori. Uvodno se govori o položaju hrvatskoga jezika među slavenskim jezicima i njegovu grananju na tri dijela – narječja (Dialektgruppe), od kojih su dva samo hrvatska (čakavsko i kajkavsko), a treće – štokavsko – također je bošnjačko, crnogorsko i srpsko. Velike migracije ranije i u novije vrijeme (Domovinski rat 1991–1995) utjecali su na sadašnji raspored narječja, dijalekata i govora. U novije vrijeme snažan je utjecaj književnoga jezika – industrijalizacija, urbanizacija, opće školovanje, javni mediji. Svjesna su nastojanja i projekti za poticanje svijesti o vrijednosti i potrebi čuvanja narodnih govora kao jedne od bitnih komponenti nacionalnoga identiteta (emisije na radiju i televiziji, poticanje istraživanja: znanstveni skupovi, posebni časopisi, natječaji u časopisima i rubrike u novinama, razlikovne gramatike u školama, zavičajni rječnici). Nastoje se istražiti predviđeni punktovi za jezični atlas.

Književni jezik. Uvodno se daje vrlo kratak pregled razvoja hrvatskoga književnog jezika, za koji je karakteritična trodijalektnost i tropismenost (glagoljica, latinica, ćirilica). U počecima je više književnih idioma u pojedinim hrvatskim krajevima (od 14. st. čakavski, od 15. štokavski, od 16. kajkavski). 1836. štokavski književni s (i)jekavskom osnovicom prihvaćen je kao zajednički književni jezik svih Hrvata, ali su znatne crte hrvatske tradicije, čakavštine i kajkavštine, posebno u leksiku. Od 1947. hrvatski je službeni jezik (dotad latinski).

Krajem 19. st. hrvatski vukovci: normiranje hkj, približavanje srpskom književnom jeziku. Između dva svjetska rata prisilna unifikacija, posebno u državnim institucijama, ali se inače čuva posebnost hkj, manje u terminologiji. U Ustavu nove Jugoslavije 1945. navodi se o hrvatski jezik (također slovenski i srpski). Usprikoš unifikaciji pojačanoj nakon Novosadskoga dogovora 1956. («hrvatskosrpski» jezik), hkj i dalje čuva svoju posebnost, uz određeni utjecaj srpskoga književnog jezika. Nakon *Deklaracije o nazivu i položaju hrvatskoga književnog jezika* (1967) žestoke su reakcije. Iste je godine objavljene su dvije knjige *Rječnika hrvatskosrpskog književnog jezika*, koji je izazvao vrlo negativne reakcije u hrvatskim stručnim krugovima zbog unitarističke metode obrade. Za «hrvatskoga proljeća» 1971. hrvatska strana odbacuje novosadski dogovor i prekida

suradnju na izradi zajedničkoga rječnika. Prišlo se izradi novoga hrvatskoga pravopisa, ali je onemogućeno objavljivanje.

Nakon Ustavnih amandmana 1972, u kojima se kaže da je u Hrvatskoj u «javnoj upotrebi hrvatski književni jezik» pritisak se unitarizacije smanjio, hkj nastavlja svoj razvitak. Prilazi se izradi priručnika: *Osnove fonetike i fonologije hrvatskoga književnog jezika* (1974), *Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika* (1979, Zavod za jezik), koja nije odobrena za upotrebu u školi). Važna su, između ostalih, djela *Putovima hrvatskoga književnog jezika* Z. Vince (1978), Brozovićeve studija *Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti* (1978).

U osamdesetim godinama dolazi opet do pokušaja političkih struja s unitarističkim nastojanjima da se onemogući slobodan razvoj hkj. Izlaze 2 sveska (od 3) Akademijine gramatike (S. Babić *Tvorba ...* i R. Katičić *Sintaksa ...*, 1986).

Nakon 1990. – osamostaljenja Hrvatske – promjena je i u odnosu na književni jezik. Nema više unitarističkih pritisaka. Jaka su puristička nastojanja («čišćenja»), vraćanje na pojedine elemente hkj koji su u 20. st. napušteni. Pokušaj uvođenja starog hrvatskog morfonološkog pravopisa nije uspio. Katkad su to amaterski i nestručni pokušaji, koji se dijelom nameću javnosti, pa dolazi gdje gdje do nove nesigurnosti («Je li to hrvatski?»). Izlazi *Razlikovni rječnik srpskoga i hrvatskoga jezika* V. Brodnjaka (1991), koji je imao dvojbenu utjecaj. Dio javnosti negativno ocjenjuje *Rječnik hrvatskoga književnog jezika* V. Anića (1991), tj. da nije dovoljno «hrvatski». I dalje se znatan dio standardoloških napora odnosi se na pravopis i nastojanje za povratkom na hrvatsku tradiciju, u upotrebi je nekoliko različitih pravopisa, s manjim ili većim razlikama.

1998. izlazi u međunarodnom projektu «Najnowsze dzieje języków słowiańskich» monografija *Hrvatski jezik*, u kojoj su prikazane njegove bitne komponente. Brojni su priručnici. Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti donosi u siječnju 2007. tekst *Hrvatski jezik*, u kojem je sintetizirana glavna tematika (odnos prema drugim slavenskim jezicima, struktura organskoga dijasistema; razvoj književnoga jezika i njegova struktura).